

Александр Федоров

ЛИРРИЙСКИЙ ПРИНЦ

Хроники Паэтты. Книга III

16+

Александр Федоров

**Лиррийский принц.
Хроники Паэтты. Книга III**

«Автор»

2018

Федоров А. Н.

Лиррийский принц. Хроники Паэтты. Книга III /
А. Н. Федоров — «Автор», 2018

Многие тысячи лет миру Паэтты угрожает вселяющая ужас империя Тондрон. Её императоры давно уже стали мифическими персонажами, внушающими страх. И уж подавно никто не сможет вспомнить - кем был первый император-маг Драонн до того, как встретил свою судьбу. Роман повествует о событиях, случившихся более чем за 7000 лет до времён, описанных в первых двух книгах цикла, и позволяет окунуться в уже знакомый, но одновременно и абсолютно чужой читателю мир, каким он был во времена великой Кидуанской империи.

© Федоров А. Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог. Империи рушатся	5
Глава 1. Тучи сгущаются	9
Глава 2. Драонн	16
Глава 3. Делетуар	24
Глава 4. Ратуша	30
Глава 5. Аэринн	38
Глава 6. Помолвка	45
Глава 7. Кидуа	51
Глава 8. Дипломатия	58
Глава 9. Лейсиан	65
Глава 10. Совет по примирению	71
Глава 11. Аудиенция	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Федоров

Лиррийский принц.

Хроники Паэтты. Книга III

Пролог. Империи рушатся

Старик был похож на старого, битого временем и жизнью ворона. Из грязно-белой щетины, которая росла, казалось, от самых его маленьких чёрных глазок, торчал огромный горбатый нос – настоящий клюв. Полы траченого временем плаща какого-то неопределённого бурого цвета трепетали на холодном осеннем ветру, придавая ещё большее сходство с болезненной ошипанной вороной, медленно подыхающей на голой ветке. И голос у него был под стать – резкий, каркающий, надорванный. Может именно от этого его злые, колючие слова казались ещё более мерзкими.

– Война! Война! – вещал старик, возвышаясь над небольшой толпой, благодаря тюкам кож, на которые он взобрался. – Только война! Эта война очистит мир, изгонит скверну, восстановит справедливость! Покуда живо хоть одно лирское отродье, не будет покоя моему сердцу!

С этими словами старик иступлённо рванул себя за одежду на груди. Послышался явственный хруст ветхой ткани, а сам же оратор едва устоял на ногах от такого резкого рывка. Но толпа приняла жест весьма благосклонно.

– Война! – экзальтированно вскричал старик, похоже, это было его любимое слово. – Это очистительное пламя, которое выжжет сорную траву, чтобы дать взойти добрым злакам. Наша благословенная империя – мир людей! Лиррам здесь нет места!

Слова упали на благодатную почву – толпа задвигалась, раздались одобрительные выкрики, вверх взметнулось несколько крепко сжатых заскорузлых кулаков. Ни у кого из тех, кто обступил импровизированную сцену из дурно пахнущих тюков с кожами, не было и тени сомнения в справедливости того, что каркал им этот жутковатый ворон...

Война пришла на обширные территории Великой Кидуанской империи поздней весной 2837 года Руны Хесс¹, когда, казалось бы, самое время жить, радоваться тому, какой благодатный в этом году выдался месяц Арионна², любить друг друга, да ждать обильного урожая.

И это была не одна из тех войн, когда на жирные бока империи то и дело пытались бросаться голодные волки Прианурья – дикари, до которых у императоров покуда не дошли руки, или вновь пытались восстать недавно присоединённые территории палатийских племён. Это даже не было пихание локтями с Саррассанской империей, с которой тесно было меститься на Паэтте. Это была гражданская война, в которой верноподданные Кидуанской империи рубили и резали друг друга.

Если, конечно, само слово «верноподданный» можно применить к богомерзким отродьям, именуемым лиррами. Спесивые ублюдки, воротящие нос от людей, считающие их вторым сортом по праву того, что боги по какой-то ошибке наградили их долгой жизнью. Не знающие своего места выродки, уверенные в собственной безнаказанности.

Лиррия, юго-западная провинция империи, граничащая с Саррассой, всегда держалась особняком. С тех самых пор, как пересеклись пути человеческой и лиррийской рас, отношения

¹ Руна Хесс – четвёртая по счёту Руна, запечатавшая Сферу Создания. Соответствует 14837 году от Сотворения Сферы.

² Месяц Арионна – последний месяц весны, соответствующий нашему маю.

их нельзя было назвать простыми. Лирры держались с людьми снисходительно и высокомерно, словно старшие братья. Когда люди, измучавшись постоянными дрязгами, построили наконец нечто цельное и стабильное – империю Содрейн, лирры не принимали в этом никакого участия.

Увы, великая империя пала довольно скоро – при жизни внуков правнуков тех, кто её создавал. После себя она оставила лишь монументальные и величественные города, язык, на котором теперь говорила значительная часть населения Паэтты, а также понимание того, что для сохранения мира и стабильности нет другого пути, кроме имперского. Потому и неудивительно, что на неостывшем ещё пепелище империи Содрейн вскоре воздвиглись два новых государства – Саррасса и Кидуа. И вновь они были построены людьми, а лирры лишь смотрели на это со стороны, как обычно – чуть презрительно.

Лиррия попросилась под протекторат Кидуанской империи, когда участились набеги саррассанцев. Дикие южане отличались крайней нетерпимостью к лиррам, что выражалось в самых отвратительных зверствах, какие только могли прийти в горячие смуглые головы. Нельзя сказать, что кидуанцы очень уж жалели лирр или сочувствовали им, но император Диалон, тогдашний правитель империи, не мог не видеть выгоду в союзе с этим умным народом.

В результате очередной короткой Саррассо-Кидуанской войны был подписан трактат о границе, который навсегда закрепил Лиррию в качестве провинции Кидуанской империи. Лиррам было даровано гражданство империи, позволяющее свободно расселяться в пределах её территорий, однако они весьма неохотно покидали родные места, предпочитая селиться компактно. Тем не менее, Кидуа получила весьма выгодные территории от побережья Загадочного океана до самого озера Прианон.

Однако прошли десятилетия, которые сложились в столетия, и постепенно лирры забыли свой страх перед саррассанцами. Всё больше претензий предъявляли они имперским властям, а те старались идти по шаткой доске компромисса над пропастью междоусобиц, поэтому шли на уступки. Лиррия со временем получила значительную автономию.

Политика империи на присоединённых территориях обычно была довольно жёсткой – ко всем им применялся так называемый Дейский эдикт, в котором было всего три пункта, но зато абсолютно недвусмысленных. Во-первых – имперский язык. Он признавался государственным во всех провинциях, поэтому судопроизводство и все любые взаимоотношения с имперским чиновничеством велись исключительно на этом языке, и любого, кто не владел им, вытолкали бы взащей из всех государственных учреждений.

Второе – власть. Единственным властителем новых территорий объявлялся император, а местные князьки в лучшем случае могли рассчитывать на роль сатрапов и наместников, да и то – если повезёт. Довольно часто их заменяли люди, прибывшие из Кидуи.

Третье – налоги. Вся подать, собираемая на территории провинций, целиком уходила в столицу, а уж затем, пройдя через холодные бестрепетные пальцы императорских казначеев и всевозможные приходно-расходные книги, возвращались обратно. Естественно, в существенно меньшем размере.

Любой политик скажет, что в таком сложном государстве, собранном из разноцветных лоскутов и не всегда мирно, ни в коем случае нельзя выделять какой-либо лоскут среди остальных, поскольку это чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Однако императоры Кидуи словно не знали всех этих прописных истин – Дейский эдикт изначально был введён в Лиррии с условиями и ограничениями, а по прошествии времени и вовсе как-то сам собой упразднился.

Сколь ни шерстили придворные юристы ворохи указов, изданных за последние десятилетия, но так и не смогли найти ничего, что удостоверяло бы то, что Дейский эдикт для Лиррии был упразднён официально. Выходило так, что постепенно лирры просто перестали его исполнять, да при этом сделали это так ловко, что правители Кидуи ничего не заметили, словно рак, которого бросили в кастрюлю с холодной водой и поставили на медленный огонь.

И всё бы ничего, кабы не извечное высокомерие лирр. Да, Лиррия не привносила в казну даже медного оэра³, но, с другой стороны, она и не получала ничего взамен. Да, весьма многие лирры вызывающе отказывались говорить на общеимперском, хотя без сомнения понимали его. Да, их принцы вовсю пыжились, воображая себя правителями своих игрушечных надельчиков. Всё это хотя и вызывало негодование у людей, но до поры не приводило к яростному всплеску всепоглощающей ненависти.

Хрупкий мир рухнул с появлением тщедушной и хромой фигуры лиррийского проповедника Лейсиана. Неудачное падение с лошади много лет назад лишило его не только знаменитой лиррийской стати, но и значительной части здоровья. Однако дух его оказался на удивление крепок, а мысли были столь радикальны, что даже не все лирры воспринимали их.

Говоря коротко, Лейсиан почти свихнулся на идее великой войны народа лирр за мировое господство. Он считал племя людей недоразумением, стоящим на их пути. Он зашёл так далеко, что даже отказывал людям в праве называться истинно мыслящими и одушевлёнными существами. Он обличал алчность, жестокость, коварство людей, проистекающих, по его мнению, из их до смешного недолгого века, а потому люди должны были уйти, чтобы не мешать лиррам построить воистину прекрасный мир.

Сам по себе Лейсиан вряд ли стал бы слишком опасен для империи людей. Ныне здравствующий император Родреан Третий, осведомлённый своей тайной полицией о хромоногом баламуте, повелел потихоньку избавиться от него, закрыв в каком-нибудь каменном мешке. Однако Лейсиану удалось бежать и укрыться во владениях лиррийского принца Волиана, ярого приверженца радикальных идей новоиспечённого проповедника.

И вот с этого всё и началось. Волиан, принц карликового надела на востоке Ревии, объявил свои земли свободными от людей. Последние, впрочем, и так не особенно охотно селились в лиррийских землях, однако некоторое количество их всё же там проживало. И вот Волиан объявил тем немногим из людей, что населяли его владения, что они должны в недельный срок убраться, захватив любое добро, какое сумеют унести.

За неделю жалоба, посланная колонами императору, просто не успела добраться до места назначения, а Волиан, распалённый своим новым духовным учителем, не склонен был проявлять терпение. Загорелись людские хутора да сёла, полилась первая кровь... И этого хватило, чтобы империя окончательно лишилась разума. Тот самый последний маленький камешек потревожил громадную лавину, что грозила теперь погresti под собой бо́льшую часть цивилизованного мира...

– Эта война не будет долгой! – убеждал грязный старик, то и дело закашливаясь от необходимости повышать голос. – Лирр мало, и пусть они живут долго, но почти не плодятся! Хватит года, чтобы истребить эту нечисть с лица земли! Мы будем убивать всех – детей, женщин, стариков, пока голова последнего лирры не повиснет на пике над воротами нашей славной Кидуи!

Гул одобрения заставил юношу, стоящего чуть поодаль и прислонившегося плечом к обшарпанной стене дома, скривиться от гнева и отвращения. Правда, этого никто не увидел – лицо его было надёжно скрыто капюшоном плаща, благо погода была ненастной, так что ни у кого это не вызвало ни малейших вопросов. А вот громадные глаза, заметь их прохожие, причинили бы их владельцу немало неприятностей. Вернее всего, его избили бы тут же, на месте, а может, случилось бы и что похуже.

Одной храбрости было мало, чтобы лирре, всего-навсего скрыв лицо капюшоном, проникнуть в людской город в самый разгар кровопролитной резни, что шла сейчас южнее. Тут

³ Оэр – мелкая медная монета Кидуанской империи.

нужно было уже какое-то разудалое безрассудство, или же крайняя нужда. Драонна, как звали этого смелого юношу, привело сюда именно второе. Поэтому, напомнил он себе, у него нет времени, чтобы стоять здесь и слушать этот неистовый бред.

Эти люди, в сущности, сами не понимали, зачем необходимо было убивать лирр. Здесь, на севере, лиррийские владения были невелики, и селились тут, как правило, лишь те, кто намерен был прочно связать судьбу с империей. Между людьми и лиррами тут никогда не было серьёзных противоречий. Сам Драонн много раз бывал здесь, в Шедоне, и с отцом, и теперь уже – сам, в качестве принца своего надела. И эти люди, чьи лица сейчас сводит от ненависти, совсем ещё недавно приветливо улыбались молодому принцу, когда тот, не торгуясь, скупал их рыбу, овощи и зерно.

Однако, нужно идти. Похоже, эти бездельники вознамерились кричать тут до темноты. Принц Драонн не мог позволить себе терять столько времени. Оторвавшись от стены, он направился туда, где, как ему хотелось надеяться, его сейчас очень ждали.

Глава 1. Тучи сгущаются

– Это правда... Они действительно идут сюда, – с порога объявил Ливейтин, начальник охраны замка.

Драонн невольно скрипнул зубами. Когда около двух часов назад один из земледельцев, примчавшийся на взмыленном коне, сообщил, что к замку движется отряд красноверхих численностью не меньше трёх сотен человек, принц понадеялся, что это какая-то ошибка. Конечно, сам факт появления красноверхих в окрестностях замка уже был тревожным, но Драонн тешил себя надеждой, что они просто направляются куда-то на юг из Шедона. Возможно, в Лиррию или Ревию, где сейчас было особенно напряжённо.

Однако он приказал послать нескольких разведчиков, и, как оказалось, не зря. Очевидно, что эти ублюдочные «охотники за лиррами» шли сюда. А это значит, что стоило ожидать худшего.

Гражданская война расколола не только граждан Кидуи, она расколола и сам народ лирр. Очень многие, в числе которых был и молодой принц Драонн, весьма негативно оценивали действия Волиана и Лейсиана, своими необдуманными поступками поставивших лирр в весьма опасное положение. Таким образом среди лиррийских элит чётко выделились две партии – лейсианцы и лоялисты. Последние выступали за скорейшее прекращение противостояния и налаживание отношений с людьми.

Проклятая война шла уже почти год. То и дело до Драонна доходили леденящие кровь слухи о нападении созданных людьми отрядов – истребителей лирр, которых за их отличительные знаки, красные береты, прозвали красноверхими, на небольшие лиррийские поселения и мелкие замки. Подробности, на которые осведомители обычно не скупились, заставляли сердце юного принца замирать от горя и ужаса. Однако здесь, на севере, до последнего времени было довольно-таки спокойно.

Император Родреан, который вскоре после начала конфликта не поленился лично выехать в свои северные провинции для встреч с лидерами лоялистов, горячо убеждал их в своей снисходительности к неразумным восставшим подданным, заверял в том, что приложит все усилия, чтобы было пролито как можно меньше крови – как человеческой, так и лиррийской. Особенно искренне он убеждал северную лиррийскую знать, что любому, кто не поднял руку на своего сюзерена, ничего не грозит, и что он не допустит самосуда на своей земле.

Однако довольно скоро Драонн сумел оценить крепость монаршего слова. Началось всё с того, что лиррам был закрыт въезд в города без особого на то дозволения магистрата. Как пояснялось в эдикте – дабы не провоцировать ненужную агрессию. Вскоре и вовсе на территории империи для лирр был введён строгий пропускной режим, по которому ни один представитель лиррийского народа не мог отъехать от своего дома больше чем на две лиги⁴ без особой подорожной грамоты, получить которую также можно было лишь в магистрате. И это вновь было объяснено радением о безопасности лиррийских подданных его величества.

Лоялисты оказались в весьма затруднительной ситуации – с одной стороны, весьма влиятельные силы при дворе, казалось, только и ждали повода, чтобы обвинить их во всех смертных грехах и обрушиться на них со всей яростью. С другой стороны, они не могли не понимать, сколь унижительно и опасно их нынешнее положение – каждый новый указ, изданный императором, казался, был лишь очередным щелчком по носу, издёвкой тем более горькой, что она была явно незаслуженной.

⁴ Лига – имперская мера длины, равная 3 милям или 4828 метров.

Часть лоялистов подобные действия властей бросили в лоно лейсианцев. Принц Драонн, хоть и был ещё совсем молод по лиррийским меркам, тем не менее занял более взвешенную позицию, хотя многие его бывшие товарищи называли её трусливой и даже предательской.

Но Драонн всё ещё надеялся восстановить разбитый вдребезги мир и понимал, что для этого хотя бы кто-то должен сохранить ясную голову. Кроме того, он чувствовал ответственность за своих немногочисленных подданных – домочадцев замка, несколько десятков фермеров, проживающих на его землях. Они не должны погибнуть, как гибли сейчас несчастные обитатели Ревии и Лиррии.

Именно поэтому Драонн не только не ввязывался в дразги, но и, как мог, старался сгладить какие-то острые углы между людьми и своими соседями-лиррами. Правда сказать, что из этого что-то получалось, было бы явным преувеличением. Однако до тех пор, пока гражданская война ограничивалась полустихийными стычками, пока войну против лирр вели полуофициальные отряды красноверхих, пока ещё можно было полуправдиво убеждать самого себя, что никакого геноцида его народа нет – лиррийский принц терпел, понимая, что нынешнее «плохо» легко может превратиться в «просто ужасно».

До последнего времени лоялистов не трогали. Заканчивалась снежная зима, многие дороги были ещё практически непроходимы из-за снежных наносов. Естественно, холода слегка поостудили воинственный пыл сражающихся, однако противостояние тлело под этим ледяным настом, грозя новым пожаром, как только падут снежные оковы. И именно теперь первые предвестники роковых перемен появились на ленных владениях принца Драонна.

– Проверить мост! – кратко распорядился Драонн, быстро накидывая меховую шубу – хоть весна была и не за горами, но пока что было ещё довольно холодно. – Закрыть ворота!

Доромион, замок местных лиррийских принцев, представлял собой хорошо отстроенную крепость с мощной крепостной стеной, башнями, рвом. Конечно, сейчас ров скован льдом толщиной в полтора, а то и два фута⁵, но и без того это был по-прежнему крепкий орешек. Таковую твердыню не взять армией не то что в триста, а и в три тысячи воинов, если, конечно, не вмешается серьёзная магия. Правда, гарнизон был совсем невелик – всего-то шесть десятков воинов, не считая дворовой прислуги и других обитателей замка, но крепость была построена так умело, что эти шестьдесят бойцов представляли собой весьма грозную силу.

К сожалению, Доромион был не слишком хорошо подготовлен к осаде. С водой, пожалуй, проблем бы не возникло – при крайней нужде всегда можно натопить снега, а вот с удовольствием было туговато. Зима съела основную часть запасов, а пополнить их теперь не представлялось возможным, по крайней мере, до лета.

Однако, Драонн всё ещё продолжал надеяться, что тревога окажется ложной. Тем не менее, он приказал натянуть свежие тетивы на луки и вынести к бойницам добрый запас стрел. По его подсчётам отряд находился меньше чем в часе ходьбы отсюда, а это значило, что уже довольно поздно пытаться предупредить фермеров. Тем не менее, он послал двух мальчишек в пару ближайших ферм, обитатели которых ещё могли успеть, побросав хозяйство, укрыться под надёжной защитой замковых стен.

Ожидание было тягостным. Холодный ветер так и норовил забраться за пазуху через отвороты шубы. Однако шуба принца была столь же непреступна, как и его замок, поэтому ветру оставалось лишь с бессильной злобой тормозить длинные чёрные волосы – тонкие и прямые, как у всех лирр.

Широко распахнув свои огромные глаза, Драонн тревожно вглядывался вдаль. Он опасался увидеть на горизонте чёрные дымы, являющиеся верными спутниками карателей, явив-

⁵ Фут – имперская мера длины, равная приблизительно 30,5 см.

шихся на расправу. Но горизонт был чист, воздух был уже по-весеннему прозрачен, и это вселяло определённую надежду. Хоть ожидание и выматывало, но принц в глубине души надеялся, что он простоит вот так вот ещё час или два, щурясь от внезапных порывов ветра, а затем спустится вниз, так и не дождавшись отряда красноверхих.

Увы, на этот раз тревога оказалась не ложной. Нечеловечески зоркие глаза лирры заметили движение у самого горизонта – небольшое тёмное пятнышко на безбрежной белизне. Вскоре стало очевидно, что это – тот самый отряд красноверхих, хотя сами красные береты ещё не были видны.

– Идут... – буркнул Ливейтин, стискивая лук, лежащий перед ним на широком парапете стены.

– Что ж, поглядим... – тихонько проговорил Драонн.

Он оглядел позиции – все илиры⁶ были на своих местах. Пока они внешне казались абсолютно расслабленными, но принц знал, что одного короткого приказа хватит, чтобы это кажущееся спокойствие развеялось, словно дым. Лирры – непревзойдённые лучники, и Драонн не сомневался, что в случае чего две трети красноверхих не успеют уйти достаточно далеко, чтобы спастись от стрел. Но он всё же надеялся, что до этого не дойдёт, ведь это означало бы войну лично для него.

Отряд красноверхих приближался неторопливо, со спокойствием людей, идущих по своей земле и находящихся в своём праве. Официально император Родреан не поддерживал отряды охотников на лирр, но при этом и не чинил им никаких препятствий, глядя сквозь пальцы на леденящие кровь зверства. При этом поражения красноверхих вызывали всякий раз бурю негодования среди придворных «патриотов». Поэтому, пользуясь этой негласной поддержкой, красноверхие, являясь поначалу не более чем стихийными народными образованиями, постепенно превращались в почти регулярную армию, обзаведясь даже собственными знаками отличия. Да и финансово они совсем не бедствовали, поскольку потоки пожертвований, не иссякая, текли со всей империи во имя скорейшей победы людей.

Драонн, не шевелясь, смотрел на приближающихся врагов. Над Доромионом висела мёртвая тишина, изредка нарушаемая лишь резким сварливым карканьем нескольких ворон, сидевших на крыше ближайшей башни. Это глумливое карканье действовало на нервы, так что Драонн едва сдерживался, чтобы не пустить стрелу в проклятых вестников несчастий.

Когда отряд красноверхих находился в каких-нибудь пятистах ярдах от замка, Драонн приказал поднять мост. К сожалению, никто из фермеров, которых он послал предупредить, не поспел вовремя, но теперь держать мост опущенным становилось рискованно. Что же касалось мальчишек-посыльных, то на их счёт принц не переживал – они найдут, где пересидеть опасность.

Красноверхие шли вполне приличным строем, даром, что среди них почти не было профессиональных военных. На удивление, но для сборища мародёров и карателей в отрядах «истребителей лирр» была вполне неплохая дисциплина, более присущая армии, нежели народному ополчению.

И вот наконец они остановились, не дойдя каких-нибудь пару десятков футов до крепостного рва. Предводитель отряда, придерживая на макушке свой красный берет, запрокинул голову, чтобы взглянуть на принца Драонна, взиравшего на них с высоты двадцати пяти футов.

– В чём дело? – надменно осведомился лиррийский принц, стараясь, чтобы голос его звучал максимально спокойно и властно. – Для чего вы пришли сюда?

⁶ Илир – слово, которое лирры используют для обозначения отдельного представителя своего рода. Если слово «лирра» используется как идентификатор расовой принадлежности, то «илир» используют в качестве выделения социальной единицы. Например, так: «Драонн был лиррой», но «Его отряд насчитывал около шести десятков илиров».

– Нам стало известно, – также не тратя времени на приветствия и любезности, заговорил предводитель. – Что в этом замке укрывают мятежников-лейсиан.

Очевидно, что этот человек был довольно низкого происхождения, поскольку использовал просторечное именование последователей Лейсиана. Надо сказать, что это было весьма распространённое явление среди красноверхих – среди них, конечно, были дворяне, но их было немного, потому что знать, как правило, не хотела пачкаться общением с чернью, да и методы этих карателей зачастую вызвали брезгливость даже среди ярых противников лирр.

Надо сказать, что Драонн слегка опешил от подобного обвинения, а точнее – от его абсурдности. Конечно было ясно, что это – не более чем повод, но принц, признаться, не ожидал подобного. Хорошо бы ещё было понять – был ли это лишь надуманный предлог для нападения на замок, или же действительно имел место донос на него. Исключать последнее было бы наивно – в смутные времена наветы на недругов, а иногда и на друзей были делом вполне обыденным.

– Что за вздор! – ответил принц. – В этом замке нет никого, кто поддерживал бы лейсианцев. Я знаю каждого обитателя замка, и лично отвечаю за это!

– Слова – не более чем пар, что вырывается изо рта, – возразил предводитель. – И так же быстро они рассеиваются, не оставив и следа. Чем можешь подтвердить их ты, лирра?

– А разве я *должен* подтверждать их, человек? – презрительно спросил Драонн. – Разве слово принца нуждается в подтверждении?

– Слишком много у нас в государстве самозванных принцев! – фыркнул предводитель. – Что ни лирра, так обязательно принц! Как по мне, так у нас есть одна монаршая особа – его величество император, и других нам не надобно!

Драонн сдержался, стерпел. Сейчас нельзя было показывать норв – слишком многое стояло на кону. Да и, надо сказать, сдержанность была вполне в характере молодого принца. Многие и вовсе считали его нерешительным и трусоватым, хотя это явно не соответствовало действительности.

– Тебе придётся довольствоваться моим словом, человек, – медленно произнёс он. – Потому что кроме него у тебя всё равно больше ничего не будет. Если ты думаешь, что я сейчас открою перед тобой ворота – ты сильно заблуждаешься.

– Даже если я явился от имени императора? – вскинулся красноверхий.

– Император много раз говорил, что не имеет с вами ничего общего, – Драонн даже не попытался скрыть ненависть и презрение в голосе.

– На словах – да, но на деле... – осклабился предводитель.

– Во всяком случае, я совершенно уверен, что его величество не санкционировал ваши вызывающие действия.

– Это лишь до поры, – заверил красноверхий. – Но у меня есть приказ магистрата о розыске опасного преступника по имени Кейвиан.

– И в приказе указано, что он укрывается в моем замке?

– Здесь этого не указано, – человек нисколько не смутился. – Но ходят слухи, что ты привечаешь государевых врагов.

– И откуда же эти слухи?

– Этого я не скажу.

– Да потому что ты лжёшь! – Драонн едва сдержался, чтобы не перейти на крик. – Все знают, что я являюсь сторонником его величества и не поддерживаю Лейсиана и Волиана.

– Но ты и не борешься с ними!

– Я не обязан вести братоубийственную войну! – отрезал Драонн. – Для тебя, человек, довольно того, что я не оказываю им поддержки. А теперь ступай прочь! Возвращайся откуда пришёл, потому что ты мне надоел!

– Ты осмелишься противиться указу магистрата, лирра? Ты же понимаешь, что за этим может последовать! Не лучше ли тебе перестать пыжиться и просто открыть ворота. Если мы не найдём здесь этого Кейвиана, мы просто уйдём.

– Я не открою ворота тем, кто ославился войной с женщинами и младенцами, – почти выплюнул злые слова Драонн. – Ступай отсюда, да поторапливайся. Здесь со мною почти семь десятков мужчин, каждый из которых – непревзойдённый лучник. Ты знаешь, что лиррийский лук бьёт на триста шагов, а в минуту каждый из нас способен выпустить семь стрел. Посчитай-ка, скольких людей ты потеряешь, прежде чем сумеешь отойти на безопасное расстояние! Я дам вам целую минуту. Если поторопитесь, этого хватит, чтобы никто не погиб.

– Да как ты смеешь?.. – прошипел побагровевший от гнева предводитель. – Ты понимаешь, что...

– Время пошло, – чётко произнёс Драонн, и в ту же секунду более шести десятков луков с наложенными на тетиву стрелами взметнулись вверх, словно по неслышной команде.

Было видно, как внезапно побелел предводитель красноверхих, как заволновались перетрусившие люди. Очевидно, они не ожидали подобного приёма здесь, на землях лоялистов.

– Уходим, парни, – стараясь говорить властно и невозмутимо, произнёс командир.

Подчинённые с явным облегчением исполнили команду. Они уходили довольно торопливо, но стараясь при этом сохранить хоть какое-то подобие достоинства, и это выглядело очень смешно. Однако на стенах никто не смеялся. Притихли даже вороны, и мир накрыла напряжённая тишина. Пальцы Драонна, стиснувшие лук, побелели от напряжения.

Конечно, за отведённую минуту отряд не успел уйти на достаточное расстояние, поэтому, исполни Драонн свою угрозу, лиррийские стрелы нашли бы себе цели, однако же он, конечно же, делать этого не стал. Как только красноверхие отошли на достаточное расстояние, принц выдохнул и, повернувшись к стоящему рядом Ливейтину, буркнул:

– Пойдём.

Тот в ответ лишь кивнул и сделал знак остальным воинам. Оставив на стенах лишь пару дозорных, остальные защитники замка спустились вниз.

– Что это, по-твоему, было? – небрежно сбросив шубу на скамью, Драонн, зябко подёрнув плечами, подсел к самому камину.

Ливейтин был старше отца принца и вполне годился ему в деды, поэтому обычно Драонн обращался к нему на «вы», переходя на «ты» лишь в минуты сильного волнения.

– Думаю, нас просто шупали, – пожал плечами Ливейтин.

– По-твоему, не было никакого Кейвиана и никакого приказа магистрата? – Драонн повернулся, чтобы взглянуть на старого воина.

Ливейтин, который верой и правдой служил больше восьмидесяти лет его отцу, и уже несколько лет – самому Драонну, почти не задумываясь отрицательно покачал головой. Значит, он не верил в сказанное тем ублюдком, а принц привык доверять чутью своего начальника стражи.

– Может быть, действительно есть какая-нибудь писулька о каком-нибудь Кейвиане, но сюда они пришли не за тем, – проговорил Ливейтин.

Он по-прежнему стоял у дверей, несмотря на то что наверняка замёрз не меньше самого Драонна, поэтому принц сам жестом подозвал его к дышащему дымным теплом камину.

– Мародёры? – с тревогой в голосе уточнил Драонн.

– Думаю – да, – кивнул Ливейтин. – Зима близится к концу, жрать людишкам нечего, вот и пробавляются кто чем может.

– Что-то не вяжется... – задумчиво помотал головой принц. – Если так – почему они просто не пограбили окрестные фермы? Зачем нужно было переть на хорошо защищённый замок?

– Не думали встретить отпор, – пожал плечами старый воин. – Вы же знаете, мой принц, какое о вас мнение у окружающих.

Драонн это знал. Большинство окрестных лирр, да и людей тоже, в лучшем случае называли бы молодого принца осторожным, а в худшем – трусоватым. Удивительно, но его это нисколько не задевало. Драонн знал, что если потенциальный неприятель тебя недооценивает – это преимущество, которым нельзя разбрасываться. Да и не считал он себя таким уж храбрцом, а безрассудным и вовсе никогда не был. Именно поэтому его сегодняшний шаг мог показаться большинству таким неожиданным.

Но лиррийский принц чувствовал, что времена меняются, и что лояльность перестаёт быть гарантией безопасности. До него уже дошли слухи о недавних арестах нескольких знатных лирр, причём все они были известными лоялистами. Обвинения, выдвинутые против них, были настолько нелепы, что не оставляли пространства для сомнений – это была политическая зачистка. Увы, но лирры, кажется, проигрывали людям эту войну, а это означало, что императору скоро станут ни к чему даже те их них, кто пока что сохранял преданность короне. Именно это и не давало покоя.

– Я думаю, что здесь что-то другое... – озвучил он свои сомнения. – Я думаю, что нас действительно прощупывают, но не эти шавки. Мне кажется, скоро начнётся настоящая война, где мы уже не сможем отсидеться в стороне и убеждать всех, что мы не при чём. И в этой войне наш народ либо погибнет, либо сумеет найти нечто, что позволит нам подмять людей под себя, потому что с их стороны вряд ли стоит ожидать встречных шагов.

– Императору невыгодна полномасштабная гражданская война, – возразил Ливейтин, но так, что было видно, что он сам едва верит в то, что говорит. – Она расшатывает основы империи, а этим немедленно воспользуются те же саррассанцы, а может палатийские племена используют это для обретения независимости. Стоит допустить раздразнить внутри страны – империя рухнет.

– Всё это так, – Драонн наконец отошёл от камина и наполнил вином два кубка. – Но именно поэтому императору нужно решить лиррийский вопрос как можно скорее. Любой ценой...

Последние слова были настолько мрачными, что, казалось, придали горечь вину, поэтому, едва отхлебнув из кубка, Драонн поставил его на место, поморщившись.

– И даже если этот отряд пришёл сюда по своей воле, – продолжил он, тяжело опираясь на стол. – Для нас в этом тоже мало радости. Красноверхие становятся весомой силой, это заметно и слепцу. Вскоре они вырвутся из-под контроля, словно свора взбесившихся псов, и тогда даже окрики императора не сдержат их. Тем более что он вряд ли будет очень уж стараться.

– И что делать? – кажется, на этот раз Ливейтин действительно был растерян.

– Пошлю голубя в магистрат с официальной жалобой. Буду вести себя как законопослушный гражданин империи. Поглядим на их реакцию. Конечно, хорошо было бы съездить самому, но долгая морочка с получением разрешения на въезд... Не хочу терять времени. Ну а мы тем временем начнём готовиться к худшему...

Ливейтин некоторое время вглядывался в это совсем ещё юное лицо, на котором внезапно прорезались вдруг резкие волевые складки у рта и переносицы. Этот юноша полон сюрпризов, неожиданных даже для него, хотя, казалось бы, за всё это время он уже должен был вдоль и поперёк изучить своего принца.

– Когда началась война, – проговорил он наконец. – Я жалел, что с нами нет вашего отца – смелого и решительного илира. Но теперь я вижу, что под вашим началом у Доромиона есть

надежда. Лишь такой союз храбрости с осторожностью позволит нам пройти по этому краю пропасти. Если это вообще возможно.

– А вот это мы вскоре узнаем, – произнёс Драонн, садясь за стол и пододвигая к себе писчие принадлежности.

Глава 2. Драонн

Лиррийский принц Драонн был сыном Астевиана и Билинн Доромионских. Лицо своей матери Драонн помнил лишь благодаря нескольким картинам, висящим в замке, ибо она умерла, когда он был двухгодовалым малышом. Правда, на каждой картине лицо Билинн несколько отличалось от остальных, поэтому каков был истинный облик матери – теперь можно было лишь догадываться.

Что же касается принца Астевиана, то, хоть и хотелось бы сказать, что он был знаменитым, стяжавшим славу правителем, но на деле это было всё-таки не так. Астевиан был одним из почти четырёх десятков лиррийских принцев Кидуи – не хуже, но и не лучше других. Насколько Драонн вырос рассудительным и осторожным, настолько же его отец был импульсивен и безрассуден. Наверняка, будь он теперь ещё жив, то стал бы ярым сторонником Лейсиана.

Именно это безрассудство и сыграло с ним злую шутку. Астевиан погиб на дуэли, когда его сыну было всего тридцать два, а самому ему не исполнилось и ста лет. Глупая дуэль, ставшая результатом неудачной шутки, стоила жизни главе древнего рода принцев Доромионских, возложив бремя власти на его юного сына. Тогда очень многие предсказывали, что дому Доромионов наступит конец.

По лиррийским меркам Драонн был едва ли не мальчишкой, когда его чело впервые опоясал тонкий серебряный обруч главы дома. В среднем лирры жили до трёхсот лет, магини легко доживали и до тысячетлетнего возраста. Несложно понять, откуда к ним была такая ненависть со стороны людей, считающих большой удачей дожить до шестидесяти. Но в долгой жизни были и очевидные минусы, которых люди не понимали и не хотели понять – в свои тридцать с небольшим Драонн по своему развитию вряд ли намного превосходил шестнадцатилетнего человека.

Речь шла, конечно, не о физическом развитии – в этом плане лирры развивались быстрее, а вот в эмоциональном, душевном плане они заметно отставали. Кроме того, лиррийские женщины становились способными зачать ребёнка не раньше, чем в те же тридцать-сорок лет, тогда как среди людей обычным делом были тринадцатилетние роженицы. И если человеческая женщина за свою короткую жизнь успевала произвести на свет около десятка детей, то в лиррийских семьях считалось счастьем рождение второго ребёнка, а уж тех, кому посчастливилось иметь трёх детей, и вовсе было удручающе мало. Тот же Драонн, к примеру, был единственным потомком принцев Доромионских.

Повторимся, что после погребения Астевиана Доромионского в его осиротевшем замке царило полное уныние – хоть времена и нельзя было назвать лихими, но и простыми они никогда не были, а потому воцарение Драонна на престоле предков казалось всем началом конца.

Юный принц был типичным представителем молодой поросли высшей лиррийской аристократии. Хорошо образован, привычен к роскоши, неплохо фехтует, куда лучше стреляет из лука. Правда поверхностным его никак нельзя было назвать – в отличие от многих своих сверстников Драонн частенько предпочитал конным скачкам книгу.

Особенно удивлял отца и наставников выбор книг – наследник не интересовался художественной литературой, предпочитая воспоминания и записки путешественников и полководцев, жизнеописания философов и великих магов. Со временем к ним добавились и совсем уж специфические книги, касающиеся вопросов мироустройства и даже магии.

Его привычка говорить тихим голосом, долго думать, прежде чем что-то сказать, его скромность, временами болезненная, долгое время заставляющая его краснеть, когда он отдавал приказы своим вассалам, которые были куда старше его, и многие из них годились ему даже не в отцы, а в деды – всё это создавало образ нерешительного юнца и слабого правителя. Многие тогда обманулись этим впечатлением.

Когда один из наиболее знатных вассалов его отца по имени Денсейн впервые в глаза назвал Драонна сопливым мальчишкой, ничего не смыслящим в политике, тот сделал вид, что ничего не произошло, разве что покраснел ещё больше обычного. Тогда на Денсейна шикнули остальные присутствующие, но он лишь презрительно усмехнулся и вышел со словами, что принц Астевиан никогда не допустил бы подобного.

Странно, но сколько не пытался потом Драонн вспомнить, из-за чего же тогда вышел весь сыр-бор, он так и не сумел, а спросить у других свидетелей события постеснялся. Действительно, тогда юный принц словно впал в какой-то ступор, а позже услужливая память поспешила стереть из воспоминаний неприятные подробности.

Естественно, через некоторое время всё повторилось. Денсейн вновь позволил себе граничащие с оскорблениями высказывания в адрес своего сеньора, и вновь Драонн лишь потупил глаза, сумев выдать лишь несколько вялых фраз. И на сей раз многие из присутствующих вельмож смолчали, не указав зарвавшемуся выскочке своё место.

Вскоре Ливейтин, слепо следовавший присяге дому Доромеонов, сообщил о заговоре среди вассалов, целью которого было лишение Драонна сеньората, а возможно даже и свободы. Естественно, ядром этого заговора был Денсейн. Пока что немногие готовы были восстать против принца, но это было делом времени. Денсейн был весьма богат и родовит, прожил немалую жизнь, накопив весьма ценный опыт, так что не было сомнений, что вскоре он соберёт достаточное количество сторонников.

И вот тогда Драонн своим неизменно тихим голосом приказал собрать совет. Денсейн, возможно, почувствовав неладное, на него не явился, но принц тут же послал за ним нескольких воинов, и около трёх четвертей часа озадаченные и несколько встревоженные члены совета ожидали, пока мятежник войдёт в большой зал для совета, в котором собирали своих вассалов представители не одного поколения принцев Доромеоновских.

Денсейн вошёл, стараясь сохранять на лице дерзкую улыбку, но было заметно, что это даётся ему с трудом. Не слишком способствовало поднятию духа и то, как на него смотрели остальные вассалы Драонна. Ещё вчера некоторые из них льстиво поддакивали его радикальным речам, но теперь все они сидели, мрачно глядя на него, и тем глубже была эта мрачность, чем истовее совсем недавно было их желание угодить ему.

– Вы знаете, для чего вас пригласили сюда, лорд Денсейн? – спокойно и почти буднично осведомился Драонн, восседавший на троне своего отца.

Конечно, по официальным геральдическим циркулярам ни Денсейн, ни остальные вассалы не имели права именоваться лордами, но лирры-принцы использовали этот титул в общении в своём кругу.

– Знаю, – Денсейн решил не ломать комедию – это было бы недостойно старого лорда.

– Отлично, – кивнул Драонн, явно обрадованный, что ему так упростили задачу. – Тогда я попрошу вас сейчас в присутствии этих благородных господ принести мне клятву верности, пусть вы и присягали мне уже над могилой моего отца. Поклянись, что станете служить мне и моему дому, и не станете злоумышлять против меня.

– Я почти двести лет служу дому Доромеонов, – Денсейн поднял побледневшее лицо. – Я служил вашему отцу, а до того – его отцу. Поэтому могу с полным правом сказать, что из трёх поколений принцев Доромеоновских вы – самый ничтожный из правителей. Вы не только оскорбляете своим неуклюжим правлением память своих предков, но главное – вы можете привести к падению всего дома. Я, как илир глубоко преданный вашему роду, не могу допустить этого.

– Но ведь вы даже не дали мне шанса показать себя, – с лёгким упрёком возразил Драонн. – На каком основании вы вынесли подобное суждение? Не прошло и полугода, как я возглавил дом, так чего же вы ожидали?

– За эти полгода вы втоптали репутацию Доромионов в грязь, – резко ответил Денсейн. – Соседи смеются над нами. Пройдёт немного времени – и они начнут предъявлять претензии на наши земли. Ваши вассалы уйдут от вас, потому что захотят служить сильному и решительному сеньору. Через пару лет под вашим началом не останется ни единого илира. Я не провидец, но сейчас я ясно вижу скорую гибель древнего дома Доромионов.

– Я, сын Астевиана Доромиона и внук Айстейна Доромиона, не допущу, чтобы пал дом моих предков! – голос Драонна внезапно окреп, так что даже Денсейн взглянул на него с некоторым изумлением. – И сейчас перед вами, моими вассалами, я клянусь, что этого никогда не случится! Да, я не таков как мой отец, но лишь время покажет – к добру это или к худу! Я не любитель воевать, но, по моему разумению, ум иногда значит куда больше силы! Поверьте, лорды, что я сделаю всё, чтобы слава нашего дома воссияла, как никогда прежде! Но для этого я должен быть уверен в верности каждого из вас. Вы твердите о гибели дома, лорд Денсейн, а между тем сами же прилагаете все усилия для этого! Но этого я не потерплю!

Голос юного принца всё набирал силу, раскатываясь волнами под гулками сводами древнего зала. Сейчас он выглядел даже величественно, как настоящий принц. Глаза его, обычно подёрнутые дымкой задумчивости, теперь зажглись настоящим пламенем. Драонн теперь был совершенно не похож на самого себя, однако, нужно отдать должное, это произвело неизгладимое впечатление на всех присутствующих.

– Поэтому, лорд Денсейн, – уже спокойнее закончил принц. – Я требую от вас клятвы верности, и вы мне её дадите!

– Увы, мой принц, – покачал головой старый лорд. – Нужно нечто больше, чем просто красивые слова, чтобы убедить нас.

Денсейн нарочно употребил «нас» вместо «меня», надеясь, быть может, припугнуть зарвавшегося юнца, а может, просто пытаясь таким образом послать сигнал о помощи своим бывшим соратникам. Но он просчитался. Остальные оказались не готовы к открытому мятежу, тем более что Ливейтин, а также ещё пара наиболее влиятельных вельмож открыто примкнули к новому принцу. Именно поэтому гробовая тишина послужила ему ответом.

– Что ж, лорд Денсейн, – проговорил Драонн. – Тогда мне ничего не остаётся, как воспользоваться своим правом сеньора и свершить суд над непокорным вассалом. Вы знаете, что велит обычай в подобном случае – дерзнувшему поднять руку на своего господина грозит смерть и лишение его семьи земель, титулов и богатств.

При каждом последующем слове, тяжело падающем с языка принца, Денсейн бледнел всё сильнее, а также как будто съёживался, словно каждое это слово взваливалось на него очередным десятифунтовым⁷ мешком.

– Я, Драонн Доромионский, спрашиваю решения совета. Поддерживаете ли вы решение древнего закона?

Оторопевшие илиры, казалось, лишились дара речи. Они лишь с ужасом взирали на происходящее, либо вовсе опускали взгляд, чтобы не видеть ни сидящего на троне Драонна, ни дрожащего всем телом Денсейна.

– Да, – это слово, тихо произнесённое Ливейтином, произвело эффект внезапно грянувшего колокола. Все присутствующие, включая самого несчастного Денсейна, с ужасом взглянули на начальника замковой охраны.

– Да, – срывающимся голосом проговорил Базилин, знатный вельможа, сидевший по правую руку от Ливейтина.

– Да... Да... – послышалось ещё несколько сдавленных голосов.

⁷ Фунт – имперская мера веса, равная 0,454 кг.

В этот момент никто не посмел остаться в стороне. Не прошло и половины минуты, как все члены совета высказались в поддержку приговора. Денсейн был буквально раздавлен. Он едва стоял на ногах, крупно дрожа всем телом и не смея сказать даже слова.

– Лорд Денсейн, вы слышали решение совета, – голос Драонна был по-прежнему тих и размерен, словно принадлежал какому-нибудь учителю богословия. – Правом, данным мне моими предками, а также его императорским величеством императором Родреаном, я, принц Драонн Доромионский, приговариваю вас к смерти. Ваша семья будет лишена всех привилегий, включая владение землями, титулами и иным имуществом, а в анналах дома Доромионов будет сделана соответствующая запись о том позоре, что вы навлекли на свой род.

Денсейн дышал мелко и часто – ему не хватало воздуха. Лицо его было бледнее мрамора, а глаза глядели безумно и отчаянно. Колени его подломились, и недавно ещё столь гордый лорд мешком рухнул на каменный пол. К нему тут же бросились двое, чтобы поднять его на ноги, но принц жестом остановил их.

– Приговор будет приведён в действие немедленно, – заговорил он. – Или... Или вы принесёте мне клятву верности, лорд Денсейн.

– Клянусь!.. – рыдание вырвалось из груди вельможи. – Я, лорд Денсейн из рода Белемонтов, клянусь в вечной верности вам, принц Драонн Доромионский, а также всем вашим потомкам. Клянусь, что отныне не будет у вас более верного вассала, чем я!..

– Я принимаю вашу клятву, лорд Денсейн, – кивнул юноша на троне. – В свою очередь я отменяю свой приговор. Совет окончен, господа. Вы можете идти.

Кланаясь, на негнувшихся ногах члены совета стали выходить из залы. Ливейтин и ещё двое илиров подошли к распластанному на полу лорду, чтобы помочь ему подняться на ноги.

– Лорд Денсейн, – окликнул всё ещё находящегося в полубморочном состоянии старика Драонн, когда его уже вели к выходу. – Прошу вас заметить и оценить эту разницу между мной и моим отцом. Поверьте, он бы не дал вам второго шанса!

– Я благословляю богов за вашу доброту, ваше высочество! – пролепетал Денсейн.

Когда Драонн впервые услышал о Лейсиане, то лишь досадливо поморщился. Станный, словно бесноватый выскочка, с болезненным упорством пытающийся воскрешать старых демонов противоречий между людьми и лиррами – в тот момент казалось, что это временно и безопасно.

Такие вот безумцы, одержимые мессианством, то и дело появлялись среди лирр, вновь и вновь призывая к господству над миром, к священной войне с людьми, к возрождению лиррийской гордости. Обычно они так же быстро и незаметно исчезали, как и появлялись, причём имперским службам безопасности даже не приходилось трудиться. Просто в большинстве своём эти лирры оказывались никому не интересны.

Однако вскоре стало ясно, что Лейсиан не из их породы. Он не юродствовал, не брызгал слюной, не вопил надрывным голосом. Его сила оказалась в том, что он говорил страшные вещи, но при этом представлял из себя вроде бы вполне адекватного илира. Он блестяще ораторствовал, говоря как по писаному, обладал голосом, необычайно звучным для его щуплой фигурки, а потому мог говорить с большим количеством народа, не срываясь на крик.

Была в его риторике и ещё одна необычная деталь – если другие спасители обычно упирали на особость и избранность лирр, что, конечно же, требовало определённых доказательств, то Лейсиан все свои выступления строил на убогости и ничтожности человеческой расы. Он весьма точно вскрывал великое множество пороков, свойственных людям, и возразить на это было уже нечего. Именно поэтому число поклонников хромоногого мессии постоянно увеличивалось.

Надо сказать, что Драонн никогда не разделял подобных идей. Он трезво смотрел на мир и понимал, что лишь в союзе с людьми лирры могут быть сильны. Потому что кроме огромного количества пороков и недостатков, коими, несомненно, обладал человеческий род, он имел и очевидные преимущества, достоинства, которых не было у лирр. Их целеустремлённость, их жажда познаний, их стремление жить как можно полнее (что, конечно, являлось следствием их короткого века) – без этого невозможно было развитие цивилизации.

Драонн достаточно много читал, чтобы осознавать, что всё, что окружает его сейчас, весь этот современный мир был создан людьми. Королевства и империи, каменные здания и дороги, плуги и мечи. Народ лирр появился на Паэтте раньше людей, но они жили в абсолютно наивной гармонии с природой, обитая в лесных чащах, собирая плоды природы, пытаясь подстроиться под её ритм.

Когда пришли люди, всё стало иначе. Суровые и жёсткие, они стали силой отбирать у природы то, чего она не хотела дать сама. Они валили великолепные вековые деревья, чтобы строить жилища, убивали животных, чтобы надевать на себя их шкуры. Они освоили земледелие и скотоводство, совершенствовали свои орудия для убийства, захватывали всё новые территории.

Когда лирры поняли, что упустили инициативу, было уже поздно. И им оставалось либо смириться, либо сражаться и, скорее всего, погибнуть. Мудрый народ выбрал первый путь. Перенимая опыт людей и делясь с ними собственным, лирры внезапно стали развиваться, познавать собственные силы. Именно с этого момента началось истинное возвышение лиррийского народа. Поэтому Драонн понимал, что, лишь двигаясь в том же направлении, можно рассчитывать на дальнейшее процветание двух великих рас.

Тем не менее, у Лейсиана оказалось куда больше сторонников, чем предполагал изначально Драонн, и хуже всего оказалось то, что его поддержала знать. Во всяком случае, один из самых одиозных представителей лиррийской знати – принц Волиан, чьи владения располагались на востоке Ревии.

Он давно уже испытывал на прочность терпение императора своими глупыми и довольно опасными выходками. Самый пик накала страстей произошёл тогда, когда Волиан своим указом повелел всем колонам-людям, проживающим на его земле, в недельный срок убраться за пределы владений. Лишь скорое вмешательство магистрата, а также увещевания глав других лиррийских родов тогда позволили сохранить шаткий мир.

И вот теперь, когда появился Лейсиан, Волиан тут же стал одним из наиболее пламенных его сторонников. Когда хромой проповедник перестал быть локальной проблемой и игнорировать его стало более невозможно, императором был дан приказ об его аресте. И тогда Лейсиан укрылся во владениях Волиана, который тут же объявил, что отныне его надел не подчинён власти людей и призвал всех лирр восстать, чтобы построить собственное королевство, в котором не будет людей.

Волиан, вероятно, плохо учил историю, иначе он бы помнил, что некогда Лиррия уже была независимым королевством, и помнил бы, к чему это привело. Он бы помнил, как лиррийский король просил кидуанского императора защитить лирр от истребления жестоким южным соседом. Хотя, несомненно, мятежный принц прекрасно знал всё это – он не был глупцом. Но Лейсиан убеждал, что теперь лирры достаточно могущественны для того, чтобы не только отхватить себе кусок земли, но и править всей Паэттой, а этот калека умел убеждать.

Когда началась настоящая заваруха, Драонн уже шесть лет был главой Доромионского дома. Он сразу же объявил о том, что ни он, ни его вассалы не поддерживают мятежников и осуждают их действия. Естественно, императору хватило ума не требовать от лирр-лоялистов выступать против лейсианцев силой, поэтому на какое-то время их просто оставили в покое.

Здесь, в Сеазии, обстановка не была столь напряжённой как в Лиррии, где всколыхнулись самые крупные выступления, или в Ревии, где сейчас скрывались Волиан и Лейсиан. Однако

же люди, возмущённые выступлениями лейсианцев, и здесь имели претензии к лиррам, так что последним стало довольно-таки небезопасно появляться вдали от своих жилищ. Нападений пока что не случалось, тем более что все знали о лоялистской позиции здешних первородных, но общий настрой был весьма негативным.

Драонн приказал временно перевести замок на осадное положение и всем фермерам перебраться под защиту стен. Учитывая, что заканчивалась весна, это было не слишком-то хорошо для земледельцев, ведь сельские работы были в самом разгаре, но перечить принцу, да и просто здравому смыслу, никто не решился. И так вот замок прожил в ожидании возможного нападения почти всё лето.

Вести с юга всё ещё приходили весьма тревожные, но, кажется, здесь, в Сеазии, кровавые события Ревии и Лиррии не должны были повториться. Месяц пириллий⁸ в этом году выдался столь благодатным, что поневоле казалось, будто боги насмеваются над несчастными земледельцами, что почти ничего не успели посадить смутной весной.

В последнее время Драонн отпускал фермеров на их заброшенные участки, чтобы те могли собрать хоть какие-то жалкие крохи урожая. Неизвестно, чего стоило ожидать от надвигающейся зимы, а с продовольствием в Доромионе не всё было гладко. К счастью, никаких эксцессов не происходило, так что некоторые из наиболее отчаянных (или наиболее отчаявшихся) земледельцев уже и не возвращались иной раз под вечер в замок, пытаясь не упустить ни единого мига.

Наступила осень, довольно ранняя здесь, на севере империи. Интересно, что несмотря на то, что уже много лет прошло с тех пор, как Кидуа покорила земли палатийских варваров, здешние обитатели по-прежнему именовали себя жителями северных окраин. Так вот, наступила достаточно холодная осень, которая несла с собой лишь унылые и пессимистические ожидания.

Полнейшая неопределённость в статусе лирр угнетала. С одной стороны, они не объявлены врагами империи, во всяком случае те, что проявили лояльность короне. С другой – они претерпели существенные ограничения в правах, наиболее вопиющим из которых стал официальный запрет на посещение городов, а также невозможность уехать от своего дома дальше, чем на несколько миль⁹ без особой бумаги.

Конечно, на юге, где множество лирр проживало в городах, а особенно в Варсе, который являлся столицей Ревии, и в Шеаре, столице Лиррии, соблюсти запрет на посещение городов было невозможно. Но именно это и приводило к наиболее тяжёлым последствиям – озверелые толпы врагов, зажатые в узкие скученные границы улиц, творили друг с другом такое, что кровь стыла в жилах. И очевидно, что перевес был не на стороне лирр.

В данной ситуации оставалось лишь гадать, сколько лирры-лоялисты будут сохранять свою лояльность. До сих пор лирры, даже те из них, что остались верны короне, видели со стороны людей лишь кнут. Наконец-то кому-то в императорском дворце пришла в голову светлая мысль, что пора бы показать им и пряник, пусть даже постный и чёрствый.

Когда в Доромион прилетел голубь из Шедона, это крайне удивило Драонна и заставило задуматься. На небольшом кусочке пергамента было всего несколько слов, которые вызвали куда больше вопросов, чем ответов. «Придите завтра после полудня в Шедон. В доме 35 по улице Копейщиков вас будут ждать. Сохраните в тайне». Не будь под этими словами подписи,

⁸ Пириллий – один из месяцев Кидуанской империи. Назван в честь правителя империи Содрейн Пирилла. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Много позже, уже после Смутных времён, будет переименован в честь короля Увилла Великого.

⁹ Миля – имперская мера длины, равная 1609 метрам.

Драонн, скорее всего, просто бросил бы писульку в огонь и остался бы дома, поскольку всё это выглядело слишком уж подозрительным. Но подпись была.

И это была не просто какая-то подпись. Если всё это не было ловушкой, то выходило, что послание принцу Драонну отправил не кто иной, как второй канцлер империи Делетуар, человек весьма известный как своими довольно-таки либеральными взглядами, так и тем расположением, которое питал к нему сам император.

Империя была велика и сложно устроена, поэтому императорам требовались помощники, дабы управляться с этим сложным механизмом. Именно для этих целей существовала Императорская канцелярия, в состав которой входили пять канцлеров, назначаемые императором. Как правило эти люди брали на себя какое-то одно направление политики, и оказывали содействие императору именно в этом направлении.

Никакой чёткой структуры здесь не предполагалось, поэтому в данный момент первый канцлер специализировался на отношениях с Саррассой, третий – на финансах, четвёртый – на политике на вновь присоединённых территориях, пятый – на военном деле. Канцлер Делетуар, второй канцлер империи, специализировался на внутренней политике.

Зачастую Делетуара называли «Совестью императора». Известно, что всякий раз, когда нужды империи требовали от его величества повышения налогов, введения дополнительных сборов и других малоприятных мероприятий, он непременно советовался по этому поводу со вторым канцлером. Более того, Драонн знал, что в разгоревшейся войне Делетуар был одним из немногих при дворе, кто занял достаточно взвешенную позицию в отношении лирр, и если император Родреан не наломал дров сгоряча, как это с ним иной раз случалось, то в этом была несомненная заслуга второго канцлера.

Но значит ли это, что Делетуар забрался в эту относительно спокойную глушь, чтобы заручиться поддержкой местной лиррийской элиты, или же это была грубая провокация? Этого Драонн не мог узнать, не пойдя на встречу. Ясно, что канцлер (если это был действительно он) прибыл сюда инкогнито – сейчас, когда людское население империи буквально стояло на ушах и требовало лиррийской крови, этот визит мог быть воспринят как заигрывание с лиррами, что было бы чревато как для самого Делетуара, так и, в перспективе, для императорской власти.

Делетуар не мог не знать, что Драонн очень рисковал бы, вздумай он проникнуть в Шедон, но, очевидно, что у него были причины, не позволяющие ему прибыть в Доромион даже тайно. Возможно, и даже вероятно, что подобные приглашения получили и остальные местные принцы. Очень хотелось надеяться, что это – не ловушка, расставленная на лиррийскую верхушку Сеазии, чтобы одним махом обезглавить местное возможное сопротивление.

Принц, хотя его и просили сохранить всё в тайне, позвал Ливейтина, чтобы посоветоваться с опытным и преданным илиром. Увы, начальник охраны мало чем мог помочь – замок слишком долго находился в изоляции, чтобы у него оставались сколько-нибудь значимые сношения с внешним миром, а особенно с Шедоном, куда был заказан вход любому лирре.

Во всяком случае, Ливейтин склонялся к тому, чтобы проигнорировать опасное предложение – всё это вполне могло оказаться ловушкой, а в случае пленения или гибели Драонна дом Доромионов оказался бы обезглавлен. И будь сам Драонн настолько труслив, насколько судила о нём молва, он наверняка бы послушал своего верного друга.

Но принц решил рискнуть, поскольку вряд ли в нынешнем положении стоило так вот запросто разбрасываться приглашениями первых лиц государства. Драонн чувствовал, что положение лирр и дальше будет лишь ухудшаться, а потому было бы нелишним заручиться поддержкой столь влиятельного лица как второй канцлер империи.

До Шедона принца сопровождал лично Ливейтин и ещё трое илиров, которым начальник охраны безоговорочно доверял. В лесистой местности незаметно преодолеть те четыре лиги, что отделяли Доромион от города, было проще простого даже для людей, не то что для лирр.

Правда, попасть в сам Шедон было довольно сложно – стража у ворот вполне могла заинтересоваться подозрительной фигурой в капюшоне.

К счастью, Ливейтин знал свои ходы. За время существования Шедона к его стенам, будто грибы, налипли посады бедноты – грязные нищие трущобы, в которые не стоило соваться после наступления темноты. Один из таких кварталов, наиболее обширный и заселённый, примыкал к порту. Именно здесь Драонн мог пройти незамеченным, поскольку там всегда было полным-полно разного отребья, а портовые ворота существовали лишь номинально и обычно никогда не охранялись.

Всё вышло именно так, как и предполагал Ливейтин. Попав в портовый посёлок, Драонн сразу же смешался с шумной грязной толпой, которая понесла его из порта в город. Там, у самых портовых ворот, он имел сомнительное удовольствие слушать какого-то проповедника, призывающего к уничтожению всего лиррийского народа. Некоторое время послушав, принц понял, что его сейчас стошнит от всего этого, да и время уже поджимало, поэтому он без всякого сожаления покинул площадь.

Дом 35 по улице Копейщиков оказался вполне благопристойным особняком, имеющим два этажа и, судя по всему, довольно уютный внутренний дворик, которого, конечно, с улицы было не разглядеть. Выглядел он вполне мирно и совершенно не подозрительно. Драонн с четверть часа наблюдал за домом из укромного места, но не заметил никаких сомнительных личностей или ещё чего-нибудь, что могло бы свидетельствовать о том, что в доме засада. Правда, юноша и не был искушён в подобных вещах, поэтому не мог ничего утверждать наверняка.

За всё время наблюдения в дом никто не заходил, и никто не выходил оттуда. Точного времени визита в записке указано не было, и лишь сейчас Драонн смекнул, что этот факт почти наверняка исключал сбор многих принцев. Значит, говорить хотели с ним наедине.

Проведя пальцами по плащу, Драонн ощутил под ним металлическую кольчужную вязь. Конечно, эта кольчуга не станет серьёзной защитой, но сумеет спасти от вероломного удара, а дальше уже принцу придётся уповать на молодость и ловкость. И на кинжал, спрятанный под плащом, рукоять которого он непроизвольно сжал.

Видимо, из дома кто-то наблюдал за улицей, поскольку, стоило Драонну ступить на крыльцо, дверь тут же слегка приоткрылась, удерживаемая дверной цепочкой, и выглядывающий из этой щели человек спросил:

– Вас ожидают?

– Да, – не открывая лица, ответил Драонн.

– Одну секунду, – дверь закрылась, послышался звук снимаемой цепочки, а затем дверь отворилась вновь – достаточно, чтобы принц мог войти внутрь.

В момент, когда Драонн перешагивал порог, вступая в густой полумрак прихожей, сердце его готово было вырваться наружу. По лицу текли капли пота, хотя на улице было весьма прохладно, а пальцы до боли вцепились в рукоять кинжала под полами плаща. Спина между лопатками ныла так, словно в неё уже попытались вонзить клинок.

Войдя, Драонн быстро огляделся – благодаря большим зрачкам его глаза легко адаптировались к недостаточному освещению. Кажется, кроме немолодого дворецкого, отворившего ему дверь, здесь больше никого не было. Дворецкий же, уже заперший дверь за вошедшим, невозмутимо стоял, очевидно понимая, какие чувства сейчас испытывает гость.

– Угодно ли вам снять плащ? – наконец спросил он.

– Я бы хотел остаться в нём, – хриплым от волнения голосом ответил Драонн.

– Как вам будет угодно, сударь, – слегка поклонился дворецкий. – Пройдёмте за мной. Вас ожидают.

Глава 3. Делетуар

Дворецкий шёл в нескольких шагах впереди Драонна, держа руки всегда на виду. Он всячески давал понять, что не несёт никакой угрозы гостю. Собственно, это принц уже понял, однако это не отменяло того, что в доме могло оказаться полным-полно головорезов. Но всё же Драонн чувствовал, что комок в его внутренностях расслабляется. Кажется, это была не засада.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, слуга провёл принца по узкому плохо освещённому коридору, в который выходило несколько закрытых дверей. Это вновь заставило лирру понервничать – за любой из них могли находиться убийцы. Однако и на сей раз ничего особенного не произошло – дворецкий тактично постучал в одну из дверей.

Драонн вошёл в довольно небольшую, хорошо протопленную комнату, в которой весьма резко пахло немытым телом и несвежей одеждой. А за столом сидел тучный неопрятный человек неопределённого возраста. Сальные волосы, лоснящиеся при свете свечей, несколько крупных волосатых бородавок на заплывших жиром щеках, неисчислимое количество подбородков и маленькие глазки, поблёскивающие из-под опухших век – этот человек производил самое отталкивающее впечатление, ещё более усугубляющееся явственной вонью, исходящей от него.

Но это был именно он – второй канцлер Делетуар, сомнений в этом не было. Хотя сам Драонн лично никогда его не видел, но по многочисленным слухам, ходящим о нём, узнать его было не сложно. Все знали, что то ли из-за своей невероятной полноты, то ли по иным причинам Делетуар крайне не любил мыться. По империи ходил анекдот, что однажды его величество император даже повелел прервать заседание, приказав слугам отмыть канцлера и поменять его одежду, поскольку зловоние было такое, что у монарха закружилась голова.

Очевидно, что, вырвавшись из дворца, где Делетуару волей-неволей приходилось мыться хотя бы время от времени, он с удовольствием забросил эту несносную необходимость. А если представить, сколько времени он провёл в дороге, его нынешнее состояние было совершенно неудивительно.

Надо сказать, что Драонн, несмотря на весь этот запах, с восхищением смотрел на сидящего перед ним толстяка, понимая, каких трудов стоило человеку в этом возрасте и с подобной комплекцией преодолеть те сотни миль, что отделяли Кидую от Шедона. И каким важным, вероятно, было то, ради чего он приехал.

– Вы – принц Драонн Доромионский? – осведомился человек мягким приятным голосом.

– Да, – ответил принц, стараясь говорить кратко, чтобы заглатывать меньше зловонного воздуха.

– Я – Делетуар, второй канцлер, – просто представился его собеседник.

– Мне весьма приятно видеть вас, милорд, – наклонил голову Драонн.

– И мне также, ваше высочество, – улыбнулся Делетуар. – Простите, что не встаю – проклятые колени!.. Прошу вас, присядьте также, а то мне будет неловко вести дальнейший разговор.

Драонн присел за стол. Рядом стояло два трёхсвечных подсвечника, от горящих свечей исходил запах расплавленного воска, и это несколько спасало от смрада немытого человеческого тела.

– А вы – храбрец! – улыбка Делетуара затерялась в колыхающихся щёках. – Признаюсь, я не слишком-то верил в то, что вы придёте.

– Признаюсь, я долго сомневался, – ответил Драонн. – Слишком уж подозрительно всё выглядело.

– Согласен, признаю. Но у меня не было выбора. Важно, чтобы как можно меньше лиц знало о нашей встрече. По крайней мере, пока.

– Что ж, предлагаю начать наш разговор.

– О, теперь я ясно вижу, ваше высочество, как ошибаются те, кто недооценивает вас! – одобрительно закивал Делетуар. – И рад, что сделал верный выбор. Располагаете ли вы достаточным временем, или вас кто-то ожидает?

– Меня ожидают, но я располагаю достаточным временем, милорд.

– Отлично! – обрадовался Делетуар. – Тогда, быть может, ваше высочество соблаговолит разделить со мной трапезу?

– Я не голоден, – покачал головой Драонн, нисколько не кривя душой – эта вонь отбивала у него всякий аппетит. – И, кроме того, я попросил бы вас не обращаться ко мне «ваше высочество». Наши титулы не имеют юридического статуса в империи, поэтому из уст человека, а уж тем более из уст второго канцлера это звучит как издёвка.

– Прошу простить меня! Клянусь, и в мыслях не было оскорбить вас! Хорошо, я буду обращаться к вам как к лорду – уж это звание вам не оспорить. Право же, лорд Драонн, я не перестаю поздравлять себя со столь удачным выбором! Вы идеально мне подходите!

– Для чего?

– Спросите лучше сперва – почему! – весело предложил Делетуар.

Человеку, незнакомому со вторым канцлером, показалось бы, что он не очень удачно разыгрывает из себя добрячка и балагура, старательно улыбается и шутит, но это было не так. Делетуар был именно таким добряком и балагуром, поэтому подобные манеры были ему совершенно свойственны. Однако же Драонн как раз не входил в число лично знавших канцлера, а потому сейчас никак не мог избавиться от ощущения, что тот просто издевается над ним. Именно поэтому принц всё больше мрачнел.

– Ну и почему? – хмуро буркнул он.

– Обычно лирр представляют такими высокомерными зазнайками, гордыми и вспыльчивыми. И, будем честны, чаще всего это соответствует истине. Но вы не такой. Вы сдержанны и мудры не по годам. Вы ни словом не обмолвились, что здесь дурно пахнет. Да-да, я знаю об этом, хотя сам совершенно ничего не чувствую. Уверен, большинство ваших сородичей, войдя сюда, тут же своротили бы нос. Но вы оказались достаточно вежливы и сдержанны. Кроме того, вы отказались от того, чтобы я титуловал вас принцем, хотя бесспорно имеете на это право.

– Хорошо, – сухо кивнул Драонн. – Благодарю вас за похвалы, хотя некоторые из них звучат весьма похоже на те претензии, что то и дело высказываются мне. Но дело не в этом. Я хотел бы знать, зачем вам понадобился.

– Вижу, вы не склонны к светской беседе, – без тени осуждения или обиды произнёс Делетуар. – Что ж, пусть будет так. Итак, лорд Драонн, вы, конечно, знаете, что идёт война.

– Да, я заметил, – без тени иронии ответил принц.

– Уверен, что вам хотелось бы, чтобы она поскорее закончилась?

– Смотря что вы имеете в виду, – подозрительно прищурился Драонн. – Как мы понимаем, есть разные пути завершения войны, и один из них – полное истребление моего народа. Такого исхода я не желаю.

– Это само собой разумеется! – тут же заверил канцлер. – Поверьте, я не изверг и не дурак. Я прекрасно понимаю тот вклад, который вносили и вносят лирры в наш мир. Вы, быть может, знаете, что я был одним из немногих при дворе, кто всеми силами пытался предотвратить конфликт.

– Я знаю это и благодарю вас, милорд, – Драонн вновь слегка склонил голову. – А также преклоняюсь перед вашей смелостью, ведь это, должно быть, было совсем непросто.

– Ещё как, – охотно подтвердил канцлер. – Кое-кому я буквально встал поперёк горла. Со мною и так не слишком-то приятно иметь дела, – усмехнулся он, делая шутливый жест, будто разгоняет ладонью воздух перед носом. – А уж когда я вступился за этих проклятых лирр, – Делетуар с ироничной улыбкой слегка поклонился, чтобы дать понять Драонну, что

это не его слова. – На меня и вовсе взъелись почти все. Сам не знаю, как император меня тогда не выпер к свиньям. Но всё же мне удалось настоять на своём. Ради этого пришлось в течение двух недель мыться через каждые два дня!

Делетуар весело захохотал и Драонн неожиданно для самого себя тоже вдруг рассмеялся. Всё-таки молва не врала – со вторым канцлером можно иметь дело. Конечно, когда притерпишься к его ароматам.

– Поэтому, лорд Драонн, когда я говорю о скорейшем завершении войны, то имею в виду такой исход, который будет выгоден обеим сторонам конфликта, – утерев слезящиеся от смеха глаза, вновь заговорил толстяк.

– Если это так, то я готов выслушать ваши предложения, милорд, – вновь посерьёзнел Драонн.

– Прежде сверим наши позиции, – Делетуар внимательно посмотрел в глаза принцу. – Согласны ли вы, что виновниками всего этого инцидента являются Лейсиан и Волиан?

– Это довольно сложный вопрос, милорд, – чуть поразмыслив, осторожно заговорил Драонн. – У меня, конечно, не так много личного опыта в подобного рода делах, но зато у меня достаточно опыта, почерпнутого из книг. Поэтому я думаю, что в подобных войнах нет виноватых. Точнее, каждый считает, что он прав. Ну а в конечном итоге, конечно, виноваты все.

– Полностью с вами согласен, лорд Драонн! – затряс своими бесчисленными подбородками Делетуар. – Разумеется, это так и есть. Когда я ещё был молоденьким юристом, то во время суда над одним убийцей-бедняком я подумал: а кто же виноват в том, что он зарезал своего соседа? Наверное, он был обозлён на то, что ему изменила жена с этим вот соседом. Тогда виновата жена? Но жена изменила ему потому, что он был беден и не приносил домой достаточно денег. Значит, виноват его работодатель? Или же сам убийца был лентяем и неумехой? Или же это экономическое положение в стране привело к тому, что работодатель вынужден платить гроши своим работникам? И я так увлёкся этими рассуждениями, что в итоге свёл всё к тому, что в данном убийстве виноват наш император! Поверите ли? – канцлер вновь искренне и легко рассмеялся.

– Но ведь если отбросить всю эту немыслимую диалектику, если посмотреть фактам в глаза, то убийца-то всё равно – этот самый бедняк, – толстяк вновь был абсолютно серьёзен. – Так и здесь. Вы можете сказать, что правда за этим колченогим крикуном Лейсианом, что люди издревле помыкали лиррами и что это *мы* вынудили *вас* к этой войне. Но, отбросив диалектику, мы увидим, что первые призывы к насилию прозвучали от Лейсиана. Что первым от слов к делу перешёл Волиан. Что первыми загорелись хаты людей, живших на землях Волиана. Станете ли вы отрицать это, лорд Драонн?

– Глупо отрицать очевидное, милорд Делетуар, – у Драонна по-прежнему имелись кое-какие возражения, но сейчас они действительно казались ему неуместными.

– Как вы правы, лорд Драонн! – воскликнул канцлер. – Значит, мы оба согласны, что причиной этого конфликта являются Лейсиан и Волиан?

– В некотором смысле – да, – вынужден был признать принц.

– Вот именно – в некотором смысле! – толстяк обрадовался так, словно Драонн сказал нечто донельзя глубокомысленное. – Лишь только в некотором смысле, и никак иначе! Но если рассматривать нашу историю в разрезе именно этого смысла, как вы полагаете – закончится ли война, если эти двое перестанут её подогревать?

– К чему вы клоните? – вновь сощурился Драонн. – Вы говорите об убийстве?

– А разве убийство называют убийством на войне? – тут же спросил Делетуар.

– Убийство называют убийством везде, – отрезал Драонн. Манера второго канцлера вести беседу начинала действовать ему на нервы даже больше его вони.

– Ах, почему все не могут быть такими философами как вы, лорд Драонн! – с горьким сожалением воскликнул Делетуар. – Как хорошо бы жилось нам всем в таком мире! Но успокойтесь – я не предлагаю убийства.

– Тогда чего же вы хотите? – принц понемногу начал выходить из себя. – Вы позвали меня для того, чтобы состязаться в словесной перепалке? Прошу прощения, но за городом меня ждут мои илиры, и мы должны до темноты вернуться в замок. Вы знаете, что я здорово рискую, находясь сейчас в городе – *ваши* законы лишили меня даже этого права.

– Этот упрёк весьма справедлив, несмотря даже на то, что лично я голосовал против этого глупого указа, – кивнул второй канцлер. – Но я ещё надеюсь дожить до того времени, когда и этот и все другие подобные указы будут отменены, а между людьми и лиррами воцарится мир и взаимное уважение. Если, конечно, мой жир не убьёт меня раньше, что весьма возможно. В любом случае знайте, лорд Драонн, что я пригласил вас сюда именно затем, чтобы положить скорейший конец этой нелепой войне.

– И я в очередной раз говорю, что готов выслушать ваше предложение, милорд.

– Что ж, приступлю к сути, – наконец бесформенное лицо Делетуара приняло сосредоточенное выражение. – Я вижу корень проблемы в том, что немногие лирры-предатели имеют своих предводителей, а вот лиррийское большинство, которое хочет жить в мире с людьми, таковых не имеет.

– Вы предлагаете мне стать предводителем лоялистов? – изумился Драонн.

– Ну что вы, – всплеснул руками канцлер. – Я прекрасно понимаю, что в вашей среде иерархия играет не меньшее, а то и большее значение, чем у людей. Никто не пойдёт за юным и пока что малоизвестным принцем, какими бы замечательными достоинствами он не обладал. Нет, лорд Драонн, у меня другая печаль – я знаю много достойных лирр, которые могли бы стать предводителями, и некоторым из них уже сделаны предложения, но... Всё это илиры смелые, гордые, решительные. В каком-то смысле они все похожи на Волиана, словно его зеркальные отражения. И если просто возглавить партию лоялистов одним из таких деятелей, то они с Волианом только ещё крепче упрутся друг в друга лбами, и мы получим лишь междоусобицу в вашем народе. Это, возможно, было бы весьма интересно многим царедворцам, но не мне. Я хочу примирить лирр и людей, а не натравить одних лирр на других.

– И какую же роль вы предлагаете мне? – растерялся юный принц.

– Роль дипломата. Когда я стал интересоваться, кто из лирр способен создать условия для диалога, мне называли разные имена. Но ваше звучало чаще других. Я знаю, что среди недалёких людей и лирр вы сльёте правителем слабохарактерным и нерешительным, но, хвала богам, среди моих советчиков таких нет. И вот я приехал сюда из Кидуи, чтобы предложить вам стать тем, кто закончит эту войну.

– Вы хотите, чтобы я попытался договориться с Лейсианом?..

– Нет, конечно! – усмехнулся Делетуар. – Разве возможны переговоры с этими радикалами? Они выставят вас за порог, а всего вернее – просто убьют или бросят в один из каменных мешков под замком Волиана.

– Тогда чего вы хотите? – озадаченно осведомился Драонн.

– Я не случайно сказал, что корнем проблемы являются эти двое. Они – наконечник стрелы, застрявший в ране. Если наконечник не извлечь, рана будет гноиться и кровоточить, пока не сделает всю кровь в теле ядовитой. Чтобы излечить рану сперва надобно извлечь наконечник. А уж без него всё вскоре заживёт.

– Простите, милорд, но я снова не понимаю ваших аналогий, – нахмурившись, произнёс Драонн. – Я что-то не пойму – это я должен вынуть наконечник?

– В некотором роде, – благодушно улыбнулся канцлер и поспешно заговорил дальше, видя, что принц вновь собирается возражать. – Но не воспринимайте аналогию чересчур буквально! Я не предлагаю вам убрать Лейсиана и Волиана. Ваша задача куда важнее – убрать

от них одураченных лирр. Убедить ваших сородичей отступить от гибельных идей этой парочки.

– С чего вы взяли, что меня станут слушать?

– О, поверьте мне, лорд Драонн, обязательно станут. Ваши сородичи уже достаточно хлебнули горя, так что их держат на той стороне лишь гордость да страх, что здесь никто к ним не прислушается. Они будут рады слушать и переубеждаться.

– Вы плохо знаете лирр, милорд, – покачал головой Драонн. – Вы говорите, что их держат гордость и страх. Нет. Их держит только гордость. Мы, лирры, болезненно горды. Я говорю об этом без бахвальства – лично мне совсем не нравится данная черта. Но я уверяю, что пока лидеры восстания будут возглавлять их, те, кто пошли за ними, никуда не уйдут. Быть может – единицы...

– Нам и нужны единицы! – тут же подхватил канцлер. – Важно ведь не количество, а качество. Если мы отвратим от Лейсиана нескольких знатных и влиятельных лирр – за ними потянутся их вассалы, их фермеры, их друзья.

– О, тут вам точно ничего не светит, милорд! – горько усмехнулся Драонн. – Ни один принц, пошедший за Лейсианом, не оставит его. Переубедить их – всё равно что заставить солнце садиться на юге. Даже понимая, что Лейсиан ведёт их на погибель – они будут слишком горды, чтобы признать это и, тем более, нарушить данное слово.

– Значит, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начали, – Делетуар облизнул свои пухлые лоснящиеся губы. – Всё-таки Лейсиана и Волиана нужно устранить.

– А я уже говорил, что в этом я вам не помощник! – решительно ответил Драонн.

– В этом – нет, – согласно кивнул канцлер. – Но если Лейсиан всё-таки исчезнет – могу ли я рассчитывать на вас в процессе налаживания отношений с вашим народом?

– Я сделаю всё, что не пойдёт вразрез с моей совестью или интересами моей расы.

– Это ровно то, что я хотел услышать от вас, лорд Драонн! – обрадованно проговорил Делетуар. – И поскольку я по своей натуре оптимист, как и все толстяки-обжоры, то предчувствую, что ваша помощь нам скоро очень понадобится. Готовы ли вы будете приехать тогда в Кидую на какое-то время?

– Если у меня будет разрешение на это, – едко усмехнулся Драонн.

– О! – взмахнул руками второй канцлер. – Клянусь вам, что не попрошу вас приехать до тех пор, пока этот постыдный указ не будет отменен!

– Что ж, тогда по рукам! – лиррийский принц протянул свою. – Если вы отмените унизительные ограничения для лирр, я прибуду по первому вашему зову, хотя и не слишком-то верю в то, что могу быть вам полезен.

– Вы слишком скромны, – толстяк, кряхтя, подал руку. – Это не лиррийская черта.

– Боюсь, вы недостаточно хорошо знаете лирр, милорд.

– Возможно. Ну что же, тогда я не смею более вас задерживать, лорд Драонн. Полагаю, вам не терпится поскорее выбраться из этой комнаты, – усмехнулся Делетуар.

– Людей вашего масштаба, милорд, не оценивают по запаху или внешности. Сделайте то, что обещали, и мир будет вечно вам благодарен.

– Вечно – это слишком долго, – вновь рассмеялся канцлер. – Я не претендую на это. Довольно будет, если меня успеют как следует отблагодарить при жизни.

– О, в этом я нисколько не сомневаюсь! – вставая, произнёс Драонн.

– В наше время ни в чём нельзя быть уверенным, лорд Драонн, – Делетуар даже не сделал попытки встать. – Что ж, прощайте! Приятно было пообщаться с вами. Буду ждать нашей новой встречи.

– Надеюсь, она будет довольно скоро, – кланяясь, ответил Драонн. – Всего доброго, милорд!

Когда принц открыл дверь в коридор, на него буквально обрушилась волна свежего воздуха. Он казался настолько вкусным, что Драонн боялся, что захлебнётся им, пытаясь надыхаться. И действительно, он так ненасытно дышал, что у него начался кашель. Юноша не удивился бы, если бы сейчас у него изо рта стали вываливаться куски вонючего воздуха комнаты, похожие на комья свалявшейся шерсти. Борясь с кашлем, он спустился по лестнице. Ему навстречу уже шёл дворецкий, услышавший, что гость вышел.

– Всего доброго вам, сударь, – проводив лирру до выхода, старик распахнул дверь на улицу.

– Спасибо, приятель, – Драонн уже набросил на голову капюшон, тем более уместный, что снаружи, оказывается, моросил дождь.

Ещё раз вздохнув полной грудью, принц быстрым шагом направился в портовый посёлок.

Глава 4. Ратуша

Остаток зимы не принёс ничего особенного. Красноверхие больше не появлялись у стен замка, а из магистрата прибыл мелкий судейский чиновник, который, скорбно кивая и делая пометки в какой-то небольшой книжечке, выслушал рассказ Драонна. Затем он сам что-то говорил, но принц не понимал и половины сказанного.

Драонна всегда восхищал язык судейских. Кажется, он был придуман специально для того, чтобы вуалировать свои мысли потоком непонятных терминов. Это было целое искусство – говорить бессмыслицу, и при этом в любой момент суметь её истолковать так, что ты начинал себя чувствовать полным идиотом оттого, что не понял этого раньше.

В данном случае, кое-как продираясь сквозь дебри слов, монотонно высыпавшихся из рта чиновника, принц понял, что магистрат очень сожалеет о случившемся, что он предпримет все меры, что виновные будут наказаны, что принц Драонн – уважаемый гражданин империи... Ну и всё такое прочее. Слушая этого крюкотвора, владелец Доромиона отчётливо понимал две вещи.

Первое – им нисколько не жаль. Никому, начиная от этого тихоголосого чиновничка и заканчивая председателем магистрата. Им плевать, и если красноверхие сожгли бы замок, они вряд ли сильно огорчились бы. Ну а второе – то, что этот представитель магистрата приехал в Доромион сам, было вовсе не знаком особого расположения и уважения, как бы не уверял его этот судейский в обратном. Просто Драонну не захотели выдать пропуск.

Когда чиновник уехал, принц долго сидел в одиночестве у камина, и мрачность его мыслей красноречиво отражалась на хмуром лице. После инцидента с красноверхими Ливейтин уже приказал удвоить караулы, а всем фермерам строго-настрого было велено отправить домохозяев в замок, да и самим обязательно возвращаться к ночи, благо особых дел на фермах сейчас всё равно не было. Но Драонн понимал, что этого недостаточно. Власти дали понять, что они смотрят на происходящее сквозь пальцы, а это значит, что в следующий раз вновь придётся рассчитывать лишь на себя.

Главное – не поддаваться на провокацию. Сами по себе красноверхие замку были не страшны. Даже втрое большее войско не сумеет взять замок штурмом – в этом принц был абсолютно уверен. Хуже будет, если в следующий раз эти подонки спровоцируют нападение – пожгут фермы, захватят заложников. Драонн был уверен, что если он прольёт хоть каплю их поганой крови – вскоре ему придётся иметь дело уже с регулярной армией. А тогда уже расклад будет совершенно иным.

Пока же Драонн понимал одно – скоро наступит весна, а это значит, что кровь польётся с новой силой.

Когда в Доромион пришла новость о том, что Лейсиан и Волиан схвачены, Драонн сперва в это не поверил. Месяц весны¹⁰ подходил к концу, но, несмотря на пессимистические ожидания, красноверхие так и не появились больше на его землях, хотя из Ревии приходили смутные вести о новых столкновениях. Кажется, императору всё это порядком надоело, и он решил как можно скорее покончить с мятежниками.

Драонн слышал, что в Ревии устраивают облавы на беглых предводителей восстания, что замок Волиана разрушен придворными магами до основания, что схвачен Терадиан, стремянный и правая рука мятежного принца. Что из этого соответствовало действительности, а что

¹⁰ Месяц весны – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц весны, соответствует нашему марту.

нет – понять было невозможно. Для этого нужно было иметь куда более разветвлённую сеть шпионов, или куда более крепкие связи.

И всё же одно дело схватить какого-то стремянного, и совсем иное – пленить вожakov восстания, которых Драонн уже начал считать неуловимыми. Сложность для императорской армии состояла в том, что Ревия была почти сплошь покрыта древними лесами, в которых лирры чувствовали себя не в пример вольнее людей. Найти среди этих лесов небольшой летучий отряд было не проще, чем отыскать иголку в стоге сена.

Однако вскоре новости подтвердились. Из магистрата прибыл гонец, доставивший запечатанный пакет. В этом пакете оказалось короткое послание, в котором извещалось о поимке опасных государственных преступников. Письмо было неперсонифицировано – судя по всему, этот текст был размножен трудолюбивыми писцами и разослан сразу всем лиррийским принцам, проживающим в Сеазии.

Текст, написанный аккуратным каллиграфическим почерком, не мог передать эмоции, однако Драонн буквально ощущал, каким самодовольством и злорадством истекают эти строки. После воспевания оды императору и его доблестным войскам, после описания гнусности преступления, свершённого неблагодарными представителями лиррийского народа, а также после ликования по поводу того, что оные теперь понесут заслуженную кару, магистрат приглашал представителей лиррийской знати прибыть в Шедон в двадцать шестой день месяца весны. Зачем – не уточнялось, но это было ясно и так.

Принц Драонн понимал, что теперь его, а также его товарищей-лоялистов ожидает самая унижительная процедура. Очевидно, их заставят подписать какие-то бумаги, осуждающие схваченных мятежников, а возможно – ходатайствующие об их скорой и по возможности мучительной казни. В тот миг, когда лоялисты отказались поддержать лейсианцев, они прошли лишь первый этап испытаний на преданность короне. Сейчас их ждал второй, и куда более неприятный.

При всём этом ехать было нужно. И ради будущего своего народа нужно было сделать всё, что потребуют люди. А люди, как известно, не отличаются особенным великодушием.

Уже почти у самых ворот Шедона Драонн, который скакал на своём любимом жеребце во главе небольшого отряда в полдюжины илиров, заметил ещё одного лиррийского принца, чей надел находился неподалёку от его собственного. Это был Перейтен Бандорский, по возрасту примерно равный его отцу и бывший с Астевияном во вполне дружеских отношениях.

Драонн не виделся с принцем Перейтеном со времён похорон отца, но питал к нему уважение. Тот же, в свою очередь, тоже вполне дружески поклонился молодому принцу, когда заметил его.

– Не составите ли мне компанию, друг мой? – после взаимных приветствий обратился Перейтен к юноше.

– Почту за великую честь, милорд, – Драонн и в самом деле был обрадован и польщён подобным предложением – ему было не по себе, и общество умудрённого опытом илира было как никогда кстати.

– Как думаете, какие унижения они для нас придумают? – тон Перейтена был вроде бы легкомысленным, но глаза оставались суровы, а складки у переносицы глубоки.

– Не думаю, что они посмеют, – покачал головой Драонн, хотя сам, конечно, считал с точностью наоборот.

– О, ещё как! – горько усмехнулся Перейтен. – Ведь если не сейчас, то потом, возможно, им ещё долго придётся ждать удобного случая. Как только жизнь вернётся в привычное русло, мы вновь станем вельможами империи, пусть и принадлежащими к иной расе. Тогда уже эти

чернильные лягушки не смогут глядеть на нас свысока. Так что они постараются насладиться моментом. Это же люди, – с нескрываемым презрением добавил он.

– А вы думаете, что жизнь вернётся в прежнее русло?

– А куда же ей ещё деваться? Нас с вами пока что не убили, а это значит, что скоро придётся договариваться и, наверное, делать вид, будто ничего и не было. Лично я приложу все силы, чтобы забыть всё произошедшее как можно крепче.

Их разговор был прерван лейтенантом городской стражи, который остановил кавалькаду, чтобы проверить пригласительные бумаги. Даже сейчас запрет на въезд в город для лирр всё ещё действовал. Оба принца предпочли сделать вид, что это их нисколько не задело, спокойно протянули свои приглашения, устно указав количество илиров, сопровождавших их, после чего лейтенант довольно небрежно махнул рукой в сторону ворот: проезжайте.

– Вот вам и подтверждение моих слов, друг мой, – криво улыбнулся Перейтен. – Даже самая мелкая шавка стремится куснуть нас за пятку.

– Нужно терпеть, – глухо произнёс Драонн. – Сейчас, когда есть надежда, что война вот-вот закончится, нельзя дать им лишний повод.

– Вы правы. Увы, большинство наших сородичей посчитали бы нас трусами за такие слова. Я знаю, что частенько говорят у вас за спиной.

– О, мне говорили это и в лицо, милорд, – усмехнулся Драонн. – А если уж за спиной – так и пусть себе! Мне это даже несколько льстит – коли перешёптываются за спиной, значит не смеют сказать в глаза.

– Отличные слова! – одобрительно кивнул Перейтен. – Сказать по правде, я думаю, что вы – самый смелый илир из всех, кого я знаю. И уж, во всяком случае, куда смелее меня.

– Ну тут уж вы явно преувеличили, милорд! – рассмеялся Драонн.

– Вовсе нет. Храбрость ведь бывает двух сортов. Первая несёт тебе доблесть, почёт и уважение. Такая храбрость легка и приятна. Другая же приносит тебе презрение и насмешки. Это – храбрость идти против мнения большинства. Это – храбрость казаться трусом в глазах глупцов, не умеющих отличить трусость от мудрости. И именно этой храбростью обладаете вы, и, увы, её начисто лишён я, хотя и прожил на свете втрое дольше вас.

– Мне весьма лестны ваши слова, милорд, – серьёзно проговорил юный принц. – И я рад, что вы не судите обо мне так опрометчиво, как другие.

– Таких илиров как мы, друг мой, судить будет история. И уж она-то расставит всё по своим местам. В этом невидимом никому музее каждый из нас будет стоять на своей полочке, и у каждого будет табличка, где будет правдиво написано, что это за экспонат.

Драонн улыбнулся столь живописному сравнению. Кавалькада тем временем пробиралась не слишком широкими улочками Шедона к центру, к ратуше. Лирры то и дело ловили недобрые, а иногда и откровенно враждебные взгляды горожан. Очевидно, не будь за спинами принцев дюжины вооружённых илиров, одними взглядами дело могло бы и не ограничиться. Всё-таки сломанное единожды вновь починить уже непросто.

Теперь, под этими тяжёлыми взглядами прохожих разговоры сами собой затихли. Лирры ехали молча и настороженно, то и дело озираясь по сторонам. Лишь врождённая гордость не давала им ещё и оборачиваться на всякий случай.

Уже неподалёку от ратуши Драонну и Перейтену попала ещё одна делегация. Это был принц Телеонн Паэлийский, чьи владения узкой полоской лежали прямо вдоль побережья Западного¹¹ океана. Телеонн, будучи лишь немного моложе Перейтена, весьма отличался от него характером. Он был болезненно горд и вспыльчив, однако при этом и несколько трусоват, что ещё сильнее обостряло его чувство собственного достоинства.

¹¹ Западный океан – один из четырёх океанов, омывающих Паэтту. Позднее этот океан назовут Загадочным.

Телеонн никогда не входил в число почитателей нового владельца Доромиона, да и с Перейтенон они были не в ладах, поэтому сейчас он ограничился лишь довольно небрежным кивком издали, и даже не произнёс обычных приветственных слов. Собственно, это не слишком-то задело парочку принцев, поэтому они так же холодно кивнули в ответ, и этим и ограничились.

– Как бы не натворил он сейчас дел, – обеспокоенно шепнул Драонн.

– Не отважится, – так же тихо ответил Перейтен. – Если бы у него хватило смелости, он ушёл бы в Ревию ещё прошлым летом. Я больше опасаюсь за Делийона – вот у кого язык без костей и кровь не жидка.

Делийон Тенедорионский был одним из семи принцев Сеазии, и по возрасту он едва превосходил Драонна. Молодой и горячий, он не ввязался в авантюру Лейсиана лишь благодаря лорду Тавиану, своему дяде по материнской линии, который заменял ему отца. И сейчас дерзкий принц вполне мог что-нибудь такое ляпнуть, что, попав на незажившую рану, может вновь её разбередить. Особенно если Тавиана, его дяди, не будет рядом.

Драонн и Перейтен прибыли загодя – до обозначенного в приглашении времени оставалось ещё около часа. Однако, в ратуше уже было движение людей, явно несвойственное для провинциального города. Более того, оказалось, что они прибыли не первыми. Когда какой-то клерк провёл их в зал заседаний, Драонн увидел там ещё двух принцев.

Одним из них был Гайрединн Кассолейский, старейший из всех принцев Сеазии и пользующийся среди них заслуженным уважением. Гайрединн вполне успешно разменял уже двадцать четвёртый десяток, но всё ещё был полон сил и величия.

При виде второго Драонн непроизвольно внутренне сжался и на мгновение почувствовал холодную сосущую боль в груди. Принц Глианн Палторский как раз был тем самым илиром, что убил на той злосчастной дуэли его отца. С тех пор Драонн видел его лишь однажды – во время похорон.

Виновником дуэли был отец, а точнее – его грубое чувство юмора и вспыльчивость. Дуэль проводилась честно и по всем правилам. Более того, Глианн клялся, что не хотел убивать своего соперника. И действительно – роковой удар, разрезавший сонную артерию, был нанесён случайно – меч Глианна скользнул по лезвию Астевиана, когда рука последнего дрогнула при неловком парировании. И рана оказалась слишком глубока, чтобы смог помочь даже присутствовавший при дуэли лекарь.

В общем, претензий к Глианну быть не могло, да и сам Драонн неоднократно заверял, что не винит принца в смерти отца, но... Положа руку на сердце, разве в силах разумного существа не винить того, кто убил его близкого илира? Поэтому, хоть юноша и пытался всеми силами это скрыть, но вид Глианна был ему неприятен.

Тот, заметив среди вошедших Драонна, тут же встал и направился к нему, чтобы поприветствовать. Это было весьма учтиво, поэтому Драонн постарался ответить с не меньшей учтивостью. Было видно, что Глианн до сих пор сожалеет о случившемся, и это отчасти изкупало содеянное.

Поскольку в зале было полным-полно судейских, никаких особенных разговоров лирры не вели. поприветствовав друг друга, Гайрединн и Перейтен завели какую-то светскую беседу, Глианн с видимым облегчением стал о чём-то переговариваться с Телеонном. Драонн же, пользуясь тем, что от него на время все отстали, уселся в уголке и о чём-то задумался.

Через какое-то время появился упоминаемый ранее Делийон, к счастью, в сопровождении дяди, а последним явился Веилион Честнорский, чьи владения граничили с землями Драонна, но при этом они оба взаимно избегали общения друг с другом. Теперь все лиррийские принцы провинции были в сборе, а поскольку секретариат магистрата также присутствовал в полном составе, то заседание было начато несколько ранее со всеобщего одобрения.

– Милорды, благодарю за то, что приняли приглашение и явились сюда, – начал первый секретарь магистрата. – Уверен, вы знаете о причинах, что повлекли ваше приглашение. Я предлагаю сразу перейти к делу, чтобы не задерживать вас сверх необходимого.

– От имени всех моих сородичей я принимаю ваше предложение, секретарь Дарги, – величаво произнёс Гайрединн Кассолейский.

– Ни для кого из вас не секрет, что восстание мятежников Лейсиана и Волиана захлебнулось, – кивнув в ответ, продолжил секретарь. – Оба они схвачены и теперь направляются в Кидую, если уже не доставлены туда. Конечно, кое-какое сопротивление ещё имеет место быть, но теперь это уже вопрос времени. В связи с этим его величество император Родреан предлагает вам, главам знатных лиррийских домов, подписать ходатайство.

– Ходатайство на предмет чего? – вновь от лица всех спросил принц Гайрединн, хотя по его собственному лицу было видно, что он уже знает ответ.

– Ходатайство о применении к мятежникам смертной казни с острасткой, милорд, – спокойно и сухо проговорил секретарь Дарги.

В лице этого чиновника не было ни спеси, ни ненависти к лиррам. Он просто хотел поскорее и как можно добросовестнее покончить с возложенным на него делом.

– Разве его величеству нужно наше ходатайство? – насмешливо спросил Делийон прежде, чем дядя успел предупреждающе схватить его за предплечье.

– Вы правы, не нужно, – не меняя ни голоса, не выражения лица произнёс секретарь магистрата. – Изменников будет судить королевский суд, и вынесет то решение, какое посчитает заслуженным для них, но...

– Но вы хотите повязать нас кровью наших собратьев, – неожиданно для всех тяжело проговорил принц Глианн.

Все присутствующие буквально уставились на него. Гром ударил оттуда, откуда никто не ждал. Глианн никогда не слыл илиром, бросающим необдуманные слова. Особенно после злополучной дуэли с Астевианом Доромионским. Да и тогда роковые слова были сказаны вовсе не им.

– Его величество лишь хочет, чтобы вы продемонстрировали ему свою лояльность, милорд Глианн, – не извиняясь, а лишь констатируя факт произнёс Дарги.

– А разве мы не продемонстрировали свою лояльность, отказавшись встать под знамёна Лейсиана? – сверкнув глазами, спросил принц, повышая голос.

– Это было благородно и... умно с вашей стороны, – впервые первый секретарь позволил себе укол. – Но лояльность проявляется не единожды свершённым поступком, это состояние, перманентно присущее подданным.

Кровь бросилась в лицо не только Глианну. Почти все присутствующие лирры восприняли слова человека как намёк на их трусость. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Железные пальцы Тавиана стискивали облачённую в кольчугу руку Делийона так, словно он собирался передавить её пополам, но юноша, кажется, не собирался молчать.

– Когда монарх начинает выпрашивать у подданных проявление повиновения... – начал он, но дядя не дал ему договорить, изо всех сил ударив кулаком в плечо.

– *Советую* вам послушать лорда Тавиана и не заканчивать предложения, милорд Делийон, – нехорошо прищурившись, предупредил Дарги. – Император никогда и ничего не выпрашивает, и уж тем более – у своих подданных. Речь идёт о том, чтобы проявить свою принципиальную гражданскую позицию, милорды. Она ровным счётом ничего не будет значить, как уже было верно подмечено. Так или иначе, но изменники будут казнены. Однако его величество *хочет быть уверен*, что измена в империи умрёт вместе с ними.

Эта завуалированная угроза была более чем ясна. Первый секретарь почти прямо давал понять, что те, кто откажутся подписать прошение, в будущем могут сами оказаться под следствием.

– Позвольте спросить, секретарь Дарги, – с предельной вежливостью произнёс Гайрединн Кассолейский. – То, что вы сейчас сказали – это ваше личное мнение, или же это официальная позиция государственного чиновника?

– Это *личное мнение государственного чиновника*, милорд Гайрединн, – внушительно произнёс секретарь. – И к тому же, хорошо осведомлённого человека.

– Благодарю вас, первый секретарь, – спокойно кивнул старейшина. – Вы всегда хорошо относились к нашему народу, и мы это весьма ценим. И ваше мнение для нас особенно значимо.

Драонн хорошо понимал, о чём говорили эти двое. Секретарь Дарги либо знал, либо с уверенностью предполагал, что вскоре начнутся чистки и репрессии, в жернова которых могут попасть и те, кто благополучно пересидел войну. Он вспомнил давний визит канцлера Делетуара и подумал, станет ли он достаточной защитой для него, молодого лиррийского принца? В любом случае, лишь глупец не внял бы увещаниям секретаря магистрата. Он ведь прав – бумажка эта будет лишь простой формальностью, которая никак не повлияет на судьбу осуждённых.

Однако Драонн видел, что не все за этим столом готовы поставить свою подпись. Делийон и Глианн, а также и Телеонн сидели, насупившись, и оставалось уповать лишь на дядю первого, благоразумие второго и трусость третьего.

– Разрешите мне высказаться, господин секретарь? – поднялся Гайрединн.

– Разумеется, милорд, – с облегчением произнёс Дарги, своим чутьём уловивший, что нашёл могущественного союзника.

– Я хочу обратиться к благородным принцам, находящимся сейчас за этим столом. Когда год назад Лейсиан и Волиан начали войну против людей – разве не говорили вы о том, что они предали также и нас, нанеся удар в спину? Разве не выступили мы тогда с резким осуждением их действий? Разве не противопоставили себя им? Да, мы отказались воевать со своими собратьями – это было наше принципиальное решение. Но люди его приняли! – Гайрединн говорил твёрдо, хотя все присутствующие здесь слишком хорошо знали, насколько условным было это принятие. – Его величество не объявил тотальную травлю лирр, хотя мог бы и имел на это право. Более того, я хочу сказать, что мир наш хрупок ещё и сейчас. Он шатается на самом кончике иглы, и малейшее дуновение ветерка может нарушить это равновесие. Так неужели мы допустим это? Если для того, чтобы обеспечить будущее нашего народа, нужно всего-то подписать какую-то бумажку – разве мудро отказываться от этого? Пришла пора слегка поступиться ложной гордостью во имя мира. Господин секретарь, подайте мне эту бумагу, я подпишу!

Дарги тут же подал знак мальчишке-писарю, который мгновенно подбежал к нему и, взяв лист пергамента и обмакнутое в чернила перо, поднёс всё это пожилому лиррийскому принцу. Одним махом, практически не глядя, Гайрединн поставил свою размашистую подпись и почти с вызовом оглядел остальных шестерых лирр, особо остановившись взглядом на Делийоне и Глианне.

– Передайте, пожалуйста, бумагу мне, – своим тихим голосом попросил Драонн, видя колебание на лицах некоторых сородичей.

Как только принц Доромиона поставил свою подпись, знак подойти мальчику сделал Перейтен. Лёд был сломлен – следом подписался Телеонн, спеша примкнуть к намечающемуся большинству, затем бумага оказалась в руках Тавиана, который подсунул её под нос племяннику. Юноша, судорожно взяв перо, сломал его. Небольшая чернильная клякса упала на стол рядом с документом, запачкав самый краешек. Но никто не обратил на это внимания. Тот же мальчишка быстро принёс новое перо.

В душе Делийона, кажется, проходила нешуточная борьба – Драонн видел слёзы, вскипевшие на его глазах, а также красные пятна, покрывшие его лицо. Но Делийон пока что ещё

не дорос до того, чтобы посметь перечить своему дяде, а потому в конце концов неловко расписался, царапая пергамент.

Глианн поставил свою подпись без малейшего драматизма – он полностью владел собой, и если даже испытывал какие-то чувства, то тщательно скрывал их. Веилион Честнорский расписался последним, но не из каких-то соображений, а просто потому, что бумага дошла до него после всех.

– Благодарю вас, господа! – обрадованно сказал Дарги, когда ходатайство вернулось к нему. – Заверяю вас, что власти Шедона и Сеазии никогда не имели ни малейшего повода подозревать вас в измене, и об этом неизменно докладывалось его величеству. Так же будет и в этот раз. Его величество император Родреан получит этот символ вашей лояльности, в которой он, конечно же, нисколько не сомневается. Со своей стороны хочу сказать, что никогда не питал к вам неприязни, и впредь буду лстить себя надеждой на вашу дружбу.

– Но ограничения для лирр вы пока не снимаете? – небрежно поинтересовался Глианн.

– Увы, милорд, здесь мы бессильны, – с сожалением развёл руками секретарь. – Дозволение на это мы можем ждать лишь из Кидуи. Впрочем, уверен, что это лишь вопрос времени. В самом ближайшем будущем, убеждён, эти нелепые запреты будут сняты, и тогда я безмерно буду рад видеть вас в своём городе!

– А красновехие? – задал вопрос Драонн.

– О, не извольте беспокоиться! – презрительно скривился Дарги. – Они больше вас не потревожат. Думаю, в скором времени мы разгоним это отребье по их жалким лачугам, из которых они выползли. Я жду приказа об их разоружении со дня на день.

– Что ж, – проговорил Гайрединн. – Мы вполне удовлетворены ответами, господин первый секретарь. Если вы более не имеете ничего сказать нам, разрешите откланяться. Мне предстоит ещё неблизкий обратный путь.

– Не смею больше задерживать вас, господа! – тут же вскочил с кресла Дарги. – Ещё раз благодарю за то, что нашли время посетить нас!

– Мы сделали то, что должны были сделать, – уже стоя на площади возле ратуши, проговорил Гайрединн, оглядывая унылые выражения лиц спутников.

– С их стороны это было низостью, а с нашей – трусостью! – яростно возразил Делийон, который всё ещё не мог окончательно прийти в себя.

– Прошу вас, друг мой, не нужно, – мягко попросил старейшина Тавиана, который, не сдержавшись, дал племяннику крепкого подзатыльника за столь резкие слова. – На то она и юность, чтобы быть горячей и бескомпромиссной. Я и сам был таким же в своё время. Принц Делийон озвучил то, что мы не рискнули бы сказать себе сами. Однако времена сейчас таковы, что придётся проглотить эту горькую микстуру, раз уж она лечит. Знаете что, милорды? Дабы нам всем немного отвлечься от мрачных дум, приглашаю вас всех ко мне в Кассолей. Мы так редко собираемся вместе, и это непростительная оплошность!

– А как же запрет на передвижения? – напомнил Драонн.

– Уверен, что сейчас это уже не столь актуально, – отмахнулся Гайрединн. – Война закончилась, пришла пора возвращаться на прежний путь. Но вы правы, милорд, я сейчас же вернусь к первому секретарю и истребую для всех вас дорожные грамоты. Не думаю, что это станет проблемой.

– Отличная идея, милорд Гайрединн! – подхватил Перейтен. – Лично я не прочь немного развеяться. Когда же вы будете ждать нас?

– Предлагаю через неделю, – подумав мгновение, ответил Гайрединн. – Этого времени мне хватит, чтобы подготовиться как следует.

– Великолепно! – чуть наигранно воскликнул Тавиан. – Значит, на третий день империя¹²! В котором часу?

– Для некоторых из вас путь будет довольно долог, поэтому давайте договоримся на восемь вечера. Готовьтесь к тому, что проведёте у меня не менее двух-трёх дней! И не стесняйтесь в выборе компаньонов – пусть с вами приезжают не только ваши домочадцы, но и те из благородных вассалов, чьё общество будет вам приятно. Я хочу, чтобы праздник стал незабываемым!

¹² Импирий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему апрелю. Назван в честь империи Содрейн.

Глава 5. Аэринн

Замок Кассолей располагался приблизительно в сорока милях от Доромиона, поэтому, чтобы поспеть к означенному сроку, Драонн со своей скромной свитой выехал задолго до полудня, намереваясь передвигаться в комфортном темпе и сделать хотя бы одну остановку для отдыха.

Сопровождало юного принца Доромионского всего трое илиров, не считая десятка охранников. По своей молодости Драонн не успел ещё обзавестись собственной семьёй, родители его умерли, а дядья и тётки жили в собственных имениях, поэтому в качестве приглашённых он избрал неизменного Ливейтина, а также двоих наиболее приближенных вассалов.

В Сеазии, особенно здесь, в её северной части, начало месяца империя всё ещё более походило на зиму, чем на весну. Снега было в достатке, хотя он уже порядком посерел и осел, кое-где обнажая проплешины чёрной земли. Нередки ещё были и морозы, хотя теперь они были совсем не так суровы, а весеннее солнце, поднявшись достаточно над горизонтом, уже имело довольно сил, чтобы изгнать их хотя бы до ночи.

Прекрасное время года! Драонн особенно любил империй – оживающая природа наполняла сердце безотчётной радостью. Принц знал, что весна, как обычно, наступит внезапно – одна-две недели, и от этого снега не останется и следа, из ещё совсем безжизненной, казалось бы, земли моментально проступит зелёная щетина свежей травы, а на деревьях начнут набухать почки. Это будет самое блаженное время – тепло, которое ещё не успеет превратиться в жару, отсутствие комаров и другой гнуса, аромат весны, который ни с чем не спутаешь...

Сейчас, думая об этом, Драонн незаметно для самого себя улыбался. Та гнетущая тревога, в которой он жил со времён неудачного нападения на Доромион, требовала теперь исхода, и принц был счастлив удачному поводу, чтобы наконец избавиться от неё. Драонн давно не бывал нигде дальше Шедона, а потому сейчас его пьянило сладостное чувство свободы, ощущение того, что в ближайшие дни он перестанет быть правителем и главой дома, получив возможность побыть просто молодым.

Дороги были довольно пусты – когда весна вступит в свои права, они заполнятся жизнью, но пока лишь редкие путники и ещё более редкие всадники попадались небольшой группе лирр. И это было весьма кстати – здесь, в Сеазии, в отличие от Лиррии или Ревии, лиррийские владения были лишь вкраплениями в пространства, обжитые людьми, поэтому ощущение передвижения по вражеской территории так до конца и не отпускало юного принца.

Владения принца Гайрединна находились почти на самой северо-восточной границе Сеазии, и буквально через какие-нибудь десять-двенадцать миль начинались дикие земли палатийцев. Естественно, что здесь пока ещё не было крупных населённых пунктов, а значит, чем ближе они подъезжали к Кассолею, тем безлюднее становилась местность, и это тоже было приятно.

Поскольку выехали с запасом времени, Драонн не гнал своего скакуна, не желая без нужды утомлять животное. Кроме того, небольшой отряд устроил часовой привал на весьма уютном постоялом дворе, для хозяина которого золото значило куда больше расовой солидарности, а двое или трое постояльцев не рискнули вслух выражать недовольство, поглядывая на одноручные мечи, красноречиво ударяющиеся о бёдра лирр.

Кассолей неожиданно показался из-за леса, когда солнце уже касалось верхушек деревьев. Было около шести вечера, так что представители Доромиона были вполне безукоризненны в своей пунктуальности. Им как раз хватило времени, чтобы оглядеть отведённые им покои, немного отдохнуть и привести себя в порядок. Без четверти восемь слуга постучал в комнату Драонна и спросил, готов ли тот следовать за ним.

По меркам сеазийских лирр это был весьма крупный приём – едва ли не пять десятков илиров обоих полов, представителей высшего общества, собрались в огромном банкетном зале Кассолейского замка. Драонн не мог припомнить, когда в последний раз он видел подобное собрание высшего света. Наверное, лишь на похоронах отца.

Принц Гайрединн, как радушный хозяин, лично встречал каждого гостя у входа, одинаково горячо пожимая руку и принцам, и их вассалам, и галантно целуя руки дамам. В центре залы уже стоял огромный, великолепно сервированный стол, возле которого происходила приятная взору возня – слуги нескончаемым потоком несли подносы и блюда с яствами, однако никто из гостей к столу покамест не спешил. Здесь происходило своеобразное кружение, в которое включился и Драонн. Он подходил то к одному илиру, то к другому, обращаясь с учтивыми, хоть и ничего не значащими фразами, расшаркиваясь с дамами и пожимая руки мужчинам.

Весьма тепло он поздоровался с принцем Перейтеном – после недавнего заседания в Шедоне он чувствовал глубокую привязанность к этому илиру. Затем они взаимно представили друг другу своих спутников. Драонн не скупился на рекомендации, представляя Ливейтина, и при этом ему практически не приходилось ни привирать, ни даже преувеличивать.

Затем всеобщее круговое движение привело его к Глианну Палторскому. Он стоял под руку со своей женой, которая, как поговаривали, не так давно наконец принесла ему долгожданного наследника. Глианн сдержанно улыбался. Казалось, он начисто позабыл историю с подписанием петиции. Заметив, что к нему приближается Драонн, он лишь слегка изменился в лице, но тут же взял себя в руки.

– Милорд Драонн, – проговорил он, мягко освобождаясь от супруги и делая шаг навстречу принцу. – Я очень рад видеть вас!

– Я тоже, милорд Глианн, – как ни странно, но сейчас юноша почти не кривил душой. – Принцу Гайрединну пришла в голову на редкость удачная идея.

– И то верно! Познакомьтесь с моей женой. Её зовут Биалинн, и она семь месяцев назад подарила мне самый великолепный подарок, какой только может пожелать мужчина.

– Да, я слышал, что у вас родился сын, милорд, – Драонн был польщён тем, что Глианн сообщил ему новость, не бывшую, судя по всему, достоянием общественности, и это было явным признаком глубокой симпатии. – Примите мои самые искренние поздравления, а вы, госпожа Биалинн, примите моё восхищение.

– Благодарю вас, милорд, – изящно присела в реверансе госпожа Биалинн. – Я льщу себя надеждой однажды увидеть вас в Палторе. Мы с мужем будем счастливы принять вас.

– Вы оказываете мне невероятную честь, госпожа, – низко поклонился Драонн. – Даю слово, что обязательно воспользуюсь вашим любезным приглашением. Увы, мы так редко выбираемся друг к другу в гости, а ведь нам как никогда нужно держаться вместе.

– Поверьте, милорд, я ничего так не желаю, как иметь честь называться вашим другом, – произнёс Глианн совершенно искренним тоном.

– Заверяю вас, милорд Глианн, что питаю к вам лишь дружеские чувства.

– Вы – благородный юноша! Я, вслед за своей женой, хочу ещё раз пригласить вас к нам в гости.

– Непременно буду у вас в ближайшее время! – заверил Драонн, раскланиваясь.

Круговое движение продолжалось. Тренированная множеством прочитанных книг память молодого принца без особых проблем удерживала десятки лиц и имён, большинство из которых он либо видел впервые, либо позабыл, что видел ранее. Он не проходил мимо ни одной из небольших групп, а его малочисленная свита следовала за ним по пятам.

Дошла очередь и до Делийона Тенедорионского. Юный принц всеми силами стремился показать, что прибыл сюда не по своей воле. Он стоял рядом с любезно улыбающимся лордом

Тавианом и кривился так, словно только что хлебнул кошачьей мочи. Завидев приближающегося Драонна, он скис ещё больше – очевидно, что у Делийона было собственное, и крайне нелестное мнение о принце Доромиона. Его дядя, напротив, заулыбался ещё радушнее, и, судя по всему, это радушие не было напускным.

– Приятно видеть вас здесь, милорд Драонн, – проговорил он, протягивая руку.

– И это взаимно, лорд Тавиан, – улыбнулся Драонн.

Он демонстративно не замечал племянника, предпочитая вести диалог с дядей. Делийон отвечал ему тем же презрительным пренебрежением, лишь изредка фыркая на те похвалы, что расточал Драонну Тавиан. Будь здесь прежний хозяин Доромиона, он бы вряд ли стерпел такое отношение к себе, и дело, вероятно, закончилось бы дуэлью, но новый владелец был совсем из иного теста. Поэтому, пару минут поговорив с лордом Тавианом, он, вежливо поклонившись последнему, невозмутимо двинулся дальше.

– Жаль, что моя сестрица не сумела родить кого-то вроде него, – услышал он реплику Тавиана, и едва сумел сдержать смешок.

Что ответил дяде раздосадованный Делийон, Драонн уже не расслышал – гул от голосов в зале стоял довольно громкий.

Была едва ли не половина девятого, когда хозяин дома пригласил всех к столу. К этому времени как раз все успели поздороваться и переговорить со всеми. У стола стояли слуги, которые тут же указывали гостям их места за столом. Было видно, что Гайрединн весьма тщательно продумал рассадку, дабы максимально угодить всем и не создавать ненужных трений. Так Драонн оказался бок-о-бок с принцем Перейтенем, чему был несказанно рад. Как и тому, что делегация Тенедориона разместилась на дальнем конце стола, так что можно было есть, не боясь испортить пищеварение созерцанием кислой физиономии Делийона.

Лишь тогда, когда каждый прибор, каждое блюдо, каждая салфетка заняли своё место на столе, равно как и последний гость занял своё место за столом, появились хозяйки этого торжества, которые до последней секунды следили за тем, чтобы всё было как должно.

Пожилая женщина, чью гордую стать не сумели сломить прожитые годы, царственно двинулась в ореоле белоснежных волос. Мало кто даже из лирр в столь преклонном возрасте рискнули бы иметь столь вызывающую причёску. Но Олива Кассолейская, супруга Гайрединна, даже в эти годы обладала шикарными волосами, которые, потеряв свой первоначальный вороновый цвет, стали ещё удивительнее, отливая лунным серебром.

Рядом шла юная девушка, глядя на которую можно было представить, какова была госпожа Олива в молодости. Та же гордая благородная красота, те же неистовые иссиня-чёрные волосы, та же изысканная стройность и осанка, которые никогда не будут доступны людям.

Девушка везла перед собой кресло на колёсиках, в котором сидела ещё одна женщина. Шея, искривлённая под неестественным углом, так что казалось, будто несчастная пытается рассмотреть что-то, расположенное сверху и позади неё, а также руки, которые, казалось, пытался связать узлами какой-то жестокий великан, сразу давали понять, что эта лирра была магией. Драонн тут же припомнил, что когда-то слышал о том, что дочь Гайрединна действительно была магией, только вот имени её вспомнить не сумел.

Признаться, сейчас его внимание было занято отнюдь не этой искалеченной женщиной. Юноша не мог отвести глаз от прекрасной девушки, которая, казалось, единственная осталась существовать на всей земле.

Тем временем, обе женщины учтиво поклонились собравшимся гостям, на что те ответили восторженными приветствиями. Несколько илиров из тех, что сидели неподалёку от мест хозяек, тут же вскочили, чтобы сопроводить их за стол. С особой осторожностью они подкатили кресло к специально пустовавшему для этого месту.

– Кто эта девушка? – слегка задыхаясь от волнения, спросил Драонн у Перейтена, который уже приступил к трапезе и обгладывал сейчас фазанье крылышко. – Внучка милорда Гайрединна?

– Что вы, – промакнув рот салфеткой, ответил тот. – У милорда Гайрединна нет внучек. Это – его младшая дочь Аэринн.

Лишь сейчас Драонн понял, что спросил очевидную глупость. Магини были бесплодны, а это значит, что Аэринн не могла быть дочерью той женщины в кресле. Но дочь... На вид девушка была едва ли старше него самого, тогда как Гайрединн годился в отцы его отцу. Конечно, старость щадила лиррийский организм куда больше, чем человеческий, но всё же... Драонн поглядел на пожилого принца и особенно его супругу с невольным восхищением.

Но довольно быстро он сосредоточился на другом. Аэринн явно не замужем – иначе она не жила бы в отцовском доме. Возможно, у неё кто-то есть, но даже если это так, то этот ухажёр (Драонн уже ненавидел его, даже не зная кто он и существует ли вообще) не принят ещё семьёй, поскольку в противном случае он сидел бы сейчас рука об руку с девушкой. Следовательно, она свободна.

Драонн никогда не считал себя излишне романтической натурой. До сих пор он не слишком-то интересовался девушками и всеми этими нежными чувствами. В читаемых им книгах о великих полководцах, когда изредка в них случились-таки описания неких любовных похождений, он обычно просто с досадой пролистывал эти неинтересные страницы, чтобы вновь углубиться в описания тактик и стратегий.

Он прекрасно понимал, что как глава древнего правящего рода он обязан будет рано или поздно озаботиться продолжением рода, но втайне надеялся, что эта необходимость возникнет как можно позднее. В общем, до сего дня Драонн считал себя неуязвимым для романтических чувств.

Однако теперь он буквально пожирал взглядом прекрасную дочь хозяина, при этом едва прикасаясь к блюдам, хотя лишь за минуту до начала обеда он, казалось, умирал от голода. Принц весьма рассеянно отвечал на вопросы Перейтена, и тот, быстро поняв причину такой рассеянности, с доброй усмешкой переключился на другого собеседника.

Когда взгляд Аэринн впервые скользнул по Драонну, он, казалось, даже не остановился на юноше, и тем не менее принц почувствовал, как у него перехватило дыхание и пересохло в горле. Он спешно схватил бокал с вином, чтобы смочить нёбо, но пальцы плохо слушались, так что он лишь толкнул почти полный бокал, и тот, звякнув о соседние блюда, опрокинулся.

Это вызвало небольшой переполох вокруг – тут же подбежали слуги, гости инстинктивно отпрянули, боясь, что красное вино испортит их дорогие наряды. А Аэринн вновь посмотрела на того недотёпу, что стал виновником всей этой кутерьмы. Она совладала с лицом, но Драонн увидел, как смешинки запрыгали в её огромных прекрасных глазах.

Как мы знаем, юный принц был и так довольно застенчив, хотя, конечно, несколько лет во главе своего дома немного исправили этот недостаток. И всё же он окончательно смешался от подобного фиаско, и ему страшно захотелось куда-нибудь убежать. Естественно, сделать этого он не мог, поэтому пришлось притвориться, что он страшно увлечён едой, хотя кусок едва лез ему в горло.

Однако теперь он, к своему удивлению, гораздо чаще стал ловить на себе взгляды юной насмешницы, и теперь они уже были не столь мимолётны. Она словно дразнила, иногда подолгу глядя на него до тех пор, пока не ловила его чуть испуганный взгляд. А сам Драонн никак не мог решить – радует ли это его, или пугает. Всё-таки жизнь, которую он вёл, была слишком приятна, чтобы так легко расстаться с ней, пусть даже ради такой великолепной девушки.

В общем, долгий ужин показался Драонну ещё длиннее, и как только стало можно выйти из-за стола, он тут же едва ли не бросился к тёмной нише окна, где, усевшись на холодный мрамор подоконника, надёжно укрытый сумраком, стал наблюдать за Аэринн.

Теперь, после ужина, многие подходили, чтобы лично поблагодарить хозяек дома. Всякий раз, как к Аэринн подходили мужчины, он невольно скрипел зубами – ему казалось, что все присутствующие без памяти влюблены в неё и борются за её внимание. Драонн видел, что молодая хозяйка – весьма бойкая девушка, которая без труда поддерживала разговор, непридуманно смеялась и находилась с ответом для любого, кто бы к ней не подошёл. Принцу же одновременно и до безумия хотелось подойти, чтобы также сказать ей какую-нибудь чепуху, и не менее мучительно хотелось держаться подальше, отдавая себя на растерзание невесты откуда взявшейся ревности.

Дилемму разрешил хозяин дома. Молодой слуга вежливо подошёл к Драонну и сообщил, что милорд Гайрединн ищет его, чтобы поговорить. Густо покраснев, принц двинулся следом за посыльным.

– Милорд Драонн, – радушно воскликнул Гайрединн, заприметив обречённо подходящего принца. – Позвольте представить моих домочадцев.

Первой, естественно, была представлена госпожа Олива, и здесь Драонн вполне искренне рассыпался в восхищённых эпитетах. Затем настала очередь магини, которую, как выяснилось, звали Дайлой. Тут уже принцу пришлось тяжелее – говорить с волшебниками всегда нелегко, а уж когда приходится обращаться даже не к лицу, а к уху и сведённой вечной судорогой шее, то это и вовсе превращается в едва решаемую задачу.

Однако же Драонн сумел произнести какие-то фразы, услышав в ответ глухой и надтреснутый голос, больше похожий на голос простуженного маленького мальчика. Лишь огромным усилием воли он заставлял себя не отводить взгляда от этой гротескно исковерканной фигуры. И, надо сказать, этому немало помогали горящие выше глаза Аэринн, которые, казалось, не мигая, неотрывно следили за его лицом. Смотреть на магиню казалось не столь страшным, как взглянуть в эти смеющиеся глаза.

Тем не менее, это пришлось сделать, когда Гайрединн произнёс:

– А это – моя младшая дочь, Аэринн.

– Я счастлив познакомиться, госпожа... – кое-как выдавил Драонн, заставив себя взглянуть в столь близкое лицо девушки.

С такого расстояния она казалась ещё прекраснее и восхитительнее. Казалось, все черты доведены в ней до совершенства. Быть может, казалось так только одному лишь Драонну, но сути это не меняло – он был ослеплён и оглушён.

– Не облились ли вы вином? – лукаво улыбаясь, поинтересовалась Аэринн.

– Как-то не успел... – невпопад ляпнул Драонн и едва не поперхнулся, поняв, что сморозил страшную глупость.

Аэринн, не сдерживаясь, фыркнула в кулачок, и, к огромному удивлению принца из инвалидного кресла послышалось какое-то покашливание, которое не могло быть ничем иным, как смехом.

– Аэринн! – строго одёрнула дочь госпожа Олива, хотя Драонну показалось, что и у неё слегка дёрнулся уголок рта.

– Извините мою дочь, милорд! – тут же заговорил Гайрединн. – Она – моя любимица, ни в чём не могу её ограничить. Если бы не супруга – совсем от рук отбилась бы!

– Не стоит извинений, милорд, – Драонну немного удалось взять себя в руки. – Право же, я сам сплеховал, сказав очевиднейшую чушь. Кто угодно рассмеялся бы над этим.

– Милорд Драонн – один из лучших вельмож нашей провинции, а быть может – и всей империи! – обращаясь к женщинам, произнёс Гайрединн. – Он оказал мне неоценимую помощь в магистрате, да и вообще я восхищён его взвешенной политикой. Убеждён, его ждёт великое будущее, и его правление послужит не только славе Доромиона, но и славе всего нашего народа!

– Вы заставляете меня краснеть, милорд Гайрединн, – смущённо проговорил Драонн, опуская глаза.

– Да вы и так уж красны как варёный рак! Куда уж дальше? – тут же воскликнула Аэринн, вызвав новый приступ веселья у своей старшей сестры.

– Аэринн! – на сей раз Олива совершенно серьёзно прикрикнула на дочь. – Что ты себе позволяешь?

– Простите, мой принц, – сделав насмешливый книксен, пролепетала Аэринн, всем своим видом изображая раскаяние, хотя никто из присутствовавших не поверил этому ни на оэр.

Это окончательно выбило Драонна из колеи, так что он не сумел найти с ответом.

– Прошу вас, милорд Драонн, идите и развлекайтесь, пока эта хищница не проглотила вас целиком! – выражение лица Гайрединна было несколько сконфуженным, но одновременно в нём читалась и отческая гордость, и бесконечная любовь к дочери.

Неловко поклонившись, принц воспользовался предложением и быстро направился к Ливейтину, стоящему неподалёку. Он нисколько не винил стариков за подобную снисходительность к проделкам Аэринн – они получили дочь в том возрасте, когда многие уже с нетерпением ждут правнуков. Да и на самом деле он нисколько не сердился на девушку. Скорее наоборот – в его груди разливалось какое-то блаженное тепло, какого он никогда раньше не ощущал.

Однако он по-прежнему чувствовал неловкость, поэтому, подойдя к своему начальнику стражи, так и не нашёлся, о чём с ним заговорить, а потому, чуть потоптавшись возле почтительно притихших вассалов, вновь отправился в спасительный мрак оконной ниши.

Какое-то время он бессмысленно глядел в окно, но там не было видно ничего кроме кромешной тьмы да слабого отражения того, что происходило позади него. Но это было и неважно – Драонну сейчас хотелось думать, а не смотреть. Очевидным для него было то, что он без памяти влюбился в Аэринн. Конечно, принц не мог определить – глубокое ли это чувство или же сиюминутная страсть, вызванная пробуждением его мужского естества, но в данный момент времени это и не имело никакого значения.

Драонн понимал, что он – принц, что по своему происхождению он вполне ровня роду Аэринн, и что нет никаких причин для него не попытаться добиться её согласия на брак. Более того, он был убеждён в том, что Гайрединн, без сомнения, поддержит этот союз, да и сам он – далеко не худшая партия для замужества. Но природная робость, а также полная неопытность в подобного рода делах словно парализовали волю Драонна, заставляя мысли бешено скакать в одном и том же кольце, раз за разом проживая события их краткой беседы.

– Вот вы где спрятались! – раздался совсем рядом такой уже знакомый голос.

Аэринн стояла рядом, опираясь плечом на шершавую стену.

– Я не спрятался, – краснея, пробормотал Драонн, поспешно поворачиваясь к девушке.

– Понятно, – насмешливо кивнула она. – Просто в это время дня из наших окон самый прекрасный вид.

– Вроде того, – смущённо усмехнулся он в ответ.

– Вы простите, что я насмеялась над вами, – в её голосе не слышалось и капли раскаяния.

– Разве? Я даже не заметил, – Драонн осознавал, что выглядит в глазах Аэринн всё глупее и глупее, но ничего не мог с собой поделать.

– Значит, в следующий раз буду стараться лучше, – с очаровательным изяществом фыркнула она.

– Зачем? – не нашёл ничего умнее спросить Драонн.

– Да что с вами такое? – рассмеялась Аэринн. – Вы что же – ничего не поняли?

– Простите, сударыня, но...

– Нас собираются поженить, мой принц! – как о каком-то незначущем пустяке заявила Аэринн.

– Что??? – Драонн был настолько удивлён, что решил, что ему просто послышалось.

– А вы думали – зачем мой отец организовал этот вечер? – пожала плечами девушка. – Не знаю, что там насчёт вас, но я уже была заранее предупреждена, что сегодня меня познакомят с весьма выгодной для меня партией. Я, кстати, представляла вас чуть повыше ростом.

– Что вы хотите сказать?..

– Что вы не такой высокий, как я думала, – вновь хихикнула Аэринн.

– Я не об этом, – Драонн, казалось, даже не осознал последних слов. – Ваш отец пригласил меня сюда, чтобы выдать вас замуж?

– Вас это смущает?

– Да, признаться... Немного... – мысли принца путались. – Просто это как-то неожиданно.

– Какой же вы смешной! – рассмеялась Аэринн, но как-то совершенно не обидно, а скорее даже приятно. – Я и не знала, что в наше время ещё бывают столь застенчивые юноши, а уж тем более – принцы. Что же, мой принц, мне уже пора. Я слышала, вы задержитесь у нас на несколько дней. Значит – мы ещё увидимся.

Резко повернувшись, она быстрой походкой направилась к родителям, а Драонн так и остался ошеломлённо глядеть ей вслед.

Глава 6. Помолвка

Утро напоминало о бессонной ночи приглушённой головной болью. Драонн так и не смог уснуть, а если даже и задремал ненадолго, то облегчения это не принесло. Хвала богам, по обычаю знатных лирр завтрак никогда не проходил в компании других – даже семьи не завтракали вместе. Конечно, на простых илиров это не распространялось – у них зачастую не было ни времени, ни возможностей барствовать. Здесь же, в замке Кассолей, слуги, конечно, разнесли подносы с лёгким завтраком по комнатам гостей.

Драонн думал, что переживания отбили у него не только сон, но и аппетит, но ошибся. Молодой организм требовал энергии, так что юноша съел всё без остатка, усмехнувшись про себя, что он не очень-то похож на страдающего романтического принца из глупых книжек.

Теперь нужно было подготовиться к встрече с Аэринн. Он понимал, что вечно бегать и прятаться не получится, тем более, если её родители действительно задумали женитьбу. Кстати, несмотря на сладостную истому, что неизбежно возникала в груди, как только Драонн думал о возможном браке с Аэринн, он чувствовал также и лёгкую досаду – почему-то ему всегда казалось, что в данном вопросе право выбора будет предоставлено всё-таки ему. Успокаивало лишь то, что сам он при всём желании не сделал бы лучшего выбора.

Вчера вечером принц Гайрединн объявил о том, что сегодня состоится охота на кабана, который в изобилии водился в окрестных лесах. Драонн понимал, что с его стороны будет довольно глупо отказаться, тем более что никаких видимых причин для этого не было. Выходит, нужно было собираться на охоту. Юноша готов был заложить голову, что там обязательно будет Аэринн, и это наполняло его сердце одновременно трепетом ожидания и тревоги.

Выйдя из своей комнаты, Драонн намеревался спуститься вниз, в общую залу, где уже должны были собраться будущие участники охоты, однако первое, что он увидел, была Аэринн, сидящая в проёме окна в изящном охотничьем костюме. Она забралась на подоконник с ногами, обхватив руками колени и прислонясь спиной к оконному откосу.

До встречи с людьми лирры не знали такого понятия как этикет. Их взгляды на приличия строились на естественном и рациональном понимании жизни. Лишь много позже, начав жить совместно с людьми в их тесных деревянных и каменных городах, лирры стали усваивать то множество странных условностей и правил, которые зачем-то ввели в свой обиход люди.

Тем не менее, на многие вещи лирры по-прежнему смотрели куда проще людей. Так Аэринн, допустим, даже не потрудились, чтобы найти предлог для встречи с Драонном. Любая девушка из людей наверняка постаралась бы сделать вид, что она случайно проходила мимо, ведь этикет яростно порицал женщину, делающую первый шаг. Но Аэринн не было никакого дела до этого, и раз уж ей захотелось повидаться с Драонном, то она не видела причин этого не сделать.

– Ну вы и соня! – насмешливо проговорила она, мягко, словно кошка, спрыгнув с подоконника. – Другие вон уже давно собрались!

– Я не спал! – покраснел Драонн. – Если хотите знать, я вовсе не спал этой ночью!

– Наши постели недостаточно мягкие для вас, мой принц?

– Дело вовсе не в этом! И вообще, может уже хватит постоянно насмехаться надо мной?

– О, сегодня вы уже не мямлите! – Аэринн с интересом заглянула ему в глаза.

Хоть она и говорила, что представляла себе Драонна выше ростом, тем не менее, сама была почти на голову ниже него, так что теперь, подойдя почти вплотную, глядела снизу-вверх.

– Я и вчера не мямлил.

– Вероятно, мы по-разному понимаем это слово, – улыбнулась Аэринн. – Ну так что, вы собираетесь на охоту?

– Конечно! – как можно бодрее ответил Драонн.

– А скольких кабанов вы уже убили, мой принц?

– В наших местах кабаны редки, сударыня, – чуть смутился Драонн. – Кроме того, я совсем не охотник.

– А я люблю охоту! Когда мы поселимся в Доромионе, мне будет её не хватать.

Не ожидавший подобного Драонн от неожиданности поперхнулся слюной и закашлялся. Аэринн же звонко рассмеялась.

– Я вновь смутила вас, мой принц?

– Признаться, да, – пытаюсь побороть кашель, выдавил Драонн. – Вы можете представить, насколько вы удивили меня последними новостями, так что, я думаю, мне простительно быть слегка смущённым.

– Простите, я не хотела...

– Разве нет? А мне кажется, что вы играете со мной с той самой минуты, как заметили меня за столом.

– По-вашему, я играла с вами и за столом? – хитро стрельнула глазами Аэринн.

– Ваши пристальные взгляды мешали мне ужинать.

– Какие ужасные впечатления у вас останутся от Кассолея! Сперва вы плохо поели, затем – дурно спали... Осталось ещё свалиться с коня на охоте для полного комплекта!

– Поверьте, на лошади я держусь вполне сносно.

– Ну тогда на вас может напасть раненый вепрь, – не растерялась девушка.

– Я сделаю всё возможное, чтобы этого не произошло, – заверил Драонн. – Как я уже говорил, охотник из меня никудышный, так что я постараюсь держаться подальше от ваших кабанов.

– Застрелите кабана для меня, мой принц, – тон, которым Аэринн произнесла эти слова, а также взгляд, которым она их сопровождала, заставили сердце юноши затрепетать.

– Простите, сударыня, но я противник убийства из одного интереса, – всё же произнёс он, уже сожалея о сказанном. – Звери не виноваты в том, что нам бывает скучно.

– А как же азарт, доблесть? – вскинулась Аэринн.

– Не много доблести в том, чтобы несколькими мужчинам верхом на лошадях расстрелять издали несчастного кабана, – возразил принц.

– Ну так оставайтесь дома! – выпалила девушка и, резко повернувшись, яростно зашагала прочь, оставив Драонна в полнейшем смятении.

Через некоторое время Драонн на обмякших ногах спустился к остальным гостям. Принц Гайрединн тоже был здесь, а вот Аэринн видно не было.

– Составите нам компанию, милорд? – подходя к юноше, предложил пожилой принц.

– С удовольствием, милорд Гайрединн, – кое-как поклонился тот. – Когда выступаем?

– Жду знака от своих егерей. Надеюсь, в течение часа выдвинемся. Покамест можете выбрать себе подходящее оружие, или вы предпочтёте свой лук?

– Извините, милорд, – тихо, но решительно возразил Драонн. – Я отправляюсь лишь развеяться и подышать лесным воздухом. Мне не доставляет удовольствия убивать ни в чём не повинных животных.

– Воля ваша, друг мой, – юноше показалось, или принц бросил на него какой-то странный взгляд, хотя никакого осуждения или насмешки в нём не было. – Поедем развеяться. Я тоже не планирую принимать участия в охоте. Боюсь, в моём возрасте мне уже не поспеть за молодёжью.

– Почту за честь составить вам компанию, милорд.

Драонн был довольно рассеян – он постоянно искал глазами юную охотницу, но не находил, отчего чувствовал одновременно и облегчение, и досаду. Наконец в дверях возник старший егерь замка, объявивший, что загнаны сразу три крупных кабана, ближайший из которых должен быть не более чем в четверти часа хода рысью.

– По коням, господа! – возбуждённо воскликнул Гайрединн. – Это будет славная охота!

Около двух десятков илиров, радостно галдя, высыпали во двор, где их ждали осёдланные лошади. Здесь Драонн увидел Аэринн, уже гарцующую на горячем нетерпеливом скакуне. Девушка весьма ловко обращалась с лошадью, так что та буквально танцевала под ней, изнемогая от желания рвануть в галоп. Заметив Драонна, Аэринн одарила его вызывающим, насмешливым взглядом, который он выдержать не сумел.

Кавалькада шумно сорвалась с места, предвкушая удовольствие. Драонн же пустил свою лошадь вскачь так, чтобы не терять из виду охотников, но при этом и не быть в этой шумной толпе. Сейчас ему вообще хотелось одиночества. Ещё вчера, узнав о возможной женитьбе, он почувствовал страх. Страх того, что его жизнь круто изменится, что придёт конец его необременительному одиночеству. Однако теперь, потеряв эту, пусть эфемерную, возможность, Драонн почувствовал самую настоящую пустоту внутри.

Это было довольно странно – ведь, по существу, он ничего не потерял. Ну разве можно потерять то, чего не было? Однако именно эта вот пустота говорила о том, что – да, оказывается, можно. Он знал Аэринн меньше суток, за это время успел несколько раз выставить себя дураком, затем и вовсе вывести её из себя, а то, быть может, и оскорбить, но сейчас ему казалось, что он знает её давным-давно и что ровно столько же и любит её.

Как только зазвучали рожки егерей, Гайрединн, по-видимому, совершенно забыл, что не собирался участвовать в охоте. Так что Драонн, отстав шагов на сто от остальных, был в полном одиночестве. Его вассалы, также не особенно привычные к охоте, поскольку в окрестностях Доромиона крупного зверья не водилось уже много десятилетий, решили остаться в замке, так что никто не мешал молодому принцу размышлять.

В лесу Драонну приходилось ориентироваться уже, в основном, только на звук да на взрытый множеством копыт ноздреватый снег, перемешанный с оттаивающей постепенно землёй. Охота ушла вперёд, то там то здесь раздавался лай егерских псов. Вкупе с отличной солнечной погодой и густым хвойным ароматом это могло бы взбодрить даже легендарного короля Полла¹³, однако впервые испытавшему любовные муки юноше всё было не в радость.

Выбравшись на поляну, он застал уже самый конец кровавой драмы. На испятнанном кровью грязном снегу дёргался в агонии истыканный стрелами вепрь. На безопасном удалении с полдесятка егерей едва удерживали на поводках остервенелых от запаха крови псов. Благородные охотники, держа свои луки в руках, весело смеялись, глядя на кабана, всё ещё пытающегося подняться на ставшие непослушными ноги. Вместо истошного визга он издавал теперь лишь хрюкающие хрипы, да звуки, слишком уж похожие на стоны.

Вид этой мучительной смерти заворожил Драонна, и он не мог отвести взгляда, пока кабан не издох. Тогда разгорячённые охотники пососкакивали с лошадей. Главный егерь Кассолея подошёл к застывшей груди мяса. Тут же подоспели другие егеря. Тяжеленную тушу не без труда повернули, уложив на спину.

Несколькими уверенными надрезами главный егерь вскрыл брюшину, вывалив на снег внутренности. Он достал из заплечной сумки оправленный в серебро рог и зачерпнул дымящуюся, почти чёрную кровь. Это был древний как мир обычай – охотники выпивали немного крови своей жертвы.

Первым окровавленный рог поднесли самому принцу Гайрединну, и он с удовольствием пригубил его. Было видно, что принц – страстный охотник, и что сейчас он буквально опьянён происходящим. Егерь стал обносить кровавой чашей всех, кто принимал участие в убийстве кабана, и почти все они хотя бы коснулись её губами. Отказались лишь двое.

¹³ Король Полл – мифическая личность из древней истории империи Содрейн. По легенде, король Полл был правителем небольшого народа задолго до создания империи. У него было одиннадцать сыновей и шесть жён, и он всегда называл себя счастливейшим из людей. Однажды Асс решил отомстить ему и наслал ядовитых змей, которые умертвили всех детей и жён короля. Узнав об этом, король Полл повредился в рассудке и остаток своей жизни плакал, не переставая.

А Драонна мутило. Он отвернулся, но даже не потому, что вид илиров, пьющих кровь, вызывал тошноту. Просто принц вдруг понял, сколь много лирры переняли от людей, и как далеко ушли в слепом желании им уподобиться. Неужели именно об этом говорил Лейсиан?..

– Господа, этим славным кабанчиком займутся другие, а мы отправляемся за следующим! – провозгласил Гайрединн, вскакивая на коня. Он довольно небрежно отёр кровь со рта, поэтому кое-где эта уже запёкшаяся тонкая корочка окаймляла его верхнюю губу.

Только сейчас Драонн заметил, что среди стрелков нет Аэринн. Он стал оглядываться с растерянным изумлением, но нигде не замечал ни её стройную фигурку, ни её светло-серого скакуна. Тем временем охотники стали покидать поляну, оставив на ней егерей, которые стали разделять тушу, а точнее – просто отрезать задние окорока. Принц понял, что большая часть убитого вепря так и останется лежать тут на радость волкам и лисицам. И от этого вновь стало тошно.

Теперь Драонн спешил ещё меньше. Отряд помчался прямо сквозь лес вслед за главным егерем, а юноша, подумав, развернул свою лошадь обратно к замку. Ему совершенно расхотелось участвовать в охоте, и даже этот великолепный день в великолепном реликтовом лесу не прельщал его больше.

Медленным шагом брела лошадь назад, словно разделяя уныние хозяина. Драонн уже сам не знал, что причиняет ему большую боль – недавняя сцена, или разрыв с Аэринн. Или, быть может, эти раны усугубили одна другую.

Принц обернулся, услышав топот копыт, хотя тот и приглушался снегом. И совершенно опешил, увидев, что его догоняет Аэринн. Он настолько растерялся, что даже не подумал о том, чтобы остановить свою лошадь. Лишь глядел на приближающуюся девушку, рискуя вывихнуть себе шею.

– Вы настолько обиделись на меня, что не можете даже подождать? – поравнявшись с Драонном, спросила Аэринн. – Вы, кажется, пытаетесь избавиться от меня?

– Ни в коем случае, сударыня! – горячо возразил Драонн, чувствуя прилив необъяснимой радости. – Просто я был очень удивлён, увидев вас здесь, тогда как полагал, что вы сейчас там, куда умчалась охота.

– А вы сами почему не там?

– Простите, сударыня, но я уже говорил, что не вижу большого удовольствия в травле зверя, – в груди Драонна враз стало холодно и пусто. Он понимал, что каждое его слово сейчас воздвигает непреодолимую стену между ним и Аэринн, но его словно несло – он не мог не сказать этого. – Мне хватило того, что я уже увидел. Кстати, я почему-то также не увидел вас среди охотников.

– Вы именно такой, как говорил отец, – девушка посмотрела прямо в глаза Драонну, и он удивился, не прочтя в её взгляде ни обиды, ни презрения. – У вас есть собственные принципы, и вы не готовы отступать от них даже ради собственной выгоды. Вы понимали, что ваши слова могут вызвать мой гнев, но всё равно сказали их.

– Благодарение судьбе, сударыня – она ещё никогда не ставила меня в столь жёсткие рамки, чтобы мне приходилось поступаться своими взглядами. Но не заблуждайтесь на мой счёт – я не такой уж негибкий. Просто пока не приходилось сталкиваться с силой, перед которой пришлось бы согнуться.

– А вот сейчас было обидно, мой принц! – Аэринн состроила печальное личико. – Значит я для вас – недостаточно могущественная сила, чтобы заставить вас согнуться?

– Ах, госпожа Аэринн, вы неверно поняли мои слова! – вспыхнул Драонн. – Я совсем не то имел в виду. Конечно, именно вы – та сила, перед которой я готов преклониться без рассуждений!

– Однако вы этого не сделали! – резонно заметила девушка. – Что, если я сейчас попрошу вас вернуться на охоту и пустить стрелу в кабана?

– Увы, я откажусь, моя госпожа, – внутренности Драонна сжались от ощущения неизбежной катастрофы, и он сейчас почувствовал себя уже летящим в пропасть, так что кривить душой было бессмысленно. – Я готов склониться лишь перед той силой, что станет уважать и меня. То, что вы предлагаете, больше похоже на игру кокетки, которая из одной своей прихоти заставляет преданного ей илира совершать безумства. Я не стану поощрять вас в этом. Уж лучше я уеду от вас сегодня же.

– Уедете?

– Так будет лучше всего, сударыня. Уже совершенно ясно, что я не тот, кто нужен вам, а потому мне будет лучше вернуться в Доромион, чтобы поскорее забыть.

– Забыть что, мой принц? – впервые в этом её обращении к нему не было скрытой насмешки.

– Забыть вас, Аэринн, и те чувства, что вы во мне пробудили, – решив, что хуже уже не будет, Драонн бросился в омут с головой.

– И что это за чувства?

– Прошу вас, довольно смеяться надо мной, сударыня! – лишь воспитание не позволило принцу пустить своего коня вскачь, чтобы избежать этого тягостного разговора.

– Вы хотели знать, почему меня не было там, среди охотников? – спросила вдруг Аэринн. – Я никогда не убивала животных, мой принц. Мне это столь же противно, как и вам. Я поспешила прочь, как только мы догнали кабана.

– Но вы же говорили... – растерялся Драонн.

– Я хотела проверить – настолько ли вы хороши, как говорил о вас отец! Будете ли стоять на своём, или же решите подлизаться ко мне, как сделало бы большинство. Я кое-что разузнала о вас, поэтому знала, что вы не терпите охоты ради развлечения.

– Так это была проверка?..

– И вы её прошли, мой принц! Теперь я вижу, что вы именно такой, как о вас говорят.

– Обо мне говорят, что я – трус и слабак, – усмехнулся Драонн, но сердце его уже пело от счастья.

– Одни лишь глупцы! – отмахнулась Аэринн. – Что мне до их слов?

– Вы сделали меня счастливейшим из смертных, Аэринн! – воскликнул Драонн, соскакивая с медленно идущей лошади.

Он тут же оказался рядом с девушкой, которая также спешила. Взяв её руку, облачённую в изящную перчатку, он нежно поцеловал её.

– Знаете, Аэринн, я намерен просить у ваших родителей вашей руки! – едва не задыхаясь от счастья, проговорил Драонн.

– Знаете, мой принц, я намерена проследить, чтобы вы не передумали! – рассмеявшись, ответила Аэринн.

В тот же вечер Драонн попросил частной аудиенции у принца Гайрединна. Судя по всему, тот уже вполне ясно предполагал, о чём именно пойдёт речь, поскольку принял главу дома Доромионов в компании госпожи Оливы и Аэринн. Глаза девушки лучились радостью, и эта радость, подобно солнечным лучам, оживляла лица её престарелых родителей.

– Я рад, что здесь присутствуете также и вы, госпожа Олива, и вы, сударыня, – поклонившись обеим женщинам, произнёс Драонн. – То, что я скажу, касается всех вас.

– Мы выслушаем вас очень внимательно, милорд Драонн, – улыбаясь, произнесла Олива.

– Благодарю, госпожа, – вновь поклонился Драонн, а затем, собравшись с духом, начал говорить. – Вы знаете, милорд Гайрединн, что род принцев Доромионских ни в чём не уступает вашему роду.

– Это так, милорд, – важно кивнул Гайрединн. – Наши рода одинаково древние и благородные.

– И одинаково славные, милорд, – продолжил Драонн. – Этот факт, а также те лестные слова, которыми вы удостоили меня вчера, дают мне право надеяться, что моя последующая просьба не покажется вам ни заносчивой, ни оскорбительной.

– Об этом даже излишне говорить! – заверила Олива. – Ваша учтивость известна всем, и ни у кого не вызовет сомнений.

– Благодарю вас, госпожа! Увы, я не очень-то знаю, какие слова приличествует говорить в подобные моменты, а потому просто скажу как есть. Милорд Гайрединн, госпожа Олива, я прошу у вас руки вашей дочери Аэринн.

– Вы оказываете нам великую честь, принц! – степенно поклонился Гайрединн, хотя на лице его явно блеснула радость. – Но прежде, чем мы дадим вам свой ответ, надобно спросить у самой Аэринн – согласна ли она стать вашей женой.

– Мне нужно подумать денёк или два, – жеманно улыбаясь, произнесла девушка.

– Аэринн! – строго и с явной досадой произнесла Олива. – Можешь ты хотя бы раз обойтись без этих своих шуточек?

– Да, мама, – с комичным смирением склонилась Аэринн. – Что ж, если требуется говорить серьёзно, то... Я согласна.

– Ну тогда и нам нет причины отказывать вам, милорд! – обрадованно произнёс Гайрединн. – Мы даём вам наше родительское благословение. Отныне вы, Драонн Доромионский и Аэринн Кассолейская, связаны общим обетом!

Глава 7. Кидуа

О состоявшейся помолвке двух великих родов было объявлено тем же вечером, так что ужин, само собой, превратился в праздничный. Драонн и Аэринн сидели теперь рядышком, так что принц Доромионский, который вчера ещё сидел поодаль, теперь восседал во главе стола рядом с Гайрединном.

Кажется, и без того кислая мина Делийона Тенедорионского выглядела сейчас ещё более вытянутой и несчастной. Судя по всему, он тоже целился на то место, где сейчас блаженно восседал Драонн. Однако последний сегодня, казалось, ничего не замечал кроме своей возлюбленной. И уж подавно он не готов был посочувствовать своему менее удачливому собрату.

Естественно, всех присутствующих тут же пригласили на свадьбу, хотя точной даты пока ещё никто не назначал. Изнывающий от нетерпения Драонн предложил провести церемонию через месяц, но куда более рассудительный Гайрединн, более сведущий в делах подготовки подобных мероприятий, сказал, что лучше рассчитывать на начало лета. «Ведь вы же не хотите свадьбу как у провинциальных мещан!» – резонно заметил он.

Последующие два дня превратились в один сплошной праздник. Гости чествовали новый союз и предвкушали громкое веселье на предстоящей свадьбе. Драонн внезапно для себя оказался в самом центре внимания. Намечавшееся переплетение ветвей генеалогических древ Кассосеев и Доромионов могло означать оживление событий здесь, в Сеазии, вдали от основных мест обитания лирр.

Но вся эта политика сейчас впервые волновала юного Драонна меньше, чем дела любовные. Удивительно, но он, кажется, начисто позабыл и о Лейсиане, и о войне, и о красноверхих. Сейчас в его мире существовала лишь Аэринн, а всё остальное казалось лишь тенями или отражениями.

Лирры приносят потомство куда реже людей, поэтому для них рождение каждого ребёнка – счастье и едва ли не чудо. Именно поэтому среди них обычно не соблюдаются придуманные людьми правила о запрете совместной добрачной жизни. Для лирр официально объявленная помолвка имеет не меньшую ценность, чем брачная церемония, так что Драонн совершенно не таился, выходя утром из спальни Аэринн.

В глазах окружающих они уже были всё равно что муж и жена, а если бы каким-то чудом Аэринн удалось понести ребёнка даже до венчания – и Гайрединн, и Олива сочли бы это величайшим счастьем. Надо сказать, что хотя Аэринн выглядела совсем ещё юной, она оказалась на четыре года старше Драонна, так что при определённой удаче уже вполне могла зачать.

Нужно ли говорить, что домосед-Драонн теперь ужасно не хотел возвращаться домой? Дни пролетали для него как одно мгновение. Он задержался ещё на два дня после отъезда гостей, всё не находя в себе сил расстаться с Аэринн, которую он уже не любил, а боготворил. В те моменты, когда они отрывались наконец друг от друга на какое-то время, юноша обычно встречался с Гайрединном, а иногда и с Оливой, чтобы обсудить какие-то моменты, касаемые предстоящей свадьбы.

Хотя слово «обсудить» здесь не очень-то подходило, поскольку от самого Драонна толку было немного – он обычно соглашался со всем, что ему говорили, при этом, наверняка, не воспринимая и половины из сказанного. Все его мысли витали лишь вокруг одной Аэринн.

Иногда принц осознавал, насколько он теперь смешон, и с каким насмешливым презрением отнёсся бы к нему Драонн недельной давности, но, сказать по правде, ему было глубоко на это наплевать. Он готов был выглядеть и смешно, и глупо, лишь бы Аэринн была рядом.

Но в какой-то момент расставание всё же подступило с неумолимой неизбежностью. Драонн всё ещё оставался принцем Доромионским, главой дома, поэтому не мог позволить себе слишком надолго оставлять свои земли из одной лишь личной прихоти. Разбитое сердце

юноши слегка излечил Гайрединн, пообещавший, что через недельку-другую они пожелают в Доромион с ответным визитом, и что Аэринн на правах его будущей хозяйки, возможно останется в замке на несколько недель. Поскольку было решено, что свадьба пройдёт в Доромионе, она там может быть даже весьма кстати, чтобы лично следить за приготовлениями, ибо надежд на Драонна в этом было довольно мало.

Выехав за ворота Кассолея, доромионцы какое-то время ехали молча – мрачное настроение принца было заметно невооружённым глазом. Он был полностью погружён в свои мысли, так что его илиры сочли за благо помалкивать и не мешать своему сюзерену. Но в какой-то момент желание говорить об Аэринн возобладало, так что Драонн, поравнявшись с Ливейтином, спросил:

– Ну что, друг мой, одобряешь ли ты мой выбор?

Драонн обычно обращался к старому служаке на «ты» лишь в крайнем случае – когда был слишком уж встревожен или взволнован.

– Может ли вассал одобрять или не одобрять выбор своего сеньора? – усмехнулся Ливейтин.

– Вассал – нет, друг – да.

– Тогда я думаю, ваше высочество, что это – отличный выбор. Дом Кассолеев – один из могущественнейших и уважаемых домов нашего края. Породниться с ним – большая честь и удача.

– Сразу видать старого холостяка! – фыркнул Драонн. – Что ты мне тут говоришь про дома и про честь? Послушать тебя, так я женюсь на Гайрединне!.. Как тебе моя невеста?

– Она прекрасна, ваше высочество, – почти отчески улыбнулся Ливейтин. – Вы будете отличной парой!

– Я не могу поверить своему счастью! Даже немного страшно – ещё пару недель назад всё было так плохо, а теперь вдруг стало так хорошо... А ведь путь с вершины один – вниз...

– Не волнуйтесь, милорд, – усмехнулся старый воин. – Не думаю, что вы уже на вершине.

– Выдержу ли я столько счастья? – Драонн осознавал, что подобные речи могут сделать его смешным в глазах его илиров, но ничего не мог поделать.

– На этот счёт не волнуйтесь, ваше высочество. Я бы молил богов, чтобы они всю жизнь испытывали вас лишь таким вот бескрайним счастьем... Но увы...

– Старый ворон! Довольно каркать нам беды!

Уныние Драонна внезапно сменилось какой-то эйфорией, поэтому он пришпорил своего коня и помчал его во весь опор, разбрызгивая перемешанную с остатками снега грязь.

Мысли о предстоящей женитьбе так завладели разумом молодого принца, что известие о том, что запреты на передвижение для лирр официально сняты, едва не прошло мимо него. Точнее, оно, наверняка, так и прошло бы незамеченным, если бы не голубь из магистрата, что принёс в Доромион эту благую весть.

Прочитав строки, написанные на тонком пергаменте, Драонн задумался, и чело его, вопреки отличным, казалось бы, вестям было сумрачно. Юноша вспомнил слова канцлера Делетуара о том, что тот призовет его в столицу, как только это станет возможным. И теперь принц очень боялся, что толстяк исполнит сказанное.

Больше всего на свете ему не хотелось тащиться в Кидую сейчас, когда вскоре должна была приехать Аэринн. Драонну совсем не улыбалось торчать в пыльной столице, снося нападки одновременно и от людей, и от лирр, вместо того чтобы наслаждаться любовью своей невесты, днями не вылезать из постели и вообще жить в своё удовольствие.

В общем, Драонн горячо надеялся, что Делетуар либо забудет о нём, либо решит, что вполне обойдётся без его услуг. Увы, но голубь из Кидуи отстал от своего шедонского собрата всего на несколько часов...

– Меня вызывают в Кидую, – вызвав Ливейтина, мрачно произнёс Драонн.

– Толстый канцлер вспомнил о вас? – сразу понял начальник стражи.

– К сожалению...

– И когда выезжаем?

– Боюсь, вам придётся остаться здесь, Ливейтин, – покачал головой Драонн. – Известно, на какой срок мне придётся покинуть Доромион, и нельзя, чтобы он остался без присмотра.

– Но милорд, есть много других илиров, которые могли бы заняться этим! – возразил старый воин.

– И никому из них я не доверяю так, как вам. Простите, друг мой, но это не обсуждается. Мне и самому горько от этого. Я возьму с собой кого-то другого.

– И когда *вы* выезжаете? – Ливейтину отказали дважды, и он был слишком предан и слишком солдат, чтобы настаивать дальше.

– В письме сказано приезжать так скоро, как смогу, – Драонн бросил записку на стол перед Ливейтином, предлагая самому прочесть её.

– Стало быть – завтра?

– Сегодня.

– Но скоро вечер... К чему такая спешка? Или... Вы отправитесь не в Кидую? – догадался старик.

– Придётся сделать крюк и отправиться сперва в Кассолей. Аэринн собиралась вскоре приехать, я не могу допустить, чтобы она напрасно моталась по людским землям. И через гонца объясняться не желаю.

– Это достойное решение, ваше высочество, – одобрительно кивнул Ливейтин. – Я распоряджусь, чтобы подготовили всё к вашему отъезду. Через полтора часа вы сможете выехать. Однако придётся передвигаться ночью...

– Меня это не смущает. Кроме того, на сей раз я постараюсь двигаться максимально быстро, так что, возможно, ещё до утра буду на месте.

– Вы планируете проделать весь путь до Кидуи верхом? – изумлённо поднял брови Ливейтин.

– Надеюсь, у моего будущего тестя найдётся лишний экипаж для меня, – криво ухмыльнулся Драонн. – А если нет – что ж, можно и верхом. Хвала богам, я ещё молод и вынослив!

– Что ж, тогда начнём собираться в дорогу, мой принц!

При последних словах Драонн едва не подпрыгнул и устоял на Ливейтина. Это обращение «мой принц» – оно, конечно, было общеупотребительным, и вассалы не раз обращались так к самому Драонну, однако теперь для него эти слова прочно ассоциировались лишь с Аэринн. В устах же других илиров они казались едва ли не грубой насмешкой. Однако было очевидно, что начальник стражи употребил это обращение не с какими-то задними мыслями, да и вряд ли вообще он мог знать об этой их с Аэринн особенности.

По реакции Ливейтина было ясно, что он удивлён подобным поведением Драонна. Он остановился, выжидая. Однако принц, невольно усмехнувшись воспоминаниям, лишь отрицательно помотал головой, жестом отпуская верного слугу.

Как и обещал Ливейтин, не прошло и двух часов, как кавалькада из полутора десятков всадников, выехав из ворот, отправились на северо-восток. Драонн решил не мелочиться на сопровождении – путь был неблизкий, да и страсти вблизи Кидуи могли быть накалены куда сильнее, чем здесь, на отшибе империи, поэтому каждый меткий лук, каждая твёрдая рука могли пригодиться.

Отъезжая, принц слышал, как скрежешет, наматываясь на деревянный барабан, цепь, удерживающая мост, и сердце его сжималось от внезапной тоски. Когда в следующий раз он увидит родовое гнездо?.. И как скоро теперь эти ворота украсятся свадебными ленточками?..

Гайрединн, в отличие от своей дочери, был вполне доволен известием об отъезде будущего зятя в Кидую. Конечно, это вносило некоторую сумятицу и неопределённость в планы по предстоящей женитьбе, но, с другой стороны, будущий муж его дочери внезапно оказывался илиром едва ли не государственным, водящим дружбу с имперским канцлером. И это был вполне приятный довесок ко всем тем достоинствам, которыми, несомненно, обладал Драонн.

Аэринн же, вполне естественно, сильно огорчилась. Драонн застал её в приятных хлопотах – она готовилась к поездке в Доромион, предвкушая несколько недель рядом с любимым, а теперь вдруг оказывалось, что они разлучаются, причём на совершенно неопределённый срок.

– Я вернусь сразу же, как только смогу! – заверял её Драонн, лаская тонкие, словно паутина, волосы. – Не думаю, что Делетуар задержит меня там надолго. Война окончена, вот-вот осудят и казнят Лейсиана. Думаю, что это остудит все горячие головы, и всё вернётся на круги своя. Тогда я больше не буду нужен в Кидуе.

– Я так хотела побыть с тобой... – жалобно пробормотала Аэринн.

– У нас впереди ещё много-много лет. Успею ещё и надоесть тебе.

– Вот тогда мог бы и ехать в эту свою Кидую! – несмотря на грусть, Аэринн всё-таки улыбнулась.

– Я больше не расстанусь с тобой, клянусь! – Драонн тоже улыбнулся. – Это – последний раз. Я напишу тебе из Кидуи, и ты приедешь в Доромион как раз к моему приезду. Всегда мечтал, чтобы по возвращении из похода меня встречала любимая женщина на стене.

– Да ты выдумал это только что! – фыркнула Аэринн. – Я ведь знаю – до недавнего времени ты о женщинах даже и не мечтал!

– Это правда, – тут же согласился Драонн. – Но всё же будь добра встретить меня на стене у ворот.

– Может быть, ещё и махать тебе заплаканным платочком? – ехидно поинтересовалась Аэринн.

– Детали продумай сама, – принц изо всех сил сохранял серьёзный вид. – Главное, чтобы последняя собака, которая это увидит, поняла, что мы – жених и невеста.

– Слушаюсь, мой принц! – и они оба не выдержали и расхохотались.

– Мы поженимся этим летом, обещаю! – проговорил он, отсмеявшись.

– Попробуй только обмануть! – шутливо пригрозила Аэринн. – Я приеду в Кидую, и тогда плохо будет и тебе, и этому твоему Делетуару!

– Придётся исполнять обещание, – с притворным сожалением вздохнул Драонн. – Не хочется, чтобы мою невесту обвинили в государственной измене...

– Вот-вот, подумай об этом! Когда ты уезжаешь? – немного помолчав, спросила Аэринн.

– Через пару часов, – нехотя ответил принц.

– Не останешься на ночь? – со смесью горечи и разочарования воскликнула девушка.

– Мне нужно спешить, я и так потерял больше суток, чтобы приехать к тебе.

– «Потерял»? – теперь уже по виду Аэринн не было понятно – шутит ли она, или действительно обижена. – Не стоило так утруждаться, мой принц. Государственные дела превыше какой-то там невесты! Надо было ехать немедленно.

– Аэринн, прости, я не то хотел сказать... Просто...

– Значит, у нас всего два часа? – внезапно перебила его Аэринн.

– Около того...

– Так зачем мы теряем время на разговоры?

Поразмыслив, Драонн всё же решил путешествовать верхом. Это было куда быстрее, а кроме того, началась весенняя распутица, так что многие из дорог, которыми предстояло передвигаться, были бы теперь непроходимы для экипажа.

Несмотря на весеннюю грязь, Драонн предпочёл перемещаться не самыми торными путями, стараясь избегать людных трактов и крупных поселений. Не хотелось привлекать к себе излишнего внимания, а на столь крупный и хорошо вооружённый отряд лирр неприветливо косились даже здесь, в Сеазии.

Путь был неблизок и непрост. Больше трёхсот миль нужно было проделать по не самым удобным для этого дорогам Сеазии, чтобы добраться до устья залива Дракона. Там предстояло найти судно, способное перевезти через пролив полтора десятка илиров, чтобы попасть в портовый городок Кинай – морские ворота столицы. Оттуда уже оставалось всего пара миль и до самой Кидуи. В общем-то, вся загвоздка заключалась, главным образом в том, чтобы нанять судно. Шанс найти судовладельца-лирру был ничтожно мал, а далеко не каждый из людей захочет иметь дело с лиррами.

Путешествие до залива Дракона заняло девять дней. Конечно, летом можно было бы добраться на три-четыре дня быстрее, но теперь, когда в Сеазии начали массово сходить снега, лошади иной раз едва-едва преодолевали те топи, в которые превратились дороги. Пропитанная водой грязь с недовольным чавканьем выпускала из своих объятий лошадиные копыта, так что несчастные животные очень выдыхались, отчего отдых приходилось давать чаще обычного.

Конечно, так было не везде, и на более ухоженных трактах можно было пускать лошадей вскачь, но лирры не делали и этого, не желая понапрасну тратить силы своих скакунов. Драонн решил не спешить, поскольку в данной ситуации спешка могла привести к куда большему задержкам в пути.

Вопреки мрачным ожиданиям, небольшую рыбацкую шхуну найти оказалось довольно просто. Сейчас, пока ещё потоки купцов не заполнили дороги империи, рыбакам приходилось перебиваться старыми запасами, не имея возможности сбывать рыбу в больших объёмах. По ту сторону пролива были свои рыбаки, так что местных там никто не ждал. Ну а горсть золотых монет с изображением дуба¹⁴ давала шанс запастись необходимым в том же Кинае – купить новые сети, домашнюю утварь, иные мелочи.

К счастью для Драонна, не очень хорошо переносившего качку, залив был гладким как зеркало. Небо было прозрачно голубым, лишь редкие облачка нарушали эту глубокую синеву, а солнце светило щедро и жарко, предвещая скорое пробуждение природы. Небольшая команда шхуны, сплошь состоящая из людей, не проявляла к своим пассажирам ни агрессии, ни дружелюбия. Впрочем, лиррийского принца это вполне устраивало – чем меньше слов будет произнесено между ними, тем меньше вероятность неприятностей.

Пролив Дракона не так уж широк, однако при почти полном отсутствии ветра шхуне потребовалось двое суток, чтобы достичь Киная. Здесь Драонн с видимым удовольствием вновь ступил на твёрдую землю, предварительно сполна расплатившись с рыбаками.

Кинай был довольно крупным портовым городом, судя по всему – достаточно богатым. Причалы, тянущиеся вдоль скалистого побережья, обширные рыночные ряды, множество каменных домов, среди которых попадались и трёх-, и четырёхэтажные – всё говорило о том, что этот город отнюдь не прозябает в тени величественной столицы, а напротив – полными горстями гребёт к себе все преимущества, которые дают как близость моря, так и близость Кидуи.

¹⁴ Белый дуб в окаймлении шести белых четырёхконечных звёзд на красном поле – герб Кидуанской империи. Звёзды означают количество провинций империи.

Здесь лиррам пришлось уже вплотную столкнуться с неостывшим ещё недружелюбием людей – прямо на причале они подверглись нападкам обитателей порта. Напрямую задирать вооружённых и решительных лирр никто не решался, но это не мешало отпускать обидные насмешки за их спинами, свистеть и выкрикивать угрозы.

Надо отдать должное его илирам – все они внешне оставались совершенно невозмутимы, даже не поворачивая голов в ответ на сыплющиеся оскорбления. Сомкнувшись плотной группой, они направились к выходу из порта в надежде, что на улицах Киная на них будут обращать меньше внимания.

Но не тут-то было. Местные обитатели, вероятно, приняли спокойствие и гордость лирр за трусость и нерешительность, а потому стали вести себя всё наглее. Сперва один, за ним другой, а затем и многие стали выкрикивать оскорбления уже в лицо лиррам, видя, что те никак на это не реагируют. Кроме того, каждый чувствовал и численное превосходство – что смогут сделать полтора десятка пусть и вооружённых лирр против сотни с лишним крепких парней?

И вот миг настал. Кто-то из обступивших лирр портовых рабочих ухватил одного из илиров за полу плаща, грубо потянув её на себя. Тот попытался высвободиться, но когда это не получилось, ударил по держащей плащ руке. Раздался целый рёв проклятий, исходящих из десятков глоток, сразу несколько рук потянулось к полностью окружённым лиррам.

Холодно звякнувшая сталь освободившихся из ножен мечей слегка охладила пыл – люди отпрянули на пару шагов, но теперь на их лицах читалась такая ненависть, что стало ясно, что они уже не отступят.

– Лупоглазые недобитки! – прокричал тот, что получил удар по руке. – Поглядите-ка – не успели мы надрать им задницы, как они уже опять ходят по нашему городу и вновь чувствуют себя тут хозяевами! Глядите-ка, дай им волю – они порежут нас как щенят.

– Его величество был слишком добр к этим мразям! Нужно было вырезать их всех, до последнего вшивого детёныша, – немедленно поддержал его другой.

Восторженный рёв одобрения прокатился по толпе, кулаки сжались крепче, а на искажённых злобой лицах появилась решимость идти до конца.

– Дайте нам пройти, мы не желаем никому зла! – произнёс Драонн, понимая тщетность своих усилий. Он уже горько жалел о том, что согласился на эту поездку. Теперь он понял очевидную глупость затеянного. Жаль, что было уже поздно...

– Что здесь происходит? – словно металлический плуг, сквозь толпу пробирался отряд закованных в сталь городских стражников.

– Ублюдочные лирры нападают на порядочных людей! – послышалось в ответ. – Глядите-ка на них – они вот-вот нападут!

– Оружие в ножны! – скомандовал командир отряда, при этом сам доставая меч. Четверо его подчинённых сделали то же самое. – Что вам здесь нужно?

Поскольку последние слова очевидно относились именно к лиррам, Драонн, поспешив исполнить приказ стражи, выступил вперёд:

– Мы прибыли сюда по срочному делу, но подверглись нападению этих людей. Мы никому не причинили вреда и хотели лишь пройти, однако были вынуждены защищаться, учитывая, что на нас собирались напасть.

– Что за срочное дело может быть здесь у лирр? – судя по всему, капитан, хотя и был при исполнении, но вполне разделял общую неприязнь к лиррийскому народу.

– Я прибыл сюда по просьбе второго канцлера Делетуара, – Драонн справедливо рассудил, что сейчас было не место и не время для скрытничанья. – У меня есть письмо от него.

Он достал из-за пазухи записку, посланную канцлером. Конечно же, на ней не было печати, так что она не могла служить достоверным доказательством, но капитан стражи задумался. Будь эти лирры диверсантами, вряд ли они действовали бы так открыто, да и в таком

случае они наверняка имели бы при себе более веские доказательства вроде поддельных пропусков и бумаг.

Авторитет канцлера Делетуара был высок, и это было одно из тех имён, что заставляли людей вроде этого капитана непроизвольно брать под козырёк. Конечно, сейчас ничего подобного не случилось, но решение он всё-таки принял верное.

– А ну расходишь, шпана! – рявкнул он, давая сигнал своим подчинённым.

Те тут же начали спокойно, но настойчиво теснить людей, отжимая их от лирр. Поняв, что стража оказалась в этот раз не на их стороне, обозлённые рабочие стали понемногу расходиться, не рискуя ввязываться в неприятности с законом. Не прошло и пяти минут, как толпа полностью рассеялась.

– Благодарю вас, капитан, – искренне поблагодарил Драонн.

– Не стоит, – сухо бросил тот.

Было очевидно, что начальник стражи любит лирр не больше тех отморожков, и что ему самому не очень-то приятно было невольно оказать им услугу, но лиррийскому принцу было на это плевать. Если они помогут ему невинным добратся до Делетуара – он готов стерпеть и не такое.

– Могу я попросить вас об одолжении? – обратился Драонн к капитану. – Не могли бы вы сопроводить нас до Кидуи?

– Мы – стража Киная, – процедил тот. – Мы сопроводим вас до ворот города, поскольку это входит в круг наших обязанностей, но дальше вы пойдёте сами. Советую обратиться к привратной страже Кидуи, чтобы не попасть в новую переделку там.

– Благодарю, – вежливо поклонился Драонн.

Сказать больше, действительно, было нечего. Стражники, взяв отряд лирр в полукольцо, сопроводили их до ворот Киная. Принц то и дело замечал злобные взгляды прохожих, причём, что удивительно, куда больше злобы исходило даже не от мужчин, а от женщин. Также он заприметил в толпе прохожих трёх или четырёх горожан в красных беретах, но те, вопреки ожиданию, не проявили особого внимания к своим врагам. Возможно, вид решительно настроенных стражников действовал достаточно отрезвляюще.

Сопроводив лирр за городские ворота, капитан не посчитал нужным даже попрощаться.

– Кидуа там, – махнул он в южном направлении.

Впрочем, его указания были не так уж и необходимы – отличная мощёная дорога и так вела именно в этом направлении, а поскольку Кинай стоял на чуть возвышенном скалистом берегу, то столица империи, находящаяся в низине, была видна как на ладони. Не более четверти часа быстрой ходьбы – и Драонн оказался у величественных ворот Кидуи.

Глава 8. Дипломатия

Стражники столичных ворот быстро загородили проход. Сперва их было всего двое, но по короткому свисту, изданному одним из них, из караулки высыпало с десятков солдат, вооружённых алебардами.

– Какого дьявола вам надо? – грубо спросил старший по караулу, тыча своей алебардой едва ли не в лицо Драонну.

– У нас дело ко второму канцлеру Делетуару, – принц решил сразу заходить с козырей, чтобы не тратить много времени.

– Чем докажете?

– Вот его пригласительное письмо, – Драонн с готовностью протянул свою бумажку.

– Что это за обрывок? – повертев её в руках, раздражено спросил охранник. – Просто клочок бумаги. Такое мог написать кто угодно.

– Однако же написал её лорд Делетуар.

– С каких пор канцлер якшается с лиррами? – едва ли не кривясь от отвращения, процедил начальник караула.

– Спросите его об этом сами, – мило улыбнулся Драонн. – Я заметил ту теплоту, с какой встречают нас здесь, поэтому был бы признателен вам, если бы вы сопроводили меня и моих илиров к имперской Канцелярии.

– Может ещё и опахалами над вами помахивать? – взъерился начальник стражи. – Сдайте оружие!

– На каких основаниях?

– На тех, что ты – лирра! – прошипел стражник, до побелевших пальцев стискивая древко алебарды.

– По рескрипту императора Теанора от две тысячи шестьсот пятьдесят второго года *все* свободные граждане империи вольны появляться в городах при личном оружии, – отчеканил Драонн. – Оружие необходимо нам, поскольку нашей жизни может угрожать опасность, поэтому мы не станем сдавать его, тем более что ваши требования незаконны.

– Тогда я прикажу арестовать вас тут же! – рявкнул командир. – За неповиновение страже.

– Хорошо, – ровным голосом произнёс Драонн, хотя зубы его скрипнули, а лицо побелело от ярости. – Арестовывайте. Только не забудьте доложить об этом лорду Делетуару. А потом молитесь Арионну, чтобы я оказался столь же всепрощающ, как и он.

– Угрожаешь? – голос начальника стражи звучал зловеще, но в глазах мелькнула неуверенность, подмеченная Драонном.

– И в мыслях не было, – улыбнулся Драонн, у которого вдруг родилась идея. – Более того, я предлагаю вам следующее: мы останемся здесь, в вашей караулке под вашей охраной, а вы пошлёте в Канцелярию человека, который передаст вот этот клочок бумаги кому-нибудь из людей лорда Делетуара. И если в ближайшие три часа за нами не пришлют, можете арестовать нас, мы сопротивляться не станем.

Начальник караула уже видел, что этот проклятый надменный лирра не блефует, а это означало для него большие неприятности по службе, если он продолжит чинить им препятствия. Предложенный вариант позволял ему сохранить лицо, и одновременно с этим сохранить своё тёпленькое местечко.

– Давайте сюда, – буркнул он, протягивая руку.

Драонн отдал ему ту самую записку, что прислал ему Делетуар, а затем, не спрашивая и не ожидая указаний, направился в караулку. За ним двинулись его илиры, держа руки на эфесах,

а за ними понуро поплелись стражники, которые сразу почувствовали, что вдруг перестали быть хозяевами положения.

Ждать, правда, пришлось довольно долго – едва ли не те самые три часа, что указал Драонн. Возможно, посланный в Канцелярию караульный не слишком-то спешил, возможно, возникли какие-то проволочки уже там. Делетуара могло не оказаться на месте, посланцу могло оказаться трудно пробраться сквозь паутину бюрократии. Да и Кидуа была городом крупным, так что, быть может, до обиталища канцлера было неблизко.

Так или иначе, но времени прошло много, и тянулось оно очень медленно. Однако лирры ни словом, ни жестом не дали понять, что ожидание это хоть как-то их тяготит. Они сидели неподвижно, с непроницаемыми лицами, словно впад в какой-то транс. Ёрзали и перетаптывались лишь охранники-люди, со злобной завистью поглядывая на невозмутимых лирр.

Наконец в караульное помещение вошёл явно сконфуженный начальник охраны.

– За вами прибыли... – только и мог, что сказать он. Лицо и шея несчастного шли красными пятнами – видимо, ему было сказано немало неприятных слов.

– Спасибо, – Драонн не захотел злорадствовать и добивать поверженного врага.

На главной улице, прямо сразу у ворот стояло три больших открытых экипажа, в которые без всяких проблем могли поместиться худощавые лирры. В одном из экипажей кроме возницы сидел надменного вида человек с абсолютно лысым черепом насыщенного медного цвета, что сразу выдавало в нём южанина. Рот его был плотно сжат, превратившись в едва заметную щёлку, а узковатые глаза смотрели внимательно и холодно.

Заприметив лирр, входящих в ворота, человек скупым жестом поднял руку, дав понять, чтобы они подошли к нему.

– Принц Драонн Доромионский? – голосом, лишённым каких бы то ни было эмоций, осведомился он.

– Это я, – вышел вперёд Драонн.

– Мне велено доставить вас и ваших илиров в особняк.

Признаться, Драонн не имел ни малейшего понятия, что это за особняк такой. Ему казалось, что его должны будут отвезти в имперскую Канцелярию, но спорить не приходилось. Тем не менее, он решил уточнить:

– Вас послал милорд Делетуар?

– Да, – просто ответил медноголовый. – Прошу, располагайтесь.

Илиры с относительным комфортом расселись по трём экипажам, которые тут же двинулись в недра города довольно быстрой рысью, не особенно заботясь о народе, запрудившем улицы.

– Вы всё-таки прибыли, лорд Драонн? – не покидая роскошного мягкого кресла, проговорил Делетуар.

– Вы словно удивлены этому, милорд, – войдя в комнату, принц вновь окунулся в столь памятное ему зловоние.

Надо отдать должное Делетуару, на сей раз пахло от него всё же не так сильно – очевидно, близость императорского двора заставляла его время от времени проводить неприятную процедуру купания.

– А что, собственно, связывало вас, кроме слова, данного без свидетелей?

– Как правило, этого бывает достаточно, милорд.

– Далеко не для всех, и не при нынешних временах, – покачал головой Делетуар. – Но тем больше моя радость от того, что я вижу вас.

– Я тоже рад вас видеть, милорд, – в изящном поклоне склонился Драонн. – Хотя должен сказать, что ожидал более тёплой встречи. Мне кажется, вам стоило предупредить привратников о том, что мы можем приехать.

– Каюсь, не подумал об этом, – с обезоруживающей улыбкой развёл руками канцлер. – Но вы, я вижу, преодолели эти препятствия. Уже познакомились с Суассаром, полагаю?

– Кто это?

– Мой помощник. Тот, что доставил вас сюда.

– А, эта движущаяся статуя? – усмехнулся Драонн. – Кажется, он также невзлюбил меня с первого же взгляда, как и прочие обитатели этого чудесного города.

– Невзлюбил? – захихикал Делетуар. – Это точно не про Суассара. Сомневаюсь, что он может возлюбить или невзлюбить кого-нибудь. Более того, я крайне сомневаюсь, что он хоть раз в жизни употребил это слово. Даже будучи младенцем, в отношении собственной матери. Вы верно заметили, он – ходячая статуя. Бесценный помощник. Я бы даже сказал – советник. Дело в том, лорд Драонн, что он – евнух. Я приобрёл его как-то в Саррассе. Выиграл в карты, не поверите, поскольку его прежний хозяин не хотел расставаться с ним ни за какие деньги.

– Что же поставили на кон вы, милорд? – против воли любопытствовал Драонн.

– Простите, ваше высочество, но я не могу вам этого сказать. Но вы правы – это было нечто столь же значительное. Могу сказать, что был бы безутешен до конца своих дней, проиграв я тогда. Как, должно быть, безутешен теперь прежний хозяин Суассара.

– Он так мудр, этот ваш помощник?

– Без сомнения. Но главное его достоинство – то, что он лишён мужского естества, которое, как мы знаем, зачастую заставляет нас делать необдуманные поступки. И поскольку я не столь безупречен в этом плане, как он, то зачастую нахожусь всего в шаге от того, чтобы вляпаться куда-то. И тогда он даёт мне советы, которые неизменно являются правильными. Право же, лорд Драонн, иной раз я совершенно искренне жалею, что сам не являюсь скопцом! Вот почему великими правителями часто становятся молодые, но поистине мудрыми – лишь те, кого оскорило само время!

– Довольно сомнительный вывод, милорд, – усмехнулся принц.

– Быть может, – легко согласился Делетуар. – Простите, ваше высочество, я веду тут глупые разговоры вместо того, чтобы предложить вам отдохнуть и перекусить. Я немедленно распоряжусь.

– На сей раз я не откажусь, милорд, – благодарно кивнул Драонн. – Признаться, я довольно давно не ел, а все эти волнения и вовсе пробудили во мне голод.

– Расскажите об этом, друг мой, пока не принесут обед. Говорить о делах на пустой желудок – кошунство!

И хотя у Драонна были свои представления о кошунстве, он, тем не менее, охотно отложил серьёзный разговор на потом. Он кратко рассказал о том, как добрался в столицу, и особенно о том, с каким «радушием» встретили их в Кинае и самой Кидуе. Делетуар слушал молча, с какой-то полуулыбкой на лице.

– Долгая же нам предстоит работа, – произнёс он, когда Драонн закончил. К тому времени им уже принесли отличнейший обед, чьи дивные ароматы не смогли до конца заглушить даже миазмы самого канцлера. – Нелегко будет восстановить мир в государстве.

– А возможно ли? – с сомнением произнёс принц. Обед заканчивался, так что, кажется, пришла пора переходить к делам.

– Почему нет? – с великолепной небрежностью пожал плечами второй канцлер. – Не в первый раз, и, боюсь, не в последний. Или вы думаете, что наши народы впервые вцепятся друг другу в глотки?

– Но таких войн ещё не было.

– Помилуйте, ваше высочество, это ещё не война! – утирая жирные губы белоснежным полотенцем, проговорил Делетуар. – То количество крови, которое делает дальнейшее совместное существование невозможным, пролито не было. Да и сомневаюсь, что есть вообще такое количество. Мир так же неизбежен и неотвратим, как и сама война. А в этой, с позволения сказать, войне красная черта пересечена не была.

– Наверное, у нас разные представления о красной черте, милорд, – чувствуя, как в нём вскипает гнев, заговорил Драонн. – Но убитые красноверхими сотни, если не тысячи моих соплеменников – это ли не за красной чертой? Сожжённые селения, разрушенные замки, дети, которые остались сиротами, а также дети, которым даже не дали шанса остаться хотя бы сиротами...

– Вы правы, лорд Драонн, – примирительно поднял руки канцлер. Однако его следующие слова совершенно противоречили миролюбивости жеста. – Но тогда давайте не забудем и о разорённых людских селениях Ревии, и о человеческих детях, которых бросали под копыта лиррийской конницы.

– Об этом и речь, – принц с силой вонзил ногти в ладони, чтобы сохранить спокойствие. – Мы все наделали слишком много того, что нельзя простить.

– Простить можно всё, – возразил Делетуар. – Обычно это вопрос либо времени, либо цены. И меня, признаться, немного смущает ваш пессимизм. Нам с вами предстоит сотворить небольшое чудо, что, пожалуй, приведёт в трепет всех жрецов Арионна. Не стоит приступать к нему с таким настроением.

– Хорошо, милорд, я попробую смотреть на вещи... гм... менее пессимистично.

– Я бы предпочёл, чтобы вы сказали «более оптимистично», ну да ладно. Итак, что вы предлагаете?

– Я? – изумился Драонн. – По-моему, это вы меня вызвали. Я думал, у вас есть какой-то план.

– Мой план заключался в том, чтобы узнать ваше мнение, – тонко улыбнулся Делетуар, и нельзя было понять – насмехается он или говорит серьёзно.

– Хотите знать моё мнение, милорд? Я думаю, что нужно отменить казнь Лейсиана и Волиана. Заменить её на ссылку куда-нибудь в Прианурье, может быть даже на гномские рудники, но не казнить.

– Хотите верьте, лорд Драонн, хотите – нет, но я полностью разделяю вашу точку зрения. Но должен сказать, что это совершенно исключено. Его величество никогда не пойдёт на это. Разжигатели мятежа будут казнены, и это уже не изменить. Суд уже подходит к концу.

– Тогда хочу заметить, что существуют разные способы казни, и одни из них менее позорны и мучительны, нежели другие.

– Боюсь, я недостаточно чётко выразился, ваше высочество. Забудьте об этой парочке, тут вы уже ничего не сможете сделать. Надо думать дальше, о тех из ваших сородичей, что ещё не до конца освободились от этих опасных лейсианских иллюзий.

– Но ведь эти вещи прямо связаны между собой!

– И я уже сказал вам, что целиком и полностью согласен с вами. Решай здесь я – я, несомненно, сделал бы так, как говорите вы. Но решаю не я.

– Хорошо, – смирился наконец Драонн. – Тогда что вы хотите от меня?

– В нашем случае нет какого-то магического способа вдруг сделать всё так, как было раньше. Поэтому нам предстоит кропотливая и неблагодарная работа, лорд Драонн. Ездить, говорить, убеждать, возможно даже запугивать.

– Не уверен, что имею достаточный авторитет для этого, милорд, – с сомнением покачал головой принц.

– Авторитет – вещь наживная. Я имею полномочия создать некий коалиционный орган, что-то вроде департамента примирения при Канцелярии его величества. И я предлагаю вам должность его председателя. Полагаю, это добавит вам политического веса, не так ли?

– Стать имперским чиновником? – в голосе Драонна в равной мере слышались и удивление, и определённая брезгливость, и даже некоторый испуг.

– Почему нет?

– Кажется, до сих пор его величество как-то обходился без нас.

– И к чему это привело? – резонно заметил Делетуар. – Вот они, те самые шаги навстречу лиррам, о которых вы говорили.

– Но будет ли что-то значить эта должность? Или же это будет ширма, прикрывающая грядущие репрессии против моего народа?

– Репрессий не будет, даю вам слово. Что же касается должности... Вы будете советником советника императора. Для начала. Посмотрим, как пойдёт дальше, и тогда, возможно, удастся сократить эту цепочку ещё на одно звено.

– Кто будет набирать членов этого совета?

– Вы. И я. И более никто. Туда войдут лишь те люди и лирры, в которых будем уверены мы оба.

– Но мне придётся поселиться в Кидуе... – внезапно осенило Драонна. – А как же мой замок?

– Согласен, чем-то придётся пожертвовать, – не смущаясь, согласился Делетуар. – Но я уверен, что у вас найдётся илир, которому вы доверяете, и который сможет стать отличным управляющим. Будете навещать родовое гнездо время от времени, словно свою загородную резиденцию. Впрочем, вполне возможно, что через год или два надобность в вашем департаменте исчезнет, и тогда, если у вас не будет определённых карьерных амбиций, вы всегда сможете вернуться в родные края, которые, несомненно, обладают определённым суровым северным очарованием.

– Если честно, – Драонн невольно покраснел. – Есть ещё кое-что... Дело в том, что я планировал сыграть свадьбу в начале лета...

– Надо же! – искренне удивился Делетуар. – Какие перемены! Насколько я знаю, при прошлой нашей встрече подобных планов у вас не было и в помине?

– Всё верно, милорд. Мы познакомились недавно, незадолго до того, как мне пришлось уехать.

– И кто же ваша избранница, позвольте полюбопытствовать?

– Аэринн из дома Кассолеев.

– Дочь Гайрединна Кассолейского? – одобрительно закивал канцлер. – Великолепный союз! Он пойдёт на пользу вашим домам!

– Мы женимся не только для этого, – против воли улыбнулся Драонн.

– Понимаю, – усмехнулся Делетуар. – Любовь – главный недуг молодости и, пожалуй, куда более тяжёлый и неприятный, чем подагра или недержание. Вот оно, лишнее свидетельство превосходства над нами людей вроде Суассара. Хотя, хвала богам, в вашем случае чувства сыграли на общую пользу. Что ж, почему бы тогда вам не сыграть свадьбу здесь, в Кидуе? Это придаст ей необходимый лоск, превратив из провинциальных посиделок в настоящее событие.

– Я обдумаю ваше предложение, милорд, – Драонн знал, что Аэринн будет счастлива приехать в столицу хотя бы даже из любопытства.

– Какое из них? – лукаво улыбнулся канцлер.

– То, что касается свадьбы.

– Значит первое предложение...

– Я принимаю его, милорд.

– Великолепно! Я и не ждал иного ответа от вас, лорд Драонн! И в доказательство могу сказать, что уже приказал подготовить для вас один небольшой, но вполне уютный особнячок всего в четырёх кварталах от Канцелярии. Полагаю, со временем вы и ваша молодая жена обставите его по своему вкусу, благо жалование государственного чиновника такого ранга может позволить вам самые разнообразные изыски. Но не думайте, что я пытаюсь поразить вас материальными благами, или же, не приведи боги, купить! Вы получите лишь то, что вам причитается, и не более того!

– Надеюсь, мне удастся оправдать хотя бы эти, уже вложенные в меня средства, – рассмеялся Драонн. – Признаюсь, я до сих пор не до конца верю, что смогу быть хоть чем-то полезен.

– Не беспокойтесь, вскоре я сумею вас переубедить! А пока что вам нужно отдохнуть и выспаться. Суассар проводит вас в ваш новый дом. Увидимся завтра в моём рабочем кабинете.

«Небольшой особнячок» оказался на деле вполне представительным двухэтажным домом, построенным, как видно, уже довольно давно и отличающимся той помпезной основательностью, что уже не встретишь в нынешнюю эпоху, когда функциональность ценится выше изысканности. Огромные окна, широкое каменное крыльцо (не имеющее особого назначения, ибо фундамент был низок и вход находился ненамного выше уровня улицы), призванное лишь ещё раз показать спокойную роскошь дома, наконец барельефы, и даже небольшая, не лишённая изящества башенка на крыше – всё это призывало прохожих с самой величайшей почтительностью относиться к хозяину данного дома.

Единственное, чего не хватало особняку – небольшого дворика, засаженного аккуратно стриженными кустами и цветочными клумбами, но с этим приходилось мириться: земля здесь, почти в самом центре города, была непомерно дорога и слишком востребована, чтобы тратить её столь расточительно. Так что прекрасное крыльцо упиралось прямо в мощёный небольшими плоскими булыжниками тротуар.

Дверь лиррийскому принцу открыл предупредительного вида лакей – человек преклонного возраста с удивительно красивой шевелюрой почти белых волос. Распрощавшись с Суассаром, который лишь сухо кивнул ему в ответ, Драонн в сопровождении илиров вошёл в своё новое жилище.

Оглядывая изнутри этот огромный, чисто убранный и хорошо обставленный особняк, юноша внезапно задумался о том, как же так получилось, что он, который ещё несколько часов назад был полон решимости поскорее покончить с делами и уехать к любимой, внезапно оказался здесь, накрепко привязанный к своей новой должности и этим домом, и этим лакеем, и этими обезоруживающими улыбками Делетуара.

Канцлер – очень опасный человек. Тем более опасный тем, что не несёт никакой опасности. Он оказался из той породы людей, которым нельзя ни в чём отказать. Ему не было нужно принуждать своих собеседников к чему-то, угрожать им, подкупать их. Ему просто не получалось твёрдо и однозначно ответить «нет». Он будто очаровывал тех, с кем разговаривал, словно его потные сальные складки выделяли какой-то особый феромон, лишаящий разумных существ воли к сопротивлению.

Внезапно на Драонна накатила тоска. Этот большой и пустой дом, в котором ему придётся коротать долгие дни в компании лишь седовласого лакея да своих илиров, этот город, разбрызгивающий свою ненависть словно яд, эта должность, которая грозила ему стать изгоем как среди людей, так и среди лирр – всё это выглядело как тупая и бесхитростная ловушка, в которую он попался, прекрасно понимая, что идёт в западню.

И как ни мучительно было об этом думать, но принц понимал, что вызвать сюда Аэринн сейчас было бы полнейшим безрассудством. Его положение пока слишком шатко, чтобы рис-

ковать поставить под удар ещё и её. Сосущая пустота, казалось, прожигает дыру в его груди. Больше всего на свете сейчас хотелось уснуть, чтобы хоть на время забыть о происходящем.

– Покажите мне мою спальню, а после разместите моих друзей, – внезапно надломившимся голосом попросил он лакея.

Тот лишь поклонился в ответ и рукой указал на лестницу, ведущую наверх. Неужели он был столь же бесстрастен и нем, как и Суассар? Может, болтун и жизнелюб Делетуар намеренно окружал себя подобными людьми? Но пока что Драонну было на это наплевать.

Илиры, видя состояние своего сеньора, без лишней суеты и шума разбрелись по дому, выискивая себе комнаты для ночлега. Позже, наверное, когда (или если) сюда приедет Аэринн, им придётся подыскать другое жилье, но пока что юный принц был очень рад подобному соседству. Но не теперь. Теперь ему хотелось побыть одному.

Глава 9. Лейсиан

Драонн проснулся вскоре после полуночи и понял, что больше уже не уснёт. Сон немного освежил его мысли, так что принц, нащупав на столе кресало, зажёл свечи. Подходил к концу месяц импирий, и ночь была мягкая и тёплая, словно бы даже прозрачно-синяя. Здешние вёсны были куда ласковее тех, к которым он привык. Но Драонн, тем не менее, совершенно рассеянно глядел в окно, напротив которого сидел, и мысли его витали совсем в другом месте.

Взяв лист пергамента, он стал писать Аэринн. Однако мысли не шли, путались и спотыкались. Он точно знал, что сказал бы ей, глядя в глаза, но понятия не имел, как перенести это на бумагу. Пару раз он с досадой сминал желтоватый лист, раздражённо отбрасывая его в сторону, но вскоре понял, что так ничего не выйдет, поэтому стал лишь нервно зачёркивать непонравившиеся строки.

Постепенно Драонн сумел войти в ритм письма, так что буквы полились неиссякающим потоком. К рассвету он исписал своим убористым почерком четыре листа. В письме принц умолял невесту простить его за задержку и немного подождать. Он рассказал, что Делетуар предложил сыграть свадьбу в столице, но не умолчал и о своих переживаниях на этот счёт. Он обещал, что призовёт её в Кидую при первой же возможности.

Значительная часть письма являлась описанием путешествия. Драонн знал, что Аэринн будет очень интересно об этом читать, поэтому довольно скрупулёзно описал то, что с ним случилось. Однако же он умолчал и о стычке в порту Киная, и о перепалке с кидуанской стражей. Также, к своему сожалению, он пока мало что мог рассказать о самой Кидуе. Поездка в экипаже с Суассаром вспоминалась теперь лишь как череда мелькающих зданий, поэтому Драонн ограничился пока лишь описанием собственного дома. *Их* собственного дома, как он особо подчеркнул в письме.

Когда принц запечатал наконец письмо, уже забрезжил рассвет. Ложиться уже не имело смысла, поэтому он тихонько спустился вниз. Поразительно, но вчерашний седовласый лакей уже не спал – вероятно, он услышал, что новый хозяин бодрствует, и потому бодрствовал тоже.

– Почему вы не спите, друг мой? – мягко спросил его Драонн.

– В мои годы сон похож на пугливую птаху, ваша милость, – улыбнулся лакей. – Его не так-то легко поймать, а спугнуть – проще простого.

– Простите, что разбудил вас. Как вас зовут?

– Баррет, ваша милость.

– Вы давно служите в этом доме, Баррет?

– Всего несколько дней, ваша милость.

– А до тех пор?

– До тех пор я был дворецким в особняке милорда Делетуара.

Ого! – подумалось Драонну. Делетуар был настолько мил, что одолжил собственного дворецкого? Или его приставили шпионить? Так или иначе, а канцлер не водит знакомств со случайными людьми, и это значит, что перед ним был человек явно незаурядный.

– Есть ли ещё слуги в доме?

– Разумеется, ваша милость. Одиннадцать человек, включая садовника.

– Но для чего нужен садовник, если нет сада? – недоумённо спросил Драонн.

– Плох тот дом, в котором нет садовника, ваша милость, – хитро улыбнулся Баррет. –

Это не мои слова.

– Да я уж понял, – усмехнулся Драонн. – Ваш прежний хозяин – тот ещё сибарит.

Баррет лишь поклонился в ответ.

– А как вы думаете, кто-нибудь на кухне уже не спит? – поинтересовался принц. – Признаться, я был бы не прочь позавтракать.

- Завтрак будет через четверть часа, ваша милость. Куда прикажете подать его?
- Всё равно, лишь бы он был сытным и вкусным.
- За это я вам ручаюсь, ваша милость.

И действительно, не позднее, чем через четверть часа Драонну, который сидел в гостиной у разгорающегося камина, поднесли несколько блюд. К этому времени большая часть его илиров уже проснулась, так что принц уселся за стол вместе со всеми, чтобы хорошенько позавтракать. После этого он, взяв с собой на всякий случай трёх товарищей и не забыв накинуть капюшоны, направился в Императорскую канцелярию. Принц сомневался, что Делетуар будет там к этому времени, но делать всё равно было нечего – юноше хотелось немного развеяться, так как после бессонной ночи голова была не совсем ясной.

Как и предвидел Драонн, ему пришлось ожидать второго канцлера более двух часов. Видно, тот любил понежиться в постели.

– Как вам ваше новое жилище, друг мой? – первым делом поинтересовался толстяк, вливаясь в светлый просторный кабинет, где всё было под стать хозяину – массивные кресла, способные выдержать его вес, громадный стол и поистине огромный камин.

– Благодарю, милорд, оно великолепно, хотя пока ещё несколько пустовато.

– Ну так это ведь дело наживное, не так ли?

– Да, но я всё же думаю повременить пока со свадьбой. Надо решить дела поважнее. Зато я подыскал уже кандидата в наш совет.

– Принц Гайрединн, не так ли? – без тени усмешки осведомился Делетуар.

– Да, – смутился Драонн. – Мне кажется, что он отлично справится с этой задачей...

– Не говоря уж о том, что это сразу прибавит нам веса, во всяком случае, в Сеазии, – перебил канцлер. – Не стоит оправдываться, лорд Драонн. Это – ваш выбор, и, как я уже сказал вчера, вы вольны сами решать, кто станет помогать вам. Если вы считаете, что Гайрединн Кассолейский достоин этого предложения, я – обеими руками за.

– Вот как раз поэтому я написал ему письмо с приглашением, – всё ещё смущаясь и краснея произнёс принц. – Не знаете ли, почтовое сообщение с Шедоном уже открыто?

– Стоит ли доверять подобное почте? Прошу меня простить, друг мой, но хорошие дороги никогда не были сильной стороной вашей провинции. Почтовое сообщение, конечно, уже открыто, но ваше послание завязнет в пути на две, а то и три недели. Дайте мне письмо, я тотчас же pošлю его нарочным.

– Если так, милорд, я лучше отошлю его с кем-то из своих илиров.

– Вы действительно полагаете, что по нынешним временам лирра будет лучшим посланцем, нежели человек?

– Тогда я pošлю нескольких, – решительно ответил Драонн. – В бою полдесятка илиров будут стоить четырёх десятков разбойников, а от прочих их надёжно защитит грамота, которую вы напишете.

– Воля ваша, друг мой, – развёл руками Делетуар. – Отправьте письмо сами, коль уж не доверяете императорским курьерам. Тем более что я вижу краешек ещё одного конверта, который вы не захотели мне показывать.

– Это письмо моей невесте, – покраснел Драонн.

– О, тогда я полностью с вами соглашусь – подобные письма не доставляют государственным гонцами, – усмехнулся Делетуар.

– Ну что, может быть, пора уже заняться делами? – поспешил перевести разговор принц. – Что у нас сегодня на повестке?

– Есть одно наиважнейшее дело, ваше высочество, но, полагаю, оно вам не понравится.

– Я уже догадываюсь... – помрачнел Драонн.

– И верно. В качестве председателя вновь созданного комитета примирения вы должны теперь присутствовать на судебных заседаниях. Более того, вам нужно будет выступить. Всего несколько общих слов, ничего страшного.

Драонн не стал даже спрашивать – возможно ли как-то избежать столь отвратительного ему дела. Согласившись на предложение Делетуара, он осознавал, что впереди его ждут немало таких вот моментов, и хотя полностью подготовиться к этому было невозможно, он всё же сделал всё возможное, чтобы попытаться принять это. Поэтому сейчас он, дав себе несколько секунд на то, чтобы взять себя в руки, лишь спросил:

– И когда же начнётся это заседание?

– В три часа пополудни, – махнул рукой канцлер. – У нас ещё полно времени. Позвольте, если сейчас ничем не заняты, обговорить кое-какие мелочи.

И он действительно говорил о каких-то мелочах – лишь ради того, чтобы отвлечь Драонна от горьких мыслей. Но кроме того он перечислил нескольких людей, которым, по его словам, можно было доверять в лиррийском вопросе. Никого из них юноша не знал, об одном или двух лишь, вроде бы, что-то слышал, а потому полностью положился на канцлера.

Более того, он не особо представлял, кого из лирр он мог бы пригласить. Сама собой напрашивалась кандидатура Перейтена Бандорского, но ведь не перетаскивать же из Сеазии в Кидую всех глав лиррийских домов! И тем не менее Драонн твёрдо решил чуть позже поговорить с Делетуаром по поводу Перейтена.

Затем был обед, привычно обильный для обжоры-канцлера, хотя Драонну едва лез кусок в горло. А после, немного отдохнув, они отправились в Палату суда.

Суд над Лейсианом и Волианом был открытым – очевидно, император давал возможность черни всласть поглумиться над своими личными врагами. Однако открытыми были не все заседания, а чаще всего лишь те, на которых присутствовали сразу оба обвиняемых. Сегодня же предстояли лишь какие-то следственные процедуры в отношении Лейсиана, так что проходили они в небольшом помещении, где кроме коллегии суда в этот раз не было больше никого. Для Драонна это было явно на руку – он и без того чувствовал себя паршиво, и весьма не хотел бы, чтобы свидетелями его падения были бесчисленные толпы озверевших людей.

Они с Делетуаром прибыли в здание суда примерно за полчаса до начала заседания, но судьи решили, что второй канцлер – не такой человек, чтобы просто ожидать полчаса, так что тут же послали за обвиняемым.

Лейсиан вошёл в помещение, сильно хромая, однако, насколько мог судить Драонн, это не было следствием применяемых к нему пыток – во всяком случае, на открытых участках его тела никаких следов побоев видно не было. Правда, его лишили посоха, объясняя это соображениями безопасности, так что Лейсиан был вынужден опираться всем весом на больную ногу, что доставляло ему серьёзные страдания.

Несмотря на очевидную боль, которую причиняла ему искалеченная нога, мятежный проповедник старался сохранять на лице маску спесивого презрения. Правда, ему не удалось совладать с собой, когда он заметил лирру в помещении – его лицо на секунду вытянулось от изумления, но затем он вновь взял себя в руки.

– Ещё на лестнице я учуял, что здесь сегодня вновь будет этот вонючий боров, – своим звучным голосом, слегка дрожащим от испытываемой боли, проговорил он, не глядя при этом ни на Делетуара, ни на Драонна.

– Заткнись, – конвойный хотел ударить заключённого, но не успел.

– Не нужно! – тут же воскликнул Делетуар. – Поверьте, я тоже скучал по вам, ваше хромоножество. И кстати, я мылся всего одиннадцать дней назад!

– Валяться пьяным в луже собственной мочи – это ещё не значит мыться! – тут же парировал Лейсиан.

Со стороны это больше походило на дружескую пикировку давнишних приятелей. Делетуар и вовсе улыбался и говорил нарочито шутливым тоном. И это превращало ситуацию в абсолютно сюрреалистическую и даже жутковатую.

– Не беспокойтесь, друг мой, мы не задержим вас надолго, – едва ли не ласково проговорил Делетуар. – Впрочем, в вашем положении даже какие-нибудь четверть часа – уже весомая потеря...

За этими дурашливыми ужимками Делетуара Драонн внезапно почувствовал жгучую ненависть и удивился. Он и не думал, что толстый добряк может кого-то так сильно ненавидеть. Значит, и он не избежал всеобщей истерии... Впрочем, юноша понимал, что не может судить человека за это.

– Что вы имеете сообщить мне? – переключаясь с канцлера на судью, спросил Лейсиан, которому даже не предложили сесть. – Признаюсь, я предпочёл бы поскорее покончить с делами – эта вонь меня убивает.

Гордый илир промолчал о том, что убивает его не только вонь, но и горящая жгучим пламенем нога. Очевидно, он скорее лишился бы чувств от боли, чем попросил стул.

– Я уполномочен сообщить, – взглянув на Делетуара и получив от него одобрительный кивок, заговорил судья. – Что следующее открытое слушание состоится через четыре дня. До тех пор вам будет устроена очередная очная ставка с Волианом, а также с ещё девятью лиррами, которые обвиняют вас в прямом подстрекательстве к мятежу...

– Можем упростить нам обоим задачу, – насмешливо заговорил Лейсиан. – Эти очные ставки ни к чему – я и не скрываю, что подстрекал к мятежу, так что...

– Кроме того, – как ни в чём не бывало, продолжил судья. – Получено дозволение его величества о применении к вам дознавательных методов второй степени.

На сей раз Лейсиан заметно вздрогнул и побледнел. Даже Драонн понимал, о чём идёт речь. Дознавательные методы второй степени – так на канцелярском языке судебных именовались пытки. И он вновь понял, что все люди, присутствующие здесь, наслаждаются ситуацией.

Конечно, все эти нелепые очные ставки были совершенно ни к чему – мятежный проповедник охотно сознавался во всём сам. Им хотелось измучить, измотать его всеми этими «следственными процедурами» – заставить калеку без опоры ходить по лестницам, часами стоять перед судьями, обливаясь холодным потом от боли... А теперь вот ещё и пытки...

– Что ж, – выговорил наконец Лейсиан, немного совладав с собой. – Теперь хоть будет чем заняться между допросами, а то скучно в камере...

Однако побелевшие губы, дрожащий голос и наворачнувшиеся на глаза невольные слёзы показывали, насколько он испуган. И Драонну вдруг стало невероятно жаль этого искалеченного илира. Ужасно захотелось хоть чем-то помочь ему – да хотя бы даже просто предложить сесть. Но юноша не смел сказать ни слова. Он вновь чувствовал себя как тогда, когда Денсейн при всех отчитывал его за нерешительность.

– Думаю, дальнейшую беседу вы проведёте и без нас, – словно прочитав мысли принца, проговорил Делетуар. – Но прежде, чем мы удалимся, я хотел бы дать слово лорду Драонну Доромионскому, председателю совета по примирению людей и лирр при Императорской канцелярии.

Судьи с почтительностью склонили голову в знак согласия, хотя до сегодняшнего дня даже не слыхали о подобном комитете. И наконец они сумели найти ответ на вопрос, мучающий их с того самого момента, как Драонн в сопровождении Делетуара появился в палате суда. Естественно, они не решались задать вопрос второму канцлеру, но не могли не теряться в догадках по поводу того, что делает здесь этот лирра.

– Драонн Доромионский? Никогда не слыхал о таком... – внезапно заговорил Лейсиан, словно только что заметив лиррийского принца. – Откуда вы, юноша?

– Из Сеазии, – едва шевеля сухим языком в сухом рту, проговорил Драонн.

– А... Тогда понятно... – небрежно протянул хромец.

Это прозвучало как пощёчина.

– Что вам понятно? – резко спросил Драонн. Вся робость вдруг куда-то улетучилась, равно как и жалость.

– Судя по вашей реакции, то же, что и вам, – равнодушно пожал плечами Лейсиан. – Что ж, вы нашли себе достойное местечко, друг мой. Лижите эту жирную руку в надежде, что она ударит вас последним.

– Я не искал этого места! – кровь ударила принцу в голову. – И я согласился лишь потому, что хочу попытаться исправить всё то, что вы натворили.

– Исправить *что*? – огненный взгляд Лейсиана вонзился в Драонна, словно копье. Он словно преобразился – исчез страх, боль и усталость. Сейчас перед ними вновь стоял тот самый проповедник, что сумел увлечь за собой сотни, если не тысячи лирр. – Исправить нашу попытку избавиться от ярма? Исправить наше желание не жить в тени людей? Мы пытались построить лучший мир, мальчик. Мир, в котором тебе не придётся постоянно стыдиться того, что ты – не человек. И это ты хочешь исправить?

– Я никогда не стыдился того, что я – не человек, – твёрдо ответил Драонн. – И исправить я хочу тот раскол, что вы спровоцировали между нами и людьми. Мир велик, и в нём достаточно место и для людей, и для лирр...

– Ошибаешься, мальчик, мир не так уж и велик. Пройдёт какое-то время – сотни, а может даже и тысячи лет, но однажды люди решат, что в нём больше нет места для лирр. Так и будет – уж если в чём-то я убеждён, так именно в этом. Людям не хватит благородства и величия души, чтобы вечно терпеть нас рядом. Они плодятся словно насекомые, и вскоре им будет тесно даже самим с собой. Они делают нечистым всё, к чему прикасаются, они заражают наш мир. И, глядя на тебя, я с прискорбием вижу, что они заражают и нас. Что ж, пусть так... Может быть, лирры действительно не достойны того, чтобы их спасали...

– Ты спасаешь нас от каких-то фантомов, что существуют лишь в твоей голове! – в ярости Драонн тоже перешёл на «ты», хотя Лейсиан был куда старше его. – Но во имя победы над этими фантомами ты льёшь реальную кровь! Ты – просто безумный фанатик, заставляющий других расплачиваться за своё безумие!

– Желать счастья своему народу – это безумие?

– Бросать свой народ на копья красноверхих ради иллюзии – это безумие!

На мгновение в зале суда воцарилась тишина. Оба илира, раскрасневшиеся и сверлящие друг друга взглядами, остановились, чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями. Остальные молча наблюдали за спором: судьи – с каким-то казённым равнодушием людей, повидавших на своём веку всякого, Делетуар – с искренним интересом, словно учёный, изучающий повадки животных.

– Свобода – это не дар, это трофей, который достанется сильнейшему! А слабейший должен будет пресмыкаться и лизать пыль с его сапог! – уже более спокойным и даже несколько пафосным тоном произнёс Лейсиан.

– По-твоему, многого стоит свобода, купленная жизнями детей? – слюна брызнула изо рта Драонна, хорошо заметная в потоках жёлтого света, льющегося из окон. Он оказался менее искущён в риторике, поэтому ему было сложнее взять себя в руки.

– Слыхали ли вы, лорд Драонн, о некоторых любопытных обычаях прианурских племён? – по-змеиному улыбаясь, вкрадчиво произнёс Лейсиан.

– Нет, – ответил принц, сбитый с толку столь внезапной сменой разговора.

– В Прианурье живёт племя, именуемое бака. Спросите после у милорда канцлера, он подтвердит, что я не лгу. Так вот у племени бака есть весьма интересный обычай: они почитают Зимнего Волка Батту, некое полубожество, которое якобы приносит с собой зиму. И если зима особенно лютая и снежная, если над деревнями бака нависает угроза голодной и холодной смерти, они приносят жертву Зимнему Волку. И знаете, лорд Драонн, кого они выбирают в жертву? Детей. Детишек от годика до трёх лет. Их вывозят в лес, подальше за пределы деревни, и оставляют там. Бака верят, что Батта насытится нежным мясом детей и отступится. За раз в жертву могут принести до десяти детей, в основном – девочек. А потом, если холода не отступают, они могут повторять это ещё и ещё раз. Знали вы об этом?

Принц лишь покачал головой, подавленный представившейся ему страшной картиной.

– Я долго думал – почему в жертву выбирают именно младенцев, и именно девочек, – продолжал Лейсиан. – Ведь этот дикий ритуал должен иметь под собой какую-то рациональную почву. И почему матери этих детей терпят подобное? И я понял. Это, лорд Драонн, такой способ контролировать количество едоков. Если зима будет слишком долгой и суровой, многие погибнут от голода, ведь провизии на всех может не хватить. Так пусть уж лучше погибнут бесполезные дети! Главное – выживут мужчины, способные добывать пищу, а также женщины, которые вскоре нарожают ещё. Так вы всё ещё будете говорить мне о свободе, купленной жизнями детей, юноша? Жизнь детей – такая же разменная монета, как и всё остальное! И все эти люди вокруг нас, несмотря на свои пышные наряды, каменные дома и придуманные ими законы, не так уж далеко ушли от этих диких бака. В этом – вся суть человечества. Вот почему мне нисколько их не жаль. Вот почему я даже оказал бы им большую услугу, избавив от нескольких лишних ртов.

А вот Драонну теперь было нисколько не жаль Лейсиана. Потому что впервые он воочию увидел в нём не ослабленного заключением калеку, а разрушителя, сеющего вокруг смерть. Он опасен, и опасен вдвойне, поскольку действительно умеет убеждать. И да – он должен умереть. Это будет более-менее надёжной гарантией того, что его страшные мысли умрут вместе с ним. Он должен умереть, потому что иначе умрёт неизмеримо больше людей. И лирр.

– Я счастлив, что вас поймали, – дрожа от волнения и ненависти, произнёс он. – И счастлив, что вы скоро умрёте. И я хочу, чтобы вы умирали, зная, что я сделаю всё возможное, чтобы восстановить мир между лиррами и людьми.

– Ты и подобные тебе – позор нашего народа. И если таких как ты большинство – я тоже счастлив, что скоро умру, ибо мне тошно жить среди вас!

– Мы постараемся удовлетворить ваше пожелание наилучшим образом, – внезапно заговорил Делетуар нарочито громко и весело. – Смею вас заверить, господин Лейсиан, что это – последняя весна в вашей никчёмной жизни, а уж грядущего лета вам не увидеть! Пойдёмте, лорд Драонн, нам здесь больше нечего делать. А вы, господа, продолжайте заседание.

Если, входя в зал суда, Лейсиан делал вид, что вовсе не замечает Драонна, то теперь он, напротив, не отводил от него своего огненного взгляда. Принцу казалось, что он чувствует этот взгляд затылком и лопатками, словно там пробегали туда-сюда полчища муравьёв.

– Удовлетворены? – хмуро спросил он улыбающегося Делетуара, когда они уже спускались по лестнице.

– Более чем, – жизнерадостно ответил тот.

Глава 10. Совет по примирению

– Вы ведь подстроили всё это специально? – уже позже, в экипаже, спросил канцлера Драонн, всё ещё погружённый в тяжёлые мысли. – Это заседание – оно ведь было проведено специально для меня?

От Палаты суда до Императорской канцелярии было не так уж и далеко – вполне можно добраться пешком за полчаса, но, конечно, толстый канцлер был бы неспособен на такой подвиг. Поэтому они ехали в открытом экипаже. Однако лошади двигались почти шагом – погода была отличная, поэтому Делетуару, видимо, захотелось насладиться тёплым весенним ветерком и ласковым солнцем.

– Признаюсь, вы меня раскусили, – улыбнулся канцлер. – Вы вчера говорили какую-то ерунду по поводу отмены казни и прочее, и мне захотелось показать вам, что же на самом деле за фрукт этот Лейсиан.

– А что такое дознавательные методы второй степени? – во рту принца была неприятная горечь, и слова будто пачкали язык ещё больше.

– Попытки, – просто ответил Делетуар. – Такие, при которых не происходит необратимых изменений функциональности тела. После них при должном уходе человек или лирра вполне смогут более или менее сносно ходить, пользоваться своими руками, питаться, думать... В отличие от методов первой степени, когда...

– Довольно, – резко перебил Драонн. Ему вовсе не хотелось выслушивать лекцию о пытках, а также знать, сколько степеней имеется у дознавательных методов в Кидуанской империи.

– Если вы думаете, что в моей власти отменить эти пытки, или, тем паче, что это я дал указание о них – вы глубоко заблуждаетесь, – заметил Делетуар.

– Зачем пытать того, кто и так ни в чём не запирается, и кого всё равно вскоре казнят?..

– Вероятно, его величество так и не сумел придумать достаточно мучительной казни, чтобы утолить свою жажду мести.

– Он очень жестокий человек? – прямо спросил принц.

– Он – император, – сухо ответил канцлер. – Этим, по-моему, сказано всё. Впрочем, вскоре вы получите возможность составить личное впечатление. Думаю, что в ближайшие дни я договорюсь об аудиенции для вас.

– Меня представят императору? – юношу прошиб холодный пот.

– Вы, друг мой, должно быть, ещё не совсем поняли, сколь высокий пост вы теперь занимаете. Быть личным советником второго канцлера – это значит быть фигурой, многим не равной. Я бы даже сказал, что вы теперь вполне претендуете на место в ближнем круге императора.

– Даже будучи лиррой? – горько скривил рот Драонн.

– Если мы поведём себя правильно – особенно будучи лиррой!

– Вы столь уверенно говорите о вещах настолько несбыточных, что я иной раз начинаю подозревать вас либо в сумасшествии, либо во владении какой-то необычайно мощной магией, способной в один миг перевернуть мир с головы на ноги.

– А вы, друг мой, переоцениваете мыслительные способности большинства представителей человеческого рода, – усмехнулся канцлер. – Вам кажется, что люди теперь будут вечно лелеять ненависть к лиррам, но это не так. У большинства из них настолько много забот, что они забудут об этой войне уже к осени. Конечно, некий уровень неприязни останется всё равно, но все чрезмерно острые углы сгладятся сами собой. Люди просто выбросят их из головы. Это, друг мой, небольшое, но важное преимущество краткого жизненного срока – умение забывать о несущественном и сосредотачиваться на насущном.

– Не уверен, что лирры так же легко забудут о зверствах красноворхих, – глухо проговорил Драонн.

– Если будут достаточно умны – забудут. Иногда прошлое следует оставить в прошлом ради будущего. Может несколько позже, когда улягутся основные страсти, мы проведём несколько показательных процессов против лидеров красноворхих из числа тех, что наиболее запятнали себя невинной кровью. Кроме того, в этом-то теперь и будет заключаться наша с вами работа, лорд Драонн – похоронить прошлое.

Экипаж плавно остановился у величественной лестницы, ведущей в громоздкое здание Императорской канцелярии.

– Не желаете отобедать? – предложил Делетуар.

– Мы же не так давно обедали, – удивился Драонн, чей аппетит был окончательно уничтожен недавней встречей.

– Обедов никогда не бывает слишком много, друг мой. Впрочем, если вы не голодны, можете отправляться к себе домой. Сегодня, я думаю, вам следует отдохнуть. Завтра вплотную займёмся подбором кадров.

Драонн не стал спорить – он действительно чувствовал себя разбитым и уставшим, словно целый день провёл в седле. Поэтому, благодарно кивнув, он направился в свой особняк.

Несколько следующих дней были скучными и монотонными. Драонн выслушивал рекомендации Делетуара по поводу тех или иных кандидатов, которых он предлагал в так называемый совет по примирению. Увы, юноша с трудом воспринимал такой большой поток устной информации. Наверное, будь перед ним листы бумаги, на которых было бы изложено всё то, о чём говорил канцлер, он, возможно, куда лучше оценил бы достоинства этих людей. А так он просто кивал всякий раз, как Делетуар задавал ему вопросы.

Более того, ровно то же происходило и с кандидатурами лирр. Драонн, прибыв из дремучей провинции, в которой было всего семь лиррийских домов и проживало от силы тысяча лирр, совершенно не знал принцев из других провинций. Делетуар предлагал ему то одно, то другое имя, но все они ровным счётом ничего не говорили юноше, так что и здесь он мог лишь кивать, словно болванчик.

В конечном итоге он стал ощущать себя всё глупее и бесполезнее. С самого начала, как только он приехал в Кидую, да даже и раньше – с той самой памятной встречи в Шедоне, Драонн никак не мог избавиться от ощущения какой-то абсурдности всей этой ситуации. Он, илир без имени и славы, едва вступивший в эпоху зрелости, внезапно возносится на самую вершину. За какие такие заслуги? Этот вопрос давно не давал покоя юному принцу, и теперь он, кажется, нашёл на него ответ.

Он нужен лишь в качестве декорации. Делетуар вполне способен справиться с этим сам, и ему нужен тот, кто не станет, да и не сможет ему мешать. Кто-то настолько ничтожный, чтобы не сметь даже оспорить решений канцлера. И это очень походило на ловушку. Вдруг император замыслил что-то страшное на пару с этим елебно улыбающимся добрячком, и он, Драонн, станет ширмой, за которой всё это будет сотворено?

Тошнота подступила к горлу принца. Он действительно сейчас ощущал себя ничтожной букашкой, на которую катился неотвратимый валун. Он понятия не имел, что ему делать. Впервые он оказался в сложной ситуации, буквально припёртый к стенке, и при этом не имея никого, на кого он мог бы опереться. Как кстати был бы здесь сейчас Ливейтин! Верный друг, он, быть может, сумел бы распознать измену и помочь выпутаться из этой паутины, если он, Драонн, ещё не запутался в ней окончательно.

Ощущение слепого прохода над бездонной пропастью не отпускало. Драонн понимал, что каждый его шаг может оказаться началом падения в бездну. И Делетуар, который за этой добродушной физиономией и сладкими речами вполне мог прятать звериный оскал, внезапно стал пугать почти до физической дрожи. Юный принц вдруг вспомнил, как в детстве он пора-

жался тому, что стоит схватить разыгравшегося котёнка за загривок, и на него нападает какая-то странная оторопь. Он сейчас ощущал себя именно таким котёнком.

Но сквозь это оцепенение едва просачивалась робкая мысль о том, что он теперь не имеет на это права. Он больше не котёнок, он – глава Доромионского дома! И даже больше – он сейчас тот, от которого зависит судьба двух народов. И как ни хотелось пугливо закрыть глаза, чтобы не видеть того, что будет дальше, он *не имел на это права*.

– Для чего я вам нужен? – стараясь говорить спокойно, он прервал Делетуара прямо на середине его очередной тирады.

– Простите? – канцлер настолько увлёкся, что поначалу не понял вопроса.

– Почему вы выбрали именно меня? Вы же видите, что я ни на что не способен.

– Кажется, мы обсудили это ещё при первой нашей встрече.

– Нет. Тогда вы не сказали, что планируете сделать меня чиновником имперского масштаба. Да и тогда вы толком не объяснили ничего. Я просто никак не могу понять одного: вы назвали мне уже с полдесятка весьма достойных на ваш взгляд илиров. Почему не один из них?

– Я понимаю, о чём вы думаете, лорд Драонн, – лицо канцлера вдруг стало совершенно серьёзным. – Вам кажется, что я веду какую-то нечистую игру, и что мне нужен слабый и безгласный компаньон, который не мог бы помешать мне? Это совершенно не так. Я понимаю, что вам может быть довольно сложно поверить мне, но всё же хочу заверить вас, что у меня нет никаких задних мыслей. Я *действительно* стараюсь ради взаимного блага наших народов.

– Мне кажется, когда собираются делать какое-то большое дело, то и помощников себе подбирают подстать. Почему вы избегаете ответить на мой вопрос? Почему именно я?

– Я вовсе не избегаю. Всё очень просто. Настолько просто, что для вас это может звучать неправдоподобно. Этого я и опасаюсь.

– Но всё же попробуйте, потому что ваше молчание ещё подозрительнее.

– Когда всё это завертелось, я уже думал о том, что рано или поздно эту кашу придётся расхлёбывать. И стал наводить справки о том, кто из лирр мог бы мне в этом помочь. При этом я понимал, что искать в Лиррии или Ревии бессмысленно – они либо откажутся, либо согласятся, но тогда уже я не смогу доверять им. Здешние же лирры, по-моему, стали слишком похожи на людей. Ими движут деньги, корысть. Не поверите, но некоторые из них вполне неплохо устроились на торговле контрабандой с Лиррией, и, думаю, кое-кто из них сейчас даже жалеет, что всё уже закончилось. И стало ясно, что искать нужно именно в Сеазии, где лирры всегда были лояльны и понимали ценность взаимного сотрудничества с людьми.

Я наводил справки о главах сеазийских домов. Многие первым делом называли Гайрединна Кассолейского, но поговаривали, что характер у него довольно крут и что (простите, что говорю так о вашем будущем тесте), он бывает слишком упрям. Подобные Гайрединну не годятся для дипломатической работы.

– Странно, я ничего такого не заметил! – покачал головой Драонн. – Принц Гайрединн показался мне взвешенным и умным.

– Взвешенность и гибкость – не одно и то же, друг мой. В общем, я отказался от его кандидатуры почти сразу же. Следующими мне называли уже ваше имя, а также пару других имён, от которых я отказался ровно по тем же самым причинам. Так я и остановился на вас. А все те громкие имена, что я называл тут недавно – они хороши лишь для того, чтобы добавить нашему совету авторитетности, без чего вряд ли кто-то станет всерьёз с нами разговаривать, сколько бы мы не тыкали им в нос императорскими бумажками. Думаю, большинство из них будут принимать участие в совете лишь постольку-поскольку. Приготовьтесь к тому, что весь этот воз тянуть придётся нам двоим.

– Когда придёт милорд Гайрединн, уверен, он тоже возьмётся за дело! – убеждённо проговорил Драонн. – И раз уж большинство лирр будут предложены вами, я бы просил со

своей стороны добавить ещё одного моего хорошего знакомого – Перейтена Бандорского. Уверен, что он тоже был в вашем списке.

– Его имя называли столь же часто, как и ваше, а может даже и чаще, – ответил канцлер. – И если он согласится, я буду рад видеть его. Почему не предложили его сразу?

– Признаться, постеснялся, – улыбнулся Драонн.

– И напрасно. И если к нему у вас не будет второго, тайного конвертика, быть может, в этот раз доверим послание курьеру? Уверяю, не пройдет и недели, как он получит письмо.

– Согласен, – рассмеялся воспоминаниям Драонн. – Кстати, если всё будет в порядке, через неделю-другую стоит ждать принца Гайрединна.

– Очень на это рассчитываю, – Делетуар внимательно взгляделся в глаза лирры. – Полагаю, я сумел развеять ваши сомнения?

– Отчасти, – улыбнулся Драонн. – Я больше не подозреваю вас в коварстве, но по-прежнему сомневаюсь в правильности вашего выбора.

– О, ну вот уж на этот-то счёт вы можете быть абсолютно спокойны! – заверил канцлер.

Созыв совета затягивался – не было никаких вестей от Гайрединна. Драонн полагал, что если принц принял приглашение, то должен быть уже где-то в пути, вероятно – неподалёку от Залива Дракона. Меньше чем через неделю стоило ожидать возвращения гонца, пущенного к Перейтену, и тогда стало бы ясно – ждать ли его.

Вообще большинство из тех, кого Драонну рекомендовал Делетуар, уже прибыли в Кидую, или же проживали здесь. Совет было решено сделать небольшим – кроме юного принца и второго канцлера было решено ввести туда по пять людей и лирр. Делетуар непременно полагал, что кроме двух представителей Сеазии, приглашённых лично председателем совета, по одному лирре должны быть от Лиррии, Ревии и Кидуи.

С этими кандидатурами как раз было всё куда сложнее. Несмотря на то, что Делетуар назвал с полдюжины достойных на его взгляд илиров, было весьма сложно убедить их принять в этом участие. Каждый понимал, что, уезжая в столицу для заседаний в каком-то непонятном совете, он оставляет в Ревии или Лиррии земли, замок и главное – семью. Что бы там не объявляли официальные лица, убеждая, что война уже полностью стихла, Драонн от Делетуара знал, что сопротивление, пусть и порядком ослабленное, всё ещё продолжается в некоторых районах Ревии. Да и в Лиррии ситуация была далека от спокойной.

И тем не менее, на приглашение второго канцлера откликнулся принц Беалест Тенейдинский из Лиррии, а также принц Кайлен Брокорианский из Ревии. Правда, последний вместе с семьёй с начала войны проживал неподалёку от Кидуи, поскольку его идеи примирения с людьми тогда находили не самый лучший отклик у соплеменников. По некоторым данным его замок теперь лежал в руинах после того, как его штурмом взяли войска Волиана. Однако среди определённой группы лирр он по-прежнему пользовался уважением.

Представителем от Кидуи был весьма богатый купец, владелец нескольких торговых судов, принц Лиарон Эрастийский. Он чаще других появлялся в здании Императорской канцелирии, где обычно в обществе Делетуара проводил время Драонн.

Однако юноша почему-то сразу же проникся некоторой неприязнью к этому илиру. Всё дело было в том, что он слишком мало вопросов задавал по поводу урегулирования отношений, и слишком много – по поводу различных предпочтений, которые могут получить лирры вообще и он в частности. Вскоре стало понятно, что он согласился на участие в совете сугубо по личным и вполне меркантильным соображениям. Будь у Драонна альтернатива – он тут же попросил бы канцлера убрать этого торгаша из совета, но был вынужден молчать, потому что предложить взамен ему было некого.

Что касается людей, то все они были кидуанцами, поскольку Делетуар не видел причин набирать их по всей империи. «Люди везде одинаковы», – говаривал он, усмехаясь своей маслянистой улыбкой. И тем не менее, чутье у канцлера оказалось отменное – все пятеро оказались располагающими к себе людьми, начисто лишёнными расовых предрассудков. С некоторого времени их общество стало Драонну едва ли не приятнее общества своих именитых соплеменников.

Особенно сложились отношения у него с дородным грубоватым мужчиной лет сорока по имени Корк. Почти всю свою жизнь Корк провёл в море – начинал юнгой на корабле своего отца, затем наследовал судно уже в качестве капитана. Удача улыбалась дерзкому моряку – вскоре под его началом было уже два, а затем и три корабля, занимающиеся грузоперевозками вдоль западного побережья Паэтты.

В Корке Драонна подкупало то, что он сделал своё состояние собственными руками, много и тяжело работая. У него было грубоватое и прямое мировоззрение трудяги и морского волка, однако временами он умел быть удивительно тонок в суждениях, что выдавало в нём натуру интересующуюся и думающую не только о насущном.

Судя по всему, Драонну не хватало именно такого общения. Юный принц познал в жизни многое благодаря книгам, которые прочёл в великом множестве, но простые, точные, даже грубоватые фразы Корка относительно разных вещей казались ему порою гораздо мудрее любых изречений.

Наконец на двенадцатый день месяца арионна Драонну сообщили, что прибыл принц Перейтен в сопровождении небольшого отряда илиров. И поскольку Гайрединна Кассолейского, которому приглашение было послано почти на неделю раньше, до сих пор не было, это могло означать лишь одно – он не принял приглашения Драонна. Правда, несколько странным было то, что он не прислал хотя бы короткой ответной записки.

Тем не менее, юный принц был ужасно рад видеть своего друга и соседа.

– Вы удивили меня, друг мой! – воскликнул Перейтен, обнимая юношу. – Я толком не успел ещё свыкнуться с тем, что вы стали зятем самого милорда Гайрединна, как вдруг выясняется, что вы ещё и советник канцлера Делетуара! И когда только вы всё это успеваете?

– Простите, милорд, что не сказал вам раньше о своей встрече с Делетуаром. Это была не моя тайна. Но вообще мы встречались ещё осенью, и уже тогда он взял с меня слово, что я приеду по первому его зову.

– Я рад, что он оценил вас по достоинству! Говорю вам это совершенно искренне: я не знаю никого, кто больше подходил бы на это дело!

– Но мне потребуется ваша помощь, милорд Перейтен. Дело предстоит сложное.

– Потому-то я и приехал так быстро, как только смог, бросив все дела.

– Я бесконечно признателен вам за это, милорд. Но скажите – нет ли у вас каких-нибудь вестей о принце Гайрединне?

– Он не в Кидуе? – изумился Перейтен. – Возможно ли, чтобы вы пригласили меня, не пригласив его?

– Я пригласил его в первую очередь, – признался Драонн. – Однако его почему-то до сих пор нет.

– Вы думаете, что он не захотел приехать?

– Я боюсь, что дело не в этом, – мрачно ответил принц. – Уверен, что если бы он решил остаться, то обязательно послал бы гонца, чтобы уведомить меня. Стало быть, либо с этим гонцом что-то случилось, либо...

– О, поверьте, принц Гайрединн не из тех илиров, что могут попасть в переделку! – поняв опасения юноши, воскликнул Перейтен. – Наверняка он отправился бы с хорошей охраной. Вполне возможно, какие-то дела задержали его в Кассолее...

– Не так давно я послал ещё одного гонца. На всякий случай...

– Вы поступили верно, друг мой. Но прошу вас не беспокоиться ни о чём. Поверьте, всё будет хорошо.

– Что ж, в любом случае ждать больше не имеет смысла. Вы приехали, и это главное. Теперь можно активизировать нашу работу.

– И что предстоит делать?

– Признаться, сам толком не знаю. Будем проповедовать мир.

– Звучит не слишком убедительно, – с сомнением покачал головой Перейтен.

– Это потому, что вы слышите эти слова от меня, а не от Делетуара. Поверьте, в его устах это звучит куда более убедительно.

– Он действительно такой толковый, как о нём говорят?

– Поверьте, молва частенько преувеличивает его размеры, но почти всегда преуменьшает остроту его ума! – рассмеялся Драонн. – Ну вскоре вы познакомитесь лично. А пока... У вас есть где остановиться?

– Увы, ни разу не был в Кидуе, – пожал плечами Перейтен. – Вообще я надеялся, что меня обеспечат жильём...

– Разумеется! – заверил юноша. – А пока поживите у меня! В моем особняке столько спален, что я до сих пор ещё не видел их все!

– Что ж, охотно принимаю ваше предложение, друг мой!

Драонн вызвал было одного из мелких служек, чтобы попросить проводить Перейтена в свой особняк, но затем передумал и решил лично сопровождать его – всё равно, несмотря на довольно громкое название, совет его пока не был слишком уж обременён работой, а если быть до конца честным, так и вовсе особо ничего не делал. Может быть, Делетуар ждал, пока соберётся полный состав, но скорее всего он чутко следил за настроениями при дворе, а главное – за предстоящей казнью мятежников. Так или иначе, но юный принц был очень рад приезду своего друга. Он словно долгое время плыл, захлёбываясь, в мутной и бурной воде, и вдруг наконец сумел коснуться твёрдого дна пальцами ног.

Первое заседание совета по примирению людей и лирр прошло на удивление скучно и бессмысленно. Делетуар заливался соловьём о том, какой сложный путь им предстоит пройти, как важна их общая миссия, как многого он ждёт от их работы, но при всём этом не было сказано ни одного конкретного слова, ни одного существенного предложения, ничего такого, что заставило бы глаза присутствующих здесь мужчин загореться жадой действия.

После высказались и остальные члены совета, в том числе и сам Драонн, но их короткие речи были весьма однообразны и банальны. Сам Драонн хотел бы сказать что-то вдохновляющее и важное, но в итоге, по сути, повторил основные тезисы Делетуара, причём сделал это куда менее виртуозно. Ну а затем всё те же слова в несколько разных вариациях повторили и остальные – множество громких слов о оказанной чести, о долге, о вере в светлое будущее...

Драонн уже давно задумывался о том, почему Делетуар, который сам был вдохновителем и создателем этого совета, на деле относился к нему с явной прохладцей – не торопил с открытием, не ставил практических и амбициозных задач, да и вообще он словно тянул какое-то тягло, а не делал дело, ради которого не так давно не поленился протащиться через половину империи.

Собственно говоря, Делетуар не особенно и скрывал, что ему не очень-то нужен этот совет. Точнее, он нужен лишь в качестве декорации. Вероятно, такова была воля императора, стремящегося навести порядок в империи и желающего, чтобы обидчивые лирры не сочли, что их снова оставили на обочине.

Драонн вполне ясно понял, как дальше будет работать этот, с позволения сказать, «совет». Периодически будут проводиться столь же пустые совещания, на которые со време-

нем, ссылаясь на занятость, перестанет ходить большинство из членов, а дальше хитрый канцлер будет заправлять всем в одиночку, приправляя собственные решения громкими подписями лиррийской знати.

Вновь проснулись подозрения относительно его роли в совете. Вот почему Делетуар остановил выбор на нём, вот почему потащился по непролазной грязи Сеазии в Шедон. Канцлеру нужна марионетка – юный и неопытный партнёр, который будет помалкивать да кивать. Вот почему не сгодился ни Гайрединн, ни Перейтен. Вот она, та гибкость, которая требовалась коварному толстяку.

Но быть или не быть такой марионеткой – решать самому Драонну. Он знал, что вполне может положиться на Перейтена. Со вздохом он взглянул на пустующее кресло рядом с собой – то, что пока что предназначалось для Гайрединна. Ясно, что Делетуар вскоре найдёт, кого посадить в него, а это значит, что в совете будет ещё один илир, на которого Драонн не сможет положиться.

Из присутствующих лирр Драонн совершенно определённо не доверял принцу Лиарону, и не знал, как относиться к бывшему себе на уме Беалесту. Лишь ревиец Кайлен, многое потерявший в этой войне, казался тем, кому действительно важно закончить всё наилучшим образом, но и это могло быть лишь видимостью. Как раз именно он, Кайлен, был более всего уязвим для Делетуара, ведь именно он был наиболее нуждающимся из всех.

Что же касается людей, то, конечно же, Драонн ни минуты не сомневался, что в случае чего все они примут сторону хитроумного толстяка. Даже Корк.

Вдвоём против десяти, один из которых – второй канцлер империи. Расклад паршивый. И Драонн совершенно не знал, что ему делать. Пока, судя по всему, стоило лишь ожидать, пытаясь понять, насколько чистоплотен в этом деле Делетуар. Если он действительно желает добра, то юноша охотно уступит ему и место, и славу.

Тем не менее, какая-то интуитивная тревога всё росла в Драонне. Он чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, что же именно его так беспокоит. Но было похоже, что он втянут в какую-то игру, которая ему не по зубам, и итогом которой могут стать новые несчастья для его народа.

Глава 11. Аудиенция

С тех пор, как Делетуар заикнулся о том, чтобы представить Драонна императору, прошло довольно много времени. Сам канцлер после ни единым словом не напомнил об этом, а Драонн, признаться, не слишком-то горел желанием предстать перед его величеством. И вот буквально на следующий день после первого созыва совета Делетуар с самого утра пришёл в кабинет, который был выделен для Драонна, и где тот предавался ничегонеделанию.

– Нет, это никуда не годится! – прямо с порога заявил он.

– Что вы имеете в виду? – удивился Драонн, поскольку в этот конкретный момент он завтракал мягкой булкой с маслом и ароматным кофе, то есть делал то, о чём толстяк никогда не отозвался бы в подобном роде.

– Ваш внешний вид, – едва ли не с брезгливостью ответил Делетуар. – Что это на вас надето? Или у вас в Сеазии жители не знакомы с понятиями изысканности и вкуса?

– На мне та же одежда, что и вчера, и неделю назад, – юноша был растерян и слегка обижен. – Что же касается вкуса, то поверьте мне, носить на работе шитый золотом халат и мягкие туфли – тоже не признак изыщества.

– Вот именно! Какой уже день носите вы этот кафтан? Или он прирос к вашей коже? – Делетуар проигнорировал вторую часть реплики. – Неужто благородному юноше нужно давать урок моды? Я понимаю, что рядом с таким неряхой как я вы могли опустить планку требований к себе, но сегодня вам надлежит выглядеть безупречно! Мы отправляемся на полдничную аудиенцию к его величеству!

Если бы в этот момент Драонн пил свой обжигающий кофе – он наверняка бы поперхнулся. А так он лишь застыл, едва ли не с ужасом глядя на канцлера. Его и без того большие лиррийские глаза стали теперь просто огромными.

– Не вздумайте сегодня стоять перед его величеством с таким же видом! – усмехнулся Делетуар. – А то он ещё, чего доброго, сочтёт меня некомпетентным в подборе советников.

– Мне нужно в платяную лавку! – справившись с шоком, выпалил юный принц, вскакивая со своего кресла.

– Вне всякого сомнения, – важно кивнул Делетуар.

Затем, не дожидаясь, пока Драонн стрелой выскочит из кабинета, он подошёл к столу и без малейшей брезгливости затолкал в рот остатки недоеденной булки, запив её дымящимся напитком из оставленной чашки.

– Всё ещё несколько провинциально, но уже гораздо лучше, – канцлер оценивающе окинул взглядом Драонна. – С другой стороны, чего ещё ждать от лавок с готовым платьем! По крайней мере, вы сделали всё, что от вас зависело.

– И это всё, что вы мне скажете? – юноша, казалось, волновался всё больше с каждым часом, что приближал аудиенцию. – Может лучше дадите пару советов о том, как держать себя с его величеством?

– Ведите себя как всегда, – отмахнулся канцлер. – К вашему поведению, в отличие от вашего внешнего вида, у меня никогда не было претензий. Главное – не стоит слишком раболепствовать, и ещё хуже – стоять с тем глупым и растерянным видом, что был у вас сегодня утром. Его величество не такой уж плохой человек... для императора, – с улыбкой прибавил он.

Драонн досадливо поморщился – не хватало ему сейчас ещё этих подначиваний. Фигура императора всегда казалась для него чем-то далёким и недостижимым. Не то чтобы он представлялся каким-то божеством, но всё-таки вызывал определённый трепет. А уж теперь, когда встреча с ним стала неизбежной, он по-настоящему пугал.

– Значит ли это, что я могу говорить всё, что думаю? – тем не менее, спросил он.

– А как, по-вашему, я стал его советником? – самодовольно ухмыльнулся Делетуар. – Конечно, если вы планируете задержаться при дворе на долгий срок, вам придётся научиться искусству говорить что думаешь, но словами императора, так чтобы у него не возникло подозрений, что мысли эти не его, а ваши. Иногда приходится делать так, но в целом его величество вполне поощряет тех, кто может мыслить независимо. В определённых рамках, конечно же.

– И как мне увидеть эти рамки?

– Увидите. Но довольно разговоров, нам пора собираться.

– Но ведь ещё нет и двух часов пополудни! – заметил Драонн. – До аудиенции ещё далеко!

– Вы плохо знаете придворные обычаи, друг мой. Полдничная аудиенция случается у его величества тогда, когда он велит подавать ему полдник. А это может случиться в совершенно разное время. Поэтому если мы не хотим опоздать – лучше выйти пораньше. Поверьте, при дворе немало бездельников, которым всегда что-нибудь нужно от его величества. Многие из них, словно стервятники, часами ожидают в приёмной, в надежде попасться на глаза императору и быть приглашёнными к полднику. Нам нужно опередить их.

– Но разве его величество не назначил нам?.. – озадаченно спросил принц.

– Назначил, – усмехнулся Делетуар. – Как и ещё двум или трём десяткам придворных. А мест за полдничным столиком всего шесть.

– А почему император не назначил мне обычную, рабочую аудиенцию? – подозрения Драонна в отношении Делетуара и кидуанского монарха вновь оживились. – Разве мы встречаемся не по официальному поводу?

– Запомните, друг мой, даже официальные поводы лучше всего разрешаются в неофициальной обстановке. Попадите за полдничный столик к императору – и никто при дворе уже не посмеет бросить на вас косой взгляд. Разве не это нам нужно?

– Хорошо, я понял. В этом вопросе я полностью доверяюсь вашему опыту, милорд.

– Надеюсь, вы будете достаточно мудры для того, чтобы полностью доверять мне *во всех* вопросах, лорд Драонн, – сладко улыбнулся Делетуар. – Поверьте, если уж я, как советник, достаточно хорош для императора Кидуи, то, наверное, смогу сгодиться и для принца Доромионского.

Драонн не нашёл, что на это ответить – и возразить сложно, и соглашаться сложно. Поэтому он полу-кивнул, полу-поклонился канцлеру, спросив лишь:

– Ну что, пойдём?

– Да, пора, – понимающе усмехнулся Делетуар.

Дворец императора, на удивление, не производил какого-то особенного впечатления. Тот же особняк Делетуара, по мнению Драонна, не сильно отличался от него в худшую сторону. Ни величины, ни величественности в этом замке, чем-то напоминающем крепость, не было. Из книг он знал, что это – своеобразный урок, вынесенный из гибели империи Содрейн. Дворец императора должен в случае чего вынести длительный штурм.

Внутреннее устройство дворца ещё больше укрепляло понимание того, что это было хорошо продуманное оборонительное сооружение. Драонн, оказавшись он тут без сопровождающего, заблудился бы в этих переходах и комнатах в течение считанных минут. Узкие проходы с множеством закоулков и поворотов, в которых небольшим группам воинов легко противостоять крупным отрядам противника, паутиной разбегались в разные стороны, часто не освещённые ничем, кроме небольших масляных светильников. Однозначно, Доромион выглядел куда более уютным и приспособленным для жизни.

Хвала богам, что Делетуар чувствовал себя в этом лабиринте вполне уверенно. Его огромная фигура, облачённая в свободные, колышущиеся при ходьбе одежды, маячила перед

вконец оробевшим лиррийским принцем спасительным ориентиром. Довольно многочисленные придворные и слуги, снующие в этих переходах словно мелкие рыбёшки среди атоллов, моментально расступались, едва завидев эту медленно ступающую гору жира.

Наконец они пришли в какой-то светлый зал, где было особенно людно. Надо сказать, что на Драонна старались не смотреть вовсе, не зная, как себя с ним вести. Придворные подобны былинкам, что клонятся в ту сторону, в какую дует ветер. Сейчас политический ветер, вроде бы, дул навстречу лиррам, но, с другой стороны, до сих пор не завершился суд над главарями мятежа, поэтому люди, искушённые в дворцовых интригах, не знали пока, стоит ли заводить разговор с лиррой. С одной стороны, рядом с этим лиррой громоздилась необъятная фигура второго канцлера, и это был весомый аргумент. Но с другой – все эти люди не раз слышали те слова, что в запале гнева бросал его величество в адрес лирр, и это покамест тоже не стоило сбрасывать со счетов.

Драонн же старался держаться невозмутимо, однако было видно, что он очень бледен, а на висках выступили мелкие бисеринки пота, заставляющие тонкие чёрные волосы липнуть к коже. Он понимал, что ему нужно привыкать ко всему этому; также он понимал, что его нынешний статус позволяет глядеть на большинство этих людей свысока, однако пока ничего не мог с собой поделать. Он лишь благодарил богов, что рядом находился Делетуар, и его зловоние казалось сейчас приятнее аромата роз.

Вскоре стало понятно, что все эти люди собрались здесь не просто так. Каждый из них пытался выглядеть непринуждённо, разговаривая о каких-то пустяках, посмеиваясь и перемещаясь по залу. Здесь стоял лёгкий непрекращающийся гул, словно на цветочном поле собирал нектар рой пчёл.

Но за всей этой кажущейся бестолковой расслабленностью был виден чёткий расчёт. Каждый из этих придворных то и дело непроизвольно бросал короткие взгляды на большую двустворчатую дверь, пока что плотно прикрытую. Драонн понял, что именно за ней находится либо сам император, либо та самая гостиная, в которой он любит давать «полдничные аудиенции».

– Чего хотят все эти люди? – шепнул принц блаженно улыбающемуся Делетуару.

– А чего хочет цветок, поворачиваясь вслед за солнцем? – пожал плечами тот. – Внимания. Им всем нужно императорское внимание, иначе они захиреют.

– То есть у них нет никаких особенных дел?

– Друг мой, из всего этого сонмища шаркунов и бездельников, что ежедневно наполняют императорский дворец, найдётся от силы лишь два или три десятка людей, которые имеют какие-то дела. И лишь трое или четверо из них имеют дела, связанные с интересами государства. Остальные же живут подобно канарейкам в клетках – чирикают и едят, едят и чирикают.

– Вы, однако, не слишком-то высокого мнения об этих людях, – усмехнулся Драонн.

– Пожив столько лет при дворе – чудо, что я ещё не разочаровался во всём человечестве, – с брезгливой улыбкой мизантропа проговорил Делетуар.

Шелест пролетел по пёстро одетой толпе, и Драонн в этом шёпоте уловил слова «его величество». Все, словно по команде, повернулись к той самой двери, которая привлекала столько их внимания. Теперь обе створки её торжественно распахнулись, и в дверном проёме возникла фигура императора.

Это был здоровенный дородный человек, ростом превосходящий даже Драонна, а своими размерами ненамного уступающий Делетуару. Причём было видно, что далеко не всё из этой массы – жир. Вероятно, в молодые годы его величество Родреан был невероятно силён. Небрежно запахнутый на груди халат, седые волосы, схваченные в простой хвост, никаких украшений, за исключением золотой императорской печати на пальце – таков был император Кидуи.

Все черты его лица были очень крупными и теперь выглядели не слишком-то приятно, но, вероятно, лет двадцать назад он был достаточно привлекателен некоей особой, почти варварской красотой. Большой, похожий на брюкву нос, обвисшие от возраста губы, мочки ушей – огромные и отвисшие так, словно его всю жизнь тянули за них. Несмотря на то, что сейчас в моде были гладко выбритые лица, Родреан, словно подчёркивая, что он – человек другой эпохи, носил бороду, хотя она и не была особенно густа или ухожена.

– Вороньё уже здесь... – гудящим голосом проговорил он, и было непонятно, чего в этом голосе больше – насмешки или досады.

Однако же придворные тут же с готовностью рассмеялись, действительно став похожими на стаю каркающих ворон.

– От ваших рож у меня снова сделается изжога... – вновь проворчал император, и снова вызвал этим очередной приступ неуместного и насквозь искусственного веселья.

– Принимает ли ваше величество тот бальзам, что я советовал вам недавно? – тяжело поднимаясь с кресла, спросил Делетуар.

– А, и ты здесь, старый кашалот? – несмотря на грубость слов, лицо Родреана на миг разгладилось. – Я не заметил тебя, хотя должен был почувствовать, что ты где-то поблизости. Я принимал твой бальзам два дня, пока он не закончился!

– Того что я дал, ваше величество, должно было хватить на два месяца! – рассмеялся Делетуар. – Но по счастью я, хорошо зная вас, догадался прихватить ещё бутылочку.

– Вот это дело! – наконец император, пребывавший до этого в довольно скверном расположении духа, улыбнулся. – Твой бальзам – это единственное, что я хотел бы видеть сейчас! Ты должен открыть мне его изготовителя. Клянусь богами, я сделаю этого человека герцогом!

– Ему это не нужно, ваше величество, он уже и так принц, – мягко поклонился канцлер.

– Так это – лиррийское питье? – догадался император. – А это, стало быть, и есть его автор?

– Увы, нет, ваше величество. Но этот илир вскоре станет автором чего-то большего, чем простая наливка в бутылке!

– Стало быть, он и есть тот самый принц Доромионский, ваш протеже?

– Вы очень проницательны, ваше величество, – тонкое ухо лирры уловило нотку сарказма в этой фразе, произнесённой Делетуаром. – Это действительно он.

– Что ж, пойдёмте со мной в голубую гостиную. Сегодня я велел накрыть там.

Вздых разочарования пронёсся по толпе собравшихся. Голубой гостиной император называл небольшой балкончик. Он любил говаривать, что там у него всего одна стена серая, а три остальные – голубые. Очевидно, что там мог поместиться лишь небольшой столик, за которым будет тесновато и троим, не говоря уж о том, что двое из них огромны, словно небольшие горы. Столпившимся придворным стало понятно, что сегодня его величество будет полдничать в совсем узком кругу – в компании лишь второго канцлера и этого лиррийского выскочки.

Худой, словно тростинка, Драонн шёл позади двух этих громадин и чувствовал себя рыбацкой шхуной, попавшей между плавающими льдинами, которые, по рассказам путешественников, во множестве водились к северу от Келлийских островов. Рядом шли два стража, каждый из которых ничем не уступал в размерах императору, разве что жира под их кожей было куда меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.